

84Р7(2Р-4Кен)

С76

768211

Сталинский **КУЗБАСС**

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

4

1952

**Издательство „Кузбасс“
г. Кемерово**

2016/ 19/

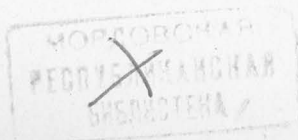
031

Р
С 761

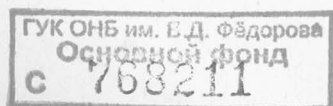
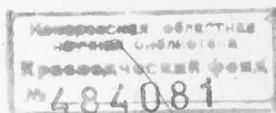
84P7(2P4/кал)
С 76

Сталинский **КУЗБАСС**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КУЗБАСС»
Кемерово—1951

АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН.

ДАЛЬНИЕ ГОРЫ

Р о м а н*

ГЛАВА 8

После митинга, во время многочисленных поздравлений и трехкратного фотографирования для газет, друзья Черепанова — Голдобин, Лукин, Саенко, один по одному незаметно исчезли, и Михаил на них очень обиделся: не могли полчаса подождать, чтобы потом пройти по ночному городу. А вот Алексея Алешкова за весь вечер ни разу не удалось встретить, и это уже вовсе плохо.

Не знал Черепанов, что комбайнер Алешков, задержавшись на полтора часа в забое, сидит теперь в приемной парткома и, несмотря на усталость, на душевное расстройство, несмотря на поздний час, терпеливо ждет Бондарчука.

Вот настенные часы с хрипотцой ударили-полвторого. Поздно-вато и давно бы пора домой, но Виктор Петрович что-то замешкался у главного инженера, уйти же, не поговорив с ним, совершенно невозможно... Тихо в этот час в парткоме и непривычно пусто. В полуоткрытую дверь кабинета виден длинный стол с двумя рядами желтоватых стульев, тумбочка с телефонными аппаратами, широкое темное окно с распахнутой форточкой, — от легкого ветерка колыхается кремовая шелковая шторка. Изредка звонит телефон—это, наверное, городской, шахтные-то телефонистки знают, где находится парторг.

Обида горячим комом то и дело подкатывает к горлу. Чтобы как-то успокоиться, отогнать невеселые мысли, Алешков пробует средство собственного изобретения: повторяет на память данные комбайна. Длина — четыре тысячи четыреста десять миллиметров... Ширина — семьсот двадцать миллиметров... Высота — до тысячи миллиметров... Если смотреть на эту машину сверху, да еще в уменьшительное стекло, по форме она

будет напоминать игрушечную трещотку, которыми имитируют пулеметную стрельбу на военных учениях или пугают прожорливых птиц на бахчах: удлинённая рукоятка — это ведущая часть машины, собственно «трещотка» — это часть, на которой крепятся режущий орган — кольцевой бар и грузчик, выбрасывающий уголь на транспортер, — простая штука. Оно, может быть, и не простая, но надёжная, если её как следует взнуздать да пришпорить. Нечего сказать: за малым дело!

Вот речь о высоте... Машина забирает уголь на высоту до одного метра, а нужно было бы не меньше двух, ну хотя бы полутора. Но тогда моторы мощностью в 68 киловатт не потянут, потребуется другой расчёт горного давления и на режущий орган, другое (не семь тонн!) тягловое усилие на канате при рабочем ходе... А увеличение мощности моторов неизбежно повлечёт за собой увеличение общих габаритов машины, но в какой пропорции, Алешков забыл. И вместо того, чтобы успокоиться от своего доморощенного средства, теперь и сидеть на месте не может. Водитель! Комбайнер! Нет, чтобы каждый день познавать все новые свойства машины, он и старые-то знания постепенно растрясает. А ведь механики, не говоря уже о слесарях, с большим уважением прислушиваются к каждому его слову, — никто другой, а именно Алешков первым на шахте прошёл шестимесячные курсы комбайнеров. Прошёл-пробежал, а теперь вертится, как белка в колесе.

И опять обида комом подкатывает к самому горлу, — не хватало еще всплакнуть по-бабьи. Сегодня за смену пять раз машину уводило с дорожки. Пять раз — это же представить только надо! Еще три дня тому назад он говорил начальнику участка, что уголь в лаве на двадцать пятом — тридцатом метре от конвейерного штрека резко изменился, и теперь никак не подходит под категорию «средней крепости» и не лучше ли представить для комбайна нижнюю часть лавы, где для пере страховки все еще работает обыкновенная врубовка. Комбайн действует с оглядкой на врубовку: в случае чего, не подведи, выручи! Дичь, а ничего пока не поделаешь.

Начальник участка прошёл отрезок лавы, указанный Алешковым, в одном месте колупнул, в другом — потюкал обушком, потом покрутил носом и сказал, что пусть пока все остается попрежнему, а там видно будет. Кому-кому, а Алешкову-то уже давно видно и слышно. Сегодня вон, не успел поравняться с диспетчерской первого района, как из нее выскочила рябоватая девчурка и заверещала.

— Эх, работнички! Что ж вы три часа попусту продержали целую партию порожняка? На Восточном две лавы угля из-за вас не выкачали? Комбайнеры-комбайнерчики!..

Шли комбайнеры по штреку — Алешков с помощником — и понуро молчали. Не было желания ответить даже на попреки. Но куда же все это терпеть?

Думает, думает Алешков, перебирает свои обиды, вспоминает о надеждах на веселую, красивую работу, потом устало вздыхает и чувствует, как его начинает одолевать дремота. Часы бьют два, и не успевает замереть их медный дребезжащий звон, как в приемную входит Бондарчук. Он не удивляется позднему посетителю, а всего лишь жалеет:

— Что ж ты не позвонил к Филенкову, Алексей Платонович? Я бы скорее там управился...

— У вас же, наверное, важный разговор...

— Ну, важный... у тебя тоже не пустяковый, раз ждешь до двух ночи, да еще после смены. Проходи, Алексей Платонович.

Алексей Платонович проходит в кабинет и усаживается против парторга. Трудно ему начинать, Бондарчук это чутьем угадывает и помогает.

— Ты что-то надумал, Алексей? По глазам вижу. Рассказывай.

— Надумал... Уходить с комбайна надумал. Вот что, Виктор Петрович, — глуховато, одностонно говорит Алешков и упрямо смотрит в глаза парторга. — По всему вижу, что дело это пока опытное, а мне хочется до... не могу как хочется туда, где уголь рекой шумит... Не хвастаюсь, но умел же я работать наравне с лучшими...

— Ответственное решение... — задумчиво говорит Бондарчук и разглаживает пальцами мелкие морщинки на виске. — Ответственное, Алексей Платонович, и... — он вдруг умолкает на мгновение и виновато усмехается: — Ты вот сказал, что умел работать наравне с лучшими, а я добавлю, что ты и не разучился, иначе за что же тебя правительство наградило медалью «За трудовую доблесть».

— Значит, и меня? — Алешков невольно опускает глаза, уши его медленно краснеют.

— И тебя, а то как же... Поздравляю от всего сердца! — Бондарчук тянется через стол и сильно встряхивает руку комбайнера. — О решении же твоём давай поговорим на свежую голову, завтра. Если ты, конечно, не возражаешь?

— Чего же я буду возражать? — поспешно соглашается Алешков.

— Ну вот... — продолжает парторг, — а теперь у меня к тебе еще одно маленькое дело... Таскаю, знаешь, сегодня с

утра одну вырезку из газеты, — специально для тебя... Чуть не забыл... Только едва ли это будет тебе интересно... в связи с таким ответственным решением...

— Да уж давайте, чего там... — Алешков болезненно кривит губы, а сам думает, что поздравление Бондарчука с первой наградой прозвучало для него, как самый горький упрек. Заслужил.

— Вот она, эта вырезка... Почитай, Алексей, очень интересно, по-моему...

Алешков низко наклоняет голову к столу, изо всех сил сосредоточивается, читает, отчего черные, как крупные смородины, глаза его сходятся близко у переносицы. В тридцатистрочной информации говорится:

«Машинисты Чистяковской шахты № 3-бис Андрей Кодаковский, Петр Матвиенко и Василий Кучер за последний месяц комбайном «Донбасс» подрубили и выгрузили из лавы 11828 тонн антрацита (ну, может, что антрацита... — пробует усомниться Алешков. — А у нас ПЖ — паровично-жировой, — этот не сразу раскусишь), это в два с половиной раза больше, чем добывалось в той же лаве врубовой машиной при участии навалотбойщиков».

— И кто это писал? — недовольным тоном замечает Алешков. — Ни мощности пласта, ни крепости угля, — ничего не обозначено, — пойми тут, в каких условиях люди работали...

— Информация скуповатая, это правильно, — соглашается парторг и незаметно шурит глаза в хитрой усмешке. — Но ты знаешь, Алексей Платонович, я, например, прочитал ее и, не поверишь, разыграло у меня сердце! Ведь в Донбассе пласты по большей части маломощные, и если на маломощных такую махину товарищи отвалили, то что же мы на своих двух-трехметровых можем сделать?

— Можем, но не умеем...

— Значит, дело за тем, чтобы научиться.

— У кого?

— Да вот, хотя бы у тех же товарищей из Донбасса.

— Им, что ж, написать, Виктор Петрович?

— По-моему, следовало бы. Я с удовольствием помогу..

Или сам справишься?

— Грамотный, управлюсь.

— И еще знаешь что... — Бондарчук поднимается со своего места, обходит стол и останавливается рядом с мешковато, устало сидящим парнем. — Пока ты, Алексей Платонович, читал информацию, на память мне пришел вот такой интересный документ: в тысяча девятьсот тридцать пятом году, к слету горняков-стахановцев Донбасса обратился с письмом

наш знаменитый соотечественник академик Иван Петрович Павлов... Слышал о нем?

— Ну... Виктор Петрович? — Алешков обиженно отводит взгляд в сторону.

— Так вот, Иван Петрович писал... Не ручаюсь сейчас за точность, но когда-то помнил от слова до слова... Слушай:

«Уважаемые горняки! Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй. Особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую догадку, то есть соединял голову с руками. Вы попали на эту дорогу. От души желаю вам и дальше двигаться по этой, единственно обеспечивающей счастье человека, дороге. С искренним приветом Иван Павлов, академик».

— Понял, Алексей, Платонович? — Бондарчук нагнулся и заглянул в лицо комбайнера.

— Да-а, Иван Павлов, академик... — почти шепотом говорит Алешков. — Видел я его портрет, Виктор Петрович, лицо в морщинах, седой, а глаза вострые-вострые... Можно мне записать его слова... письмо это самое? Я бы завтра помощнику своему показал, особо насчет того, чтобы голову с руками соединять... Что это единственная для счастья дорога.

— Завтра, завтра, Алеша, — добродушно пообещал Бондарчук. — У нас ведь все равно должен состояться разговор о твоём ответственном решении... Шагай спать, до свиданья. И имей в виду, что я сегодня с вами очень, очень счастлив.

Алешков ушел, в последний раз оглянувшись с порога. Бондарчук еще раз кивнул ему и вызвал по телефону квартиру. Телефонистка сказала: «Готово» и в ту же секунду в трубке послышался встревоженный, немного сонный голос.

— Виктор?... Что же это такое? Скоро три...

— Люсенька, ну никак, никак не мог... — виновато заговорил Виктор Петрович. — Что там Валерка, спит?

— Ну, что же Валерке делать, он же не парторг ЦК...

— Но ведь и ты не парторг ЦК, однако тоже не спишь...

— Я — другое дело, я за тебя тревожусь: ты же с трех часов ничего не ел...

— Люсенька, но на шахте-то ты знаешь...

— Знаю... — Люся, наверное, зажала в ладонях микрофон и, подчеркивая каждое слово, сказала: — Витя, я знаю, и вместе с тобой очень, очень счастлива!..

Бондарчук кивнул.

— А я только что эти же самые слова сказал одному очень хорошему, но немного растерявшемуся парню...

...А хороший и немного растерявшийся парень вышел на

деревянное крыльцо, подышал, посмотрел на небо. Одна большая, синяя звезда подмигнула ему. Алешков усмехнулся: правильно он сегодня сказал на смене помощнику, когда тот посетовал на частые перекосы:

— Перекос — не беда, важно во-время его заметить!

Куда бы теперь тронуться? К Черепанову? В три-то часа? Нет, женушка у Михаила — ужас, какая строгая, еще, чего доброго, укажет от ворот поворот.

Тогда пойдет он к Митеньке, не может быть, чтобы этот неугомонный парень уже уснул, — читает, наверное, свои любимые стихи. И вообще, спать первую ночь после получения награды не положено!

ГЛАВА 9.

Это уж всегда так: стоит Митеньке Голдобину взяться за самое незначительное дело, — без единомышленников, без соратников он обойтись не может. Попробуй, не пойдя с ним, — все равно дойдет, не мытьем так катаньем. Например, сколько сегодня Саенг с Лукиным ни упирались, ни отнекивались, а все же пошли за Голдобиним, да еще как пошли!

Они решили не досаждать своими разговорами Михаилу Черепанову, для этого впереди сколько угодно времени, а сегодня, сразу после митинга, Михаил и так еле успевал поворачиваться. Заметив, как он болезненно сморщился, когда бойкий фотограф скомандовал ему: — Выше голову, Михаил Зотыч! — Митенька толкнул локтем сначала Саньку Лукина, потом Юрия Саенг.

— Пошли, шахтеры, он после этого фотографирования кусаться будет. Вы же знаете нашего героя...

Пошли прямым ходом в больницу.

— Вы, что в своем ли уме? — не на шутку рассердилась дежурная сестра. — Старик и так еле-еле уснул после укола...

— А мы записочку напишем, — нашелся Голдобин. — Понимаете? Как только Гаврила Семенович проснется, вы ему сейчас — записочку! Только имейте в виду, товарищ Некрасов теперь Герой Социалистического Труда! Почта к нему вне очереди...

— Да, знаю, знаю... — отмахнулась сестра. — Пишите свою записочку.

Записка получилась из одних поздравлений, в нее никак не удалось вписать ни одного лишнего слова.

«Поздравляем тебя, Гавриил Семенович, я, Дмитрий Голдобин, Александр Лукин, Юрий Саенг от имени всех твоих учеников, от имени шахты и» — Голдобин хотел на-

писать: «и от имени всех профсоюзных и общественных организаций», но для этого явно не хватало полномочий и пришлось ограничиться шахтой и бывшими учениками. Расписались по очереди.

— А дальше курс — на дежурный магазин! — распорядился Дмитрий, когда они вышли из больницы.

Дежурный магазин уже закрывали, но кто же мог устоять под напором трех молодых шахтеров?

Из магазина шагали порядочно обремененные покупками. Самое деликатное нес Дмитрий: три десятка яиц, масло, консервированное какао, сахар и полученную в магазине «под честное слово» железную банку из-под мороженого. Стряпню затеяли явно не глядя на ночь. Саенг с Лукиным опять-таки не могли остаться в стороне, — они были буквально заворожены кулинарными замыслами Дмитрия. Мечту о мороженом собственного изготовления Голдобин лелеял давно, но все мешали обстоятельства или просто отсутствие подходящих поводов. А тут как нарочно, день завтра с утра выходной, на душе безоблачно, хочется разговаривать не умолкая, слушать не уставая, и разве плохо для этого повозиться на своей холостяцкой кухне.

Кухню молодежного общежития сразу и оккупировали, благо к этому времени она была совершенно свободна. Позвали на помощь дежурную по коридору — «расторопную молодящуюся особу», как ее давненько, прозвал Голдобин. «Молодящаяся особа» оказалась действительно женщиной расторопной и меньше чем в полчаса достала ведро льда, «только прошлогодний...» — сказала она смущенно. Гуся поставили жарить в духовку на огромной чугунной сковороде, массу для мороженого изготовили, вылили в железную банку, банку в ведро — и закутилась мельница.

На самом деле, хорошо так часа в четыре ночи не спать! Это уже и не ночь, но еще и не утро, а что-то среднее. Огромный трехэтажный дом спит, из многих десятков окон светятся всего два-три, и из них одно твое, — это ты не спишь, ты думаешь, печалуешься, мечтаешь, ты весь над ночью, весь устремлен навстречу неотвратимо наступающему утру. Наступит утро и знакомый голос в репродукторе скажет: «Говорит Москва! С добрым утром, товарищи. Передаем последние известия...»

А Митеньке иногда казалось, что Москва должна не так начинать свои утренние передачи, свои последние известия. Ведь известия-то о такой огромной, о такой родной жизни, творимой на каждом шагу, каждую минуту, — известия о молодости целого мира. Хотелось, чтоб они каждое утро начинались по-разному, чтобы Москва говорила примерно так:

«Дорогие товарищи! Сегодняшний день, 26 сентября, начался на восточных рубежах нашей Родины еще вчера в двадцать два часа двадцать восемь минут по московскому времени. В двадцать два часа двадцать восемь минут поднялось солнце над далекой Курильской грядой и вместе с первыми его лучами, в тихую бухту рыболовецкого колхоза имени Сталина вернулся артельный флот с богатым уловом. Мы только что разговаривали по радио-телефону с председателем правления колхоза товарищем Никитиным. Слушайте его рассказ о событиях в колхозе за вчерашний день и планах на сегодня...»

Товарищ Никитин рассказывает, какая удивительно тихая, ласковая погода стоит в конце сентября на море, сколько за последнюю декаду было выловлено первосортной рыбы, что сегодня состоится открытие детских яслей, а на будущей неделе — колхозного клуба на двести пятьдесят мест. Товарищ Никитин, заметно волнуясь, передает сыновний привет Большой родимой земле.

И опять Москва:

«Бежит солнечный свет по морским просторам, плещутся на свежем ветру вымпелы многочисленных судов, и вот уже осенним багрянцем вспыхивают вершины первых прибрежных сопков, все дальше на запад, к сердцу нашей Родины—Москве летит солнечный свет... Километр за километром просыпается наша земля. Мы с вами в Кузбассе.

Вчера здесь было получено сообщение о награждении Президиумом Верховного Совета СССР большой группы горняков за самоотверженный стахановский труд, за неустанный внедрение новаторских методов работы. Звание Героя Социалистического Труда присвоено в числе других и молодому врубмашинисту стахановцу шахты «Капитальная» Михаилу Зотычу Черепанову. Мы вызываем по телефону товарища Черепанова. Послушайте наш разговор...»

Митенька внезапно умолкает, так как в дальнем конце коридора и на самом деле раздается длинный требовательный звонок.

Вернувшись в кухню после короткого разговора по телефону, Дмитрий еще на пороге притушил веселый блеск в глазах и небрежно обронил:

— Мишуха все не спит... Сейчас явится.

Саенко перестал шуровать в плите и удивленно оглянулся:

— Со своей Александрой?

— Он говорит, что Александра уехала к родителям и до сих пор не вернулась...

— Тогда действительно... — согласился Лукин и устало отодвинул ведро со льдом и железной банкой, с будущим мо-

роженным. — В такую ночь, и сидеть одному — с ума спятишь...

— Мить, ты продолжай, накручивай, насчет радио-то... У тебя как стихи получается... — попросил Саеног.

— Не стихи, а проект... — правоучительно поправил Голдобин и, сев прямо на пол, поставил между колен ведро с банкой.

Саеног посоветовал:

— А ты напиши о своем проекте в Москву.

— Я писал. Мне ответили, что это нерационально, что если так расписывать, то никакого времени не хзатит, чтобы рассказать о жизни нашего государства. Вот куда вопрос упирается...

— А ведь могут же завтра о нас по радио сказать... — вслух подумал Лукин. — Мол, такие-то и такие награждены советской властью за то-то...

— Могут, — решительно кивнул Дмитрий, потом лег на спину, закинул руки под голову и вздохнул: — Эх, если по правде, люблю я славу!.. Только хорошую, без единого пятнышка!

— Здравствуйте! — безобидно с'язвил Лукин и тихо засмеялся. — Он уже влюбился в славу! А что с тобой будет после второго ордена?

— Второго ордена может и не быть, а вот чтобы говорили обо мне хорошо, с уважением — это да...

— Говорить пока особо не о чем, все еще торчишь в забойщиках, без всякого движения... — уже гораздо серьезнее заметил Санька.

Дмитрий сел и с такой силой крутнул банку в ведре, что на пол выскочило несколько больших грязновато-сизых льдин. Крутнул еще раз и с раздражением спросил:

— А вы какое движение совершили, когда мегнулись на проходку?

— У нас, по крайней мере, машина в забое.

— Которая работает три часа в сутки? Вокруг которой вы ходите и не знаете, с какого конца к ней приступить? Так что ли?

— И не так! Не так! — запротестовали Саеног с Лукиным. Подняв руку с кочергой, Саеног попросил минутку внимания, но Дмитрий перебил его:

— Нет, подожди и слушай? Я знаю, что у вас только поверху все благополучно...

— А новичков на учебу к нам направляют — в бригаду, Сибирцева...

— А я говорю, что это только поверху все благополучно, на самом же деле вы топчетесь на месте и боитесь в этом признаться. У меня же простое дело: я забойщик по мелким нарезкам, и там, где стал на работу, можно смело сокращать двух человек...

— И только?

— Ты думаешь, мало? Могу и за трех!

— Все равно... — с сожалением подытожил Лукин. — Ты не то говоришь.

Азартный румянец на щеках Дмитрия медленно потускнел, зато глаза мягко, ласково увлажнились.

— Да, я говорю не то, — чистосердечно признался он. — Вы же сами знаете, есть у меня мечта на всю жизнь...

— ...И мечта называется Герасимом Петровичем Хомяковым, — в тон ему продолжил Саенко. — Письма-то пишет твоя мечта?

— Пишет. Месяца три, говорит, будет еще испытываться гидравлическая система, а там комбайн опять к нам на шахту... Вот я и жду, и во сне вижу этот день.

— И стихи сочиняешь...

— Стихи не сочиняю, а читаю, они, наверное, уже все сочиненные.

— Э-эй, что такое?! — раздался в коридоре встревоженный голос Черепанова. — Вы что горите-пылаете?

— Пока дымимся... — отозвался Дмитрий и, глянув на потолок, принялся: на самом деле, кухня была располным-то полна сизого косматого чада.

— Гусь! — в три голоса выкрикнули шахтеры и бросились к духовке. — Ой, гусь!

Да, жирный гусь успел-таки здорово обуглиться.

— А я, понимаешь, сижу и нюхаю, — виновато объяснил Лукин. — Что такое, думаю, вроде как гусем пахнет, но почему горелым, — не пойму...

— Тебе же сказано было — наблюдать за гусем, — ворчливо отозвался Дмитрий. — А ты сидишь и нюхаешь... Подумаешь, специалист по запахам!

Гуся перевернули, немного успокоились после переполоха, и так как, по общему предположению, Черепанов явился со свежими силами, то банку в ведре заставили крутить его.

Разговор мало-помалу опять стал налаживаться. Вспомнили про вечерний митинг на шахте, рассказали Михаилу про записку Некрасову.

Черепанов молчал, не поднимая взгляда на товарищей. И кто его знает, когда бы он заговорил, если бы в коридоре кто-

то вопросительно не кашлянул. Митенька сейчас же выбежал из кухни и, чтобы не потревожить соседей, негромко пригласил:

— Входи же, входи, Алексей!

— Может... неудобно? — спросил с запинкой Алешков.

— Ребята, удобно или нет? — обратился Митенька к товарищам.

— Удобно! Вполне! — ответили Саенко с Лукиным.

Алешков вошел и, прищурившись от яркого света стосвечевой лампочки, оглядел необычайное собрание на кухне.

— Не узнаешь, что ли? — усмехнулся Лукин. — Проходи, комбайнер, работенки и для тебя хватит.

— А я думал, вы празднуете... — разочарованно протянул комбайнер.

— Не потопаешь — не полопаешь! — с задором отозвался Голдобин и потянул из духовки жаровню с румяным, подгоревшим гусем. — Видел, какая красота? Вот тебе и центр нашего праздника. Дело за мороженым... Как там оно, Миша?

— Все еще булькает... — спокойно доложил Черепанов.

— Хм, булькает... Но холодное? Тогда мы его будем употреблять, как... этот... ну, полуфабрикат.

Но товарищи довольно ясно дали понять инициатору всей затеи, что ни на какие полуфабрикаты они не согласны, и доводку мороженого, за недостатком времени и по причине разгулявшегося аппетита, поручили все той же расторопной дежурной.

Перешли в комнату Голдобина, накрыли стол, раскупорили бутылочки и дружно подняли по первой рюмке.

Подняли и переглянулись.

— За что? — вслух подумал Голдобин.

— За награжденных шахтеров, чтобы не уставали... — предложил Саенко.

— И за механизаторов, за комбайнеров! — встрепенулся Алешков.

— Лучше за всех шахтеров, — подхватил Лукин и особо, за тех, кто на смене, чтобы расступалась перед ними самая крепкая порода, чтобы уголек рекой бежал!

— Давайте по порядку... — поднялся со своего места Черепанов.

— Давайте выпьем за того, кто бессменно, каждый час на своем посту, кто долго не спит ночами... Ему же скоро семьдесят лет исполнится...

Вслед за Черепановым встал Голдобин, поднял рюмку над головой и тихо, сдержанно проговорил:

— Спасибо Вам, родной товарищ Сталин,
За то, что Вы такой, какой Вы есть!

Потом выпили за тех, кто на смене, за тех, кто награжден и вообще за всех шахтеров. Особо же за Георгия Сибирцева. Пожалели, что нет его сегодня с ними.

— На смену с новичком пошел... — сообщил Голдобин.

Лукин покачал головой.

— Забой, что-то у нас пошаливает...

— Кровля?

— И кровля и с бортов жмет... Но все равно к концу месяца будем иметь не меньше девяноста метров, а то и все сто!

— А вообще, как вы рассуждаете о делах на шахте? — неожиданно спросил Черепанов и даже постучал ножом о гарелку.

— По-моему, это как полет! — Дмитрий резко взмахнул руками и строго глянул на прыснувшего Лукина. — Без смеха, шахта все в гору забирает! Это даже со стороны видно.

Алешков вытер губы бумажной салфеткой и скептически улынулся.

— Зачем же со стороны? Ты бы пришел ко мне в комбайновую.

— Заладил со своей комбайновой!.. — отмахнулся Голдобин. — Весь свет от тебя комбайновая заслонила. А то, что пятилетний план шахта выполнила на полтора года раньше срока, — это как?

— Это, Митя, старая одежда... — вот как, — возразил Черепанов и повернулся к Алешкову. — Трудновато, говоришь, в комбайновой?

— Алексей не сразу ответил, а сначала старательно пригладил свои жестковатые черные кудри, поднял рюмку и посмотрел через нее на свет, при этом по темному, утомленному лицу его пробежал солнечный зайчик.

— Если скажу, что трудновато — я просто мало скажу... — вымолвил он наконец. — Я ведь к вам прямо от Виктора Петровича.

— Что ж ты к нему зачастил? — осведомился Лукин.

— Когда тебе больно, ты не считаешь, в который раз идешь к доктору. — сдержанно отозвался комбайнер.

Шахтеры, всяк на свой манер, устроились за столом поудобнее: Митенька оперся обеими локтями о край стола, а кулаками в щеки, так что глаза у него стали совсем узенькими и оттого немного хитрыми, Лукин откинулся на спинку стула, а правую руку положил на плечо Юрия Саенога, продолжавше-

го старательно обглаживать гусиную пожку. Черепанов сидел потупившись и катал в пальцах шарик из хлебного мякиша. Долго и все горячее говорил Алешков, иногда вычерчивая вилкой в воздухе одному ему понятные фигуры, и после каждого нового чертежа неизменно спрашивал у Голдобина: — Это, по-твоему, тоже полет? — пока тот не признался:

— Хватит, Алексей, сам знаю, что шахта из старых одежек выросла! Правильно Михаил выразился.

— А новые кто кроить должен?

— Новые давно скроены: задача-то поставлена на пятнадцать лет вперед...

Алешков успокоился.

— Вот я и рассказываю, как выполняю эту задачу... Одним словом, плохо!

Черепанов опять медленно постучал ножом о тарелку.

— Ты все о неполадках, а почему они? Машина, что ли плохая?

Алешков рассказал о сообщении из Донбасса, но рассказал через пятое на десятое и, чтобы проверить себя, вытащил из кармана газетную вырезку и вслух зачитал.

— Но я почти столько же подрезаю врубкой! — удивился Михаил.

— Ты подрезаешь, а они отрезали и выгрузили двенадцать тысяч тонн! У нас же некоторые подумали о комбайне, что это вроде паровоза: развел пары и накручивай, как по рельсам; не получилось, как по рельсам, — стали руками разводить, стали гонять комбайн с места на место, стали его отжимать в сторонку, дескать, не пришелся ко двору, подождем нашу кузбасскую машину...

— Нашу недолго осталось ждать... — перебил Дмитрий.

— Поэтому ты пока и поглядываешь на донбассовскую издадека, да свысока?

Дмитрий обиделся.

— Мне некогда поглядывать, я работаю.

— А думать-то у тебя время есть?

— Это уж вы на личности перешли... — с сожалением заметил Лукин.

— А как же без личности? — Не унимался Алешков. — Когда о комбайне говорят, обязательно мою личность вспоминают. Вот я и хочу у вас спросить: думаете вы все переходить на комбайн?

— Я не думаю! — решительно объявил Голдобин. — Я себе уже выбрал дело на всю жизнь... Был тут у нас разговор до твоего прихода...

— Я говорю о деле, общем для всех нас, а ты о своем... на всю жизнь.

— Напрасно ты сердисься, Алексей, — проговорил Черепанов. — Общие дела состоят из наших маленьких дел, у каждого свое место в строю... Ты «Донбасс» водишь, Митенька будет работать на «Кузбассе»... у меня вот — врубровка, у остальных — проходка, выработка главного направления, но... — Михаил встал, отошел к этажерке с книгами и оттуда договорил: — Но вообще-то ты прав. Вон и Виктор Петрович сегодня говорил на митинге, что всем нам нужно готовить себя к работе в коммунистических условиях... Давайте-ка подумаем над этим.

Саенко посмотрел на часы, и Черепанов перехватил его взгляд.

— Я говорю, вообще подумаем, — не обязательно сегодня...

— На самом деле, уже половина пятого! — спохватился Лукин. — Давайте благодарить за хлеб-соль и по домам.

— И даже не спели... — огорчился Голдобин. — Выпьем еще по одной и немного помурлыкаем!

Но с песней что-то не ладилось, наверное, потому что запели вполголоса, а хотелось во всю-то силушку, чтоб окна звенели, чтоб соседи завидовали. Но соседи спали и тревожить их не стоило.

— Лучше завтра, — предложил Черепанов. — Пригласим к себе стариков, поздравим, поговорим и напоемся...

— За хлеб-соль, конечно, спасибо, — проговорил Алешков. — Только имейте в виду, шел я к вам с одной мыслью и ухожу с ней: если вы и дальше вот так, сквозь пальцы будете смотреть на комбайновую добычу, я... не знаю, что мне делать с нашей дружбой, что мне о вас думать...

Первым, на правах хозяина, нашелся Голдобин. Он встал против Алешкова и церемонно поклонился:

— Благодарим вас, Алексей Платонович, за привет, да за ласку, да за разговор откровенный. Слышали, шахтеры? Он не знает, что делать с нашей дружбой! Он «затрудняется!»...

ГЛАВА 10.

Из Кемерово Рогову удалось выехать только через три дня. Присутствовал он за это время на двух ответственных совещаниях в обкоме партии, съездил на правый берег в трест «Кемеровоуголь», а прямо оттуда — на одну из крупных шахт.

— Поглядеть решили, Павел Гордеевич, как у нас и что? — приятно удивился управляющий трестом, низкорослый и немного крикливый толстяк. — Добро, добро... Я и сам все

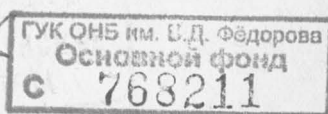
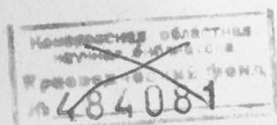
собираюсь выскочить в один из соседних трестов, почерпнуть, освежиться, да сами знаете, как трудно это в нашем командирском положении. Одним словом, завидую вам и благословляю: подсматривайте!

Подсмотреть Рогову почти ничего не удалось. Пробыл он на шахте с восьми вечера и до утреннего наряда. И если бы ему еще раз пришлось встретиться с управляющим трестом, он ему прямо так и сказал бы: не понравилось! Нехорошо. Скучно. Люди такие же, как и везде, чего, например, стоит комсомольская проходческая бригада Жихарева — работает — одно загляденье! Но тыл у нее не организован. Наряд сегодня выполнили на сто пятьдесят процентов, а вышли со смены злые — не подступись. И правильно, что злые, откуда же им быть добрыми, если половину сил они потратили на добывание леса, порожняка, на розыски запальщика.

С шахты до переправы через реку Рогов шел пешком. От машины отказался — утро снова было хорошее, светлое, тело немного ныло от непрерывного десятичасового лазания по выработкам, но дышалось свободно, глубоко. Шаг был упругим, стремительным, при таком шаге и остановиться трудно.

Но, может, это ему на свежий взгляд показалось все так нехорошо на шахте. может и у него под боком часто творится такая же ерундистика? — спрашивал себя Рогов, но тут же отмахивался с досадой: не может быть этого! Он далеко от зазнайства, от преувеличения успехов своего (теперь уже бывшего своего) коллектива, и все же — никаких сравнений. Вот хорошо бы послать сюда с «Капитальной» небольшую бригаду, человека три—четыре, только из самых боевых, из самых знающих, чтоб расшевелили кое-кого, чтоб пошумели, показали и чему-нибудь сами научились, хотя бы вот у Жихаревской комсомольской проходческой. И очень просто: даже на запущенном предприятии обязательно есть крупницы удивительного человеческого опыта — правда, их трудно приметить, если на жизнь смотришь скучными глазами.

К берегу, в извечных хлопотах причаливал неповоротливый моторный паром. На мостике, у кормового весла, стоял человек в морской потрепанной форме — командир этого судна. Человек в морской форме равнодушно смотрел на то, как пассажиры сами забрасывали чалки и подтягивали к мосткам ржавую, давно пережившую свой амортизационный век речную галошу. По выпяченной нижней губе, по ленивой прищурочке глаз можно было загодя сказать, что командир парома из всех сил презирает доверенное ему дело. Долго причаливали пассажиры неуправляемое суденышко, сильное течение то относило его, то наваливало кормой к мосткам. Глядя на всю

эту возню, Рогов еще подумал, что так же вот стоит сбавить обороты, заскучать и любой производственный участок становится мало управляем и несет и качает его течение и наваливает то кормой, то бортом на все, что ни попадает на пути.

Минут двадцать переплывали реку. Командир в морской форме кричал в переговорную трубу хриловатым, застоявшимся голосом:

— По-олна-ай!.. Держи обороты, кукла-а!

Из города Рогов позвонил в обком Ивану Леонидовичу и попрощался.

— Счастливо... — ответил Воронов. — Воюй на здоровье и не забывай разговора о комбайнах, ох, не забывай! Вот прямо сейчас же закатывай рукава и принимайся за дело.

На вокзал прибыл как раз к отходу поезда. Окна в плацкартном вагоне были открыты по-летнему. Немногочисленные пассажиры устраивались в недолгий путь. Большинство из них приезжало в областной центр по своим служебным делам. Это слышно было и по разговорам и можно было понять, глядя на их утомленные лица.

— И ничего в квартире, Володенька, не трогай, я тебя очень прошу! — говорила басом под окном роговского купе высокая круглолицая девушка. — Я ведь тебя знаю: если начнешь наводить порядок, ты там такой ералаш устроишь, потом всю жизнь буду разбираться. Ничего не трогай! И, пожалуйста, в нерабочее время сиди дома, я тебе могу каждую минуту позвонить. Запомнил?

— Ой, Вера, ну что ты говоришь, я все давным-давно запомнил. — умоляющим тоном отвечает золотисто-рыжий долговязый парень, с прозрачными серыми глазами, ничего кроме преданности и любви, не выражающими.

Паровоз загудел, девушка с мужским басом обхватила, троекратно расцеловала рыжего парня и буквально передала его с рук на руки в тамбур, знакомым пассажирам.

Парень оказался соседом Рогова. И, как потом выяснилось, очень беспокойным, до головокружения разговорчивым. Он сразу же захотел есть, как это делают девяносто девять процентов пассажиров. Ел чисто плотно, удивительно много и чрезвычайно задумчиво. Потом выпил две бутылки нарзана, сходил, почистил зубы, сложил все в свой маленький саквояж и, закулив, сел против Рогова.

Рогов пробовал читать газету, но больше смотрел в открытое окно, на проплывающие мимо городские окраины, на черные квадраты взрыхленных картофельных участков. Начинать обычный дорожный разговор не хотелось, и парень его

немного раздражал. Но надежды на спокойную псездку с каждой минутой катастрофически таяли. Молодой рыжий сосед все чаще многозначительно покашливал и все более пристально присматривался к Рогову — ему явно не терпелось выговориться. И он заговорил:

— Видели? — спросил он таким тоном, словно они только за полчаса до этого прервали задушевную беседу.

Рогов поднял на путника непонимающие глаза.

— Веру мою видели? — настойчиво переспросил Володя и взбудораженно снял толстые роговые очки с потной переносицы. Супруга! Понимаете?

— Поздравляю... — успел Рогов вставить одно только слово.

— Спасибо... — отмахнулся молодой муж и, счастливо улыбнувшись, почти в изнеможении откинулся на спинку сидения. — Это, знаете, товарищ, ужас!. Вы взрослый человек, вы знаете, что такое любовь, но настоящую ситуацию вы не сразу уразумеете — это трагедия.

И Рогов поспешил согласиться, что действительно сразу он не в состоянии уразуметь настоящую ситуацию. А нечаянный его собеседник окончательно разошелся. Он пересел поближе и даже потянул слушателя за лацкан пиджака. Он говорил и говорил, забыв обо всем на свете.

— Вы понимаете, мы любим друг друга уже полгода. Полгода! Можете себе представить? А полгода — это срок в человеческой жизни! Мы встретились весной на областной конференции, и наша любовь пришлась как раз в разгар строительного сезона. Вы понимаете, мы не имели права все подчинить своим личным интересам — я прораб строительного участка в Сталинске, Вера — помощник прораба в Кемерово. Мы строим дома. Жилые. У нас есть план, есть свои сроки, свои замыслы, мы не имели права делать какую-нибудь перетасовку в разгар строительного сезона, вы инженер, вы это можете понять. И вот за шесть месяцев я написал сто пятьдесят три письма Вере и она мне — сто шестьдесят. Я не преувеличиваю. И вот строительные работы, если судить по летнему размаху, свертываются. Я прямо зубами вырвал командировку в своем управлении и — сюда. И в первую очередь я пошел на участок, где командует Вера. Мне не понравилось — это формализм, формализм и формализм! Я прямо так и сказал Вере, и она согласилась. Тогда я пошел к руководителю работ и сказал то же самое, я сказал, что это безобразие, что жить в новых домах будут, по меньшей мере, наши дети, и в какое время жить будут! И что я не желаю, чтобы мои и верины дети со смехом, заметьте, с

горьким смехом показывали пальцами на этот дом, как на пережиток давно минувшего казенного отношения к делу, то есть к жизни, что дом на углу улиц Магистральной и Ворошиловской — это копия какой-нибудь купеческой хоромины в старом захолустном городке, а жить в нем будут новые, советские люди и жить они должны красиво. И потом я еще сказал, что категорически настаиваю, чтобы мою Веру перевели на работу в Сталинск, тем более, что это по линии одного ведомства. Потом мы пошли с Верой и зарегистрировались. А когда вышли из ЗАГС'а, Вера сказала, что о переводе в настоящее время и речи быть не может, что на днях закладывается еще два дома и она с группой молодых специалистов должна дать бой кое-кому в своем тресте, нужно отстоять проект красивого светлого ансамбля. Вы понимаете, какой у Веры характер? Я должен был согласиться и лично известил об этом директора треста. И прямо смешно было смотреть, как этот товарищ схватился за голову и буквально запричитал: «У меня, говорився надежда была на ее замужество, я уже документы приготавливал. Как вы не можете понять, что я тоже семейный человек, что работа у меня нервная, что я уже не могу, когда она приходит ко мне каждый день со своими замыслами и говорит басом: «Здравствуйте!».

— И вот теперь не знаю, что делать... — рассказчик оседлал очками большой с горбинкой нос и, отодвинувшись, строго глянул на присмирившего Рогова. — Понимаете, я на первых порах оробел перед молодой женой и не сказал всю правду, утаил от нее, что скоро меня, очевидно, перебросят на один из рудников, жилье шахтерам строить... И совесть меня мучает, и уезжать из Сталинска не хочется: город-то какой!

За этим длинным беспорядочным рассказом Рогов и не заметил, как поезд прибыл в Топки. Пошли со спутником в буфет — все равно делать нечего, а стоянка большая. Рогова кто-то из малознакомых трестовских работников окликнул:

— Товарищ Рогов, здравствуйте, с приездом!

Прораб Володя подержал у рта, потом отставил стопку, поморгал на инженера мохнатыми золотыми ресницами и обрадовался:

— А-а, так вы Рогов! Слышал, слышал о вас. О «Капитальной» по Кузбассу легенды ходят. Между прочим, меня как будто к вам на рудник и направляют. Эх, шахтеры, шахтеры, завидная у вас судьба! Но... — Володя поднял палец, потом взял стопку, залпом выпил, сказал мимоходом, что этого зелья Вера и за километр не терпит, а потом уже продолжал неоконченную мысль. — Но... шахтер дает только тепло, и кланяемся мы ему за это поясным поклоном. Однако шахтер живет в до-

мах, поднятых нашими руками, турбины крутятся в зданиях, поднятых нашими руками, города расцветают светлыми дворцами—это мы их ставили. Строители в советскую эпоху—заглавная специальность. Я с детства хотел быть и стратонавтом, и водолазом, и скотоводом, а отец однажды взял меня подмышки, поставил на стул, надавил вот так пальцем на нос и распорядился: «Быть тебе, Володька, строителем!» Я стал строителем. Не обижаюсь на отца.

Да, если человек говорит без усталости, с одинаковым воодушевлением и час, и два, и три, он может заговорить, укачать, усыпить.

Рогов попросил проводника устроить постель и лег спать. Ему показалось, что после бессонной ночи на шахте он просто обязан уснуть. Но сна настоящего так и не дождался. Временами наваливалась легкая полудремота, сквозил меж ресниц неяркий свет осеннего полдня, что-то невнятное выстукивали колеса под вагоном, а когда они умолкали, слышны были станционные звонки на остановках, голоса за окном. Потом вагон вздрагивал, голоса удалялись, исчезали. Рогов ворочался с боку на бок, как позапрошлую ночь в гостинице, пробовал ни о чем не думать. И постепенно сквозь пискривание вагонной переборки, сквозь обрывки разговора в соседнем купе, словно сотканная из неярких осенних красок, светлая и непостоянная зазвучала где-то совсем рядом музыка, всего несколько замедленных повторяющихся тактов. Где он слышал эти медленно встающие из туманной дали звуки? Где-то на последнем концерте в Москве, или в детстве напевали ему что-то похожее... Ладно, пусть звучит эта странная музыка, не надо только о ней думать.

Вот так же, как сейчас из окна, подувал ветерок пять дней тому назад, когда он стоял на углу одной из новосибирских улиц. Сгущались сумерки, но еще было достаточно светло и он смог прочитать на угловом доме табличку: «Иркутская». Улица Иркутская. Сколько писем он писал на эту улицу, сколько раз видел ее во сне—тополевою, немощеную, в палисадниках, а тут стоит и пройти по тротуару не смеет. Плохи дела твои, Павел Рогов... А может быть рвануться, разметать сомнения, стукнуть в калитку и, словно вчера расстались, сказать:

— Здравствуй, Валя!.. Ой, какая же ты взрослая... Читал твой реферат о Западно-Сибирской низменности, не обижайся, не понравилось.

Он постоял, постоял на углу Иркутской и не рванулся, и не постучал в калитку. Плохи твои дела, Павел Рогов...

А Воронов сказал... Стой, как он сказал? Да. «Ненормально!». Действительно ненормально. А как сегодня на вокзале

Вера обняла и расцеловала Володю-прораба! Вот это строители!

И к черту!.. Рогов снова ворочается, плотно зажмуривается и несколько раз глубоко, до боли в легких, вдыхает ветерок из окна. Мысли становятся как-будто спокойнее, срезнее. И то слава богу.

Постарался думать только о руднике. Но цельной картины у него не получилось, — никак он не мог вырваться из привычных шахтных масштабов.

Да, «Капитальная» останется для него рабочей лабораторией, значит, бывать там придется как можно чаще. Следует срочно разобраться и разом покончить с неразберихой на семнадцатом участке. Это же безобразие, три раза за последние полгода верхнюю лаву обрезало по самый забой.

Ничего себе новаторы-экспериментаторы, не могут усмирить восемьдесят метров шахтной кровли!

— Павел Гордеевич, вы не спите? — окликает от окна сосед по купе. Рогов поднимает голову, и теперь ему кажутся смешными все попытки уснуть. Вагон покачивает на закруглении. Темно. Володя-строитель заметно присмирел, говорит задумчиво, мечтательно:

— Все огни и огни, Павел Гордеевич... Стою и считаю кузбасские города. Много. Если бы посмотреть сейчас сверху, с самолета — вся земля светится... И я еще думаю, смотрю и вспоминаю, где, в каком городе нет у меня друзей строителей? Представляет, не могу вспомнить такого города! Даже вот на вашем руднике есть моя бывшая однокурсница — Глаша Пономарева, боевая девушка, вы в случае чего можете ей доверить очень ответственный участок.

— А вам, Володя, я смогу доверить не участок, а целое строительное предприятие! — говорит Рогов. — Переезжайте, скорее. Володя вздыхает.

— Грустно мне, Павел Гордеевич, со Сталинском расставаться... Как ни говорите, масштабы! А потом я люблю наш город даже не за масштабы, а за молодость. Сталинск будет вечно молодым. В такое время его зачали кузнецане.

— А вы переезжайте, — настойчиво советует Рогов. — И не грустите о масштабах — они теперь всюду одинаковы.

Запели тормоза под вагоном, свет станционного фонаря ворвался прямо в окно. Рогов подхватил маленький дорожный чемоданчик и одним из первых ступил на родную осеннюю землю.

Встретил шофер Федя Примаков. Несмело пожал руку, сказал со сдержанной лаской:

— Соскучился я по вас, Павел Гордеевич...

Рогов несколько раз глубоко с наслаждением вздохнул. Воздух-то какой! Из привокзального садика пахнет прелым березовым листом. А когда подошли к машине, из-за низеньких деревянных домиков нанесло горьковатый банный дымок.

Федор открыл дверку на своей стороне.

— Может, сами поведете, Павел Гордеевич?

— Нет, сам я не поведу... — Рогов сел и, запахнув пальто, преувеличенно строгим тоном спросил: — Не женился тут без меня?

— А я это уже после вас сделаю, Павел Гордеевич! — ого-звался шофер и лихо сдвинул кепку на одно ухо.

— А почему же тогда не встретил меня в Новокузнецке?

— Так ведь, Павел Гордеевич, трестовский завгар совсем невозможный человек! — Примаков лихо обогнал подводы с сеном, не переставая сигнализировать, проскочил железнодорожный переезд и только тогда закончил: — Он мне категорически запретил ехать, «и не предпринимай, говорит, и не думай!»

— Это почему же?

— А он ведь без своей политики ни шагу, — доверительно сообщил Федор. — «Ты, говорит, знаешь Рогова, ведь твой Рогов непременно возьмет быка за рога и начнет высчитывать, дескать, по железной дороге проезд от Новокузнецка мне стоил бы четыре рубля командировочных, а на машине вы сожгли горючего не меньше, чем на полсотни рублей. И позовет он потом меня, голубчика, и спросит, государственный я человек или не государственный? Нет, говорит завгар, ты лучше встречай его, Федя, здесь, так спокойнее. Твоего Рогова нам нужно еще изучить, потому что каждый начальник имеет свой характер!»

— Ишь вы, психологи! — насмешливо заметил Рогов.

— Только не я! — спохватился Примаков. — У меня здесь, знаете, какая жизнь была, особенно с тех пор, как услышали о вашем новом назначении, — на одной ноге крутился. Благоустраиваюсь.

— То есть?

— Квартиру новую предоставили. Директор заботу проявил. «Ты, говорит, теперь будешь возить самого управляющего трестом. Получай две комнаты и кухню из моих личных директорских фондов!»

— Резонно, — согласился управляющий трестом.

— А как же! Я думаю, что это только начало...

Перекинув двумя короткими толчками рукоятку переда, он вывел машину на прямую, но Рогов тронул его за рукав и кивнул направо.

— В трест? — деланно удивился Федор.

— В трест.

— Кхм... — отозвался Примаков и через пять минут подкатил к двухэтажному белому зданию с колоннами. И тут, пока Рогов выходил из машины, он высказал свою заветную мечту.

— Зисок бы нам теперь, Павел Гордеевич...

— Зисок... — Рогов присмотрелся к слабо освещенному подъезду. — Во-первых, вот что, Федор Примаков: скажи в гараже, чтобы газик всегда был по готовности—раз! Во-вторых, думаю я тебя временно послать на южные штольни, организуй там гараж... Счастливо. Сегодня можешь не ждать, я задержусь в тресте.

Прихватив с собой чемоданчик, он пошел в управление, а Федор постоял еще с минуту молча, потом осторожным движением, обеими руками поправил на голове кепку «как положено» и, рывком сев за руль, почти выкрикнул:

— Что ж, можно и газик! Можно и гараж, Павел Гордеевич!.. Можно, не такое переживали!..

ГЛАВА 11.

Закрыв за собою двери, Рогов постоял у порога, рассеянно оглядел знакомый, освещенный только настольной лампой кабинет, потом неторопливо разделся, походил у вешалки, поглаживая утомленное бессонницей лицо, тронул выключатель возле двери.

Под потолком вспыхнули четыре матовых плафона. Ни скромной книжной этажерки в углу, ни двойной ковровой дорожки, ни четырех больших окон — ничего он в первые минуты не заметил, занятый своими мыслями. Разминая ноги и потому вышагивая немного тяжеловато, на всю ступню, прошел за широкий до зеркального блеска полированный стол, сел в жесткое широкое кресло и вызвал по телефону дежурного статистика. А когда девушка положила перед ним пухлую от ежечасного употребления книгу с оперативными сводками, он выпрямился, наощупь поправил галстук, слегка прищурился, словно припоминая что-то очень важное.

Перед ним лежали итоги работы в сотнях забоев за месяц, за сутки, буквально за последний час. Показалось, что от книги даже пахнет углем, что сквозь колонки цифр он видит контуры многочисленных забоев, со всем их привычно молчаливым неугасающим напряжением.

Чуть приоткрыв маленький щербатый рот, девушка из статистики «во все глаза» смотрела на нового управляющего и улыбалась. «Ну, что развеселилась, беззубая!» — усмехнулся про себя Рогов, а вслух сказал:

— Я сейчас заглядывал мимоходом в статистику... Вы как будто дремали? Или мне показалось?

— Ой, и вправду вздремнула! — девушка прикрыла ладонью смеющийся рот, и Рогов понял, что она чуть-чуть рисуется. — В работе вышло затишье... Только вы, товарищ управляющий, не подумайте, что я могу проспать какую-нибудь шахту... Если я задремлю, то телефон обязательно придвигают к самому уху, а звонок у нас ужас какой пронзительный, я даже нервная от этого стала...

— Зачем же тогда так часто дремать, если уже нервная? — с удовольствием рассмеялся Рогов. — Кто из инженеров сегодня дежурит по тресту?

— Семен Константинович Стародубцев. Он отлучился на полчаса. Его звать?

— Я сам позову. — Рогов с ласковой хитринкой улыбнулся. — Идите, работайте, нервная... Непокойной вам ночи.

Оставшись один, он еще несколько минут сидел не двигаясь, прислушивался к тишине, к тонкому позваниванию оконного стекла, приглядывался к пепельным теням в дальних углах кабинета.

...За окнами разгуливали темные осенние ветры. Падали ветры с таяющих верховьев Кондомы, клонили почти голые тополя, качали уличные фонари на столбах, холодом дышали в открытые форточки, и ясно представлялось, как стыли под их напором клокочущие воды в безымянных горных речках. Осень... А так хочется, чтобы никогда не увядало зеленое цветение земли, чтобы ни в одну душу не проникал сырой ветрище. Но земля, дорогой товарищ Рогов, не теплица, и, в конце концов, пусть дуют ветры, только чтобы в лицо, чтобы кровь горячее бежала по жилам. Пускай дуют ветры! Не задерживать им, не остановить напористого движения тех, чье призвание идти вперед и вперед!..

Всю вторую половину месяца трест работал ритмично и первой, как обычно, шла «Капитальная». Ладный, сильный размах у шахты. Рогов ловит себя на том, что любит цифры. Нет, не цифрами, — жизнью, о которой они рассказывают простым скуповатым языком. И почему-то припомнился инженер из Ленинска-Кузнецкого, ездивший с Роговым в министерство — кудрявый молодой человек, порывистый, непоседливый. Вытащит из кармана свою потрепанную, помятую книжицу, всю исписанную бисерным почер-

ком, и начнет вычитывать, сколько на шахте у них силовых установок, новых скребковых транспортеров, врубовок, кого в прошлом году министр лично благодарил за изобрегательство, за стахановский труд, кого наградило правительство, сколько справлено новоселий, а потом закроет и книжку и глаза и разулыбается:

— Ах, и шахта у нас, ах, и красавица! Кто же про нее, имени Сергея Мироновича Кирова, не слышал? Какие люди у нас!

Этот инженер-механик до того раззадорил Рогова, что он однажды чуть не целый день, в свою очередь, рассказывало «Капитальной» и даже стихи местных поэтов о ее людях читал.

— А вот с комбайном Макарова у вас не пошло дело... — заметил инженер-механик. — А посмотрите, как оно у нас разворачивается: вырабатываем до восьми тысяч тонн на машину. И «Донбасс» осваиваем расторопно...

Что правильно, то правильно, с комбайном Макарова на «Капитальной» не пошло дело, зато пойдет с «Донбассом», а вот дайте срок и увидите, как мы развернемся с «Кузбассом»! Дайте срок...

Рогов внимательно присматривался к итогам работы шахт. Да, кое-какие сроки нужны, чтобы подтянуть за «Капитальной» и остальные предприятия. Например, на двух самых средних шахтах первые часы смен, да еще ночных, обычно совсем пусты, без уголька. Почему? Очень просто: каждая смена работает только «на себя», забывая о непрерывности производственного процесса. Подготовка рабочего места начинается каждый раз заново. А некоторые командиры вместо того, чтобы на месте инструктировать и поправлять людей, отсиживаются в кабинетах, покрикивают и ждут, пока у подземных работников опять не размахнется рука, да не раззудится плечо, — ждут и гадают на гуще: выполнит ли шахта суточный план?

А ты, товарищ управляющий, спрашиваешь у себя: доволен ли делами на руднике? Разве может быть доволен путник, утоляющий жажду у горного источника, если цель путника где-то еще за крутым перевалом?

Рогов ходил по кабинету и до мелочей, как ему казалось, обдумывал план своего первого рабочего дня в тресте, хотя ему и понятно было, что день этот давно начался.

К его удивлению, в плане получалась такая теснота, такая спешка, что невольно приходилось мысленно вычеркивать почти половину встреч, разговоров по телефону, поездок на шахты, к людям, по которым так стосковался. Аппаратное

совещание не состоится, в это время нужно быть в горкоме партии... Что-то у него, после переезда в область Ивана Леонидовича, не получилось разговора с временным секретарем горкома. Впрочем, теперь это не так-то важно, скорей бы собирался пленум, а там... Знает ли Бондарчук о рекомендации обкома? Знает, наверное...

В горкоме у Рогова короткий и неотложный разговор. Нужно посоветоваться и получить указания о перестановке нескольких номенклатурных работников, и еще поговорить о тех, кто заскучал, развел в делах паутинку — встряхнуть бы их! Много на руднике и таких, кто по своему деловому размаху давно готов к руководству целыми хозяйственными узлами. Взять Николая Дубинцева — начальника передового участка на «Капитальной»: совсем недавно он с успехом закончил заочное отделение горного института. И как теперь работает! Хотя, что ж сейчас говорить о Николае, насчет него почти все решено. Вот взовьется парень! И у самого Рогова на душе неспокойно. Мало ли что «все решено...» Нелегкое дело — выдвижение работника, но ведь самое трудное начинается потом, после выдвижения.

А как примет такое выдвижение главный инженер «Капитальной» Федор Лукич Филенков? Не должно быть, чтобы обиделся или втайне возревновал. Но и сам-то Филенков на «Капитальной» до поры до времени... А кто же вместо него станет у дела? Нефедов — районный инженер? А вместо Дубинцева? Его молодой заместитель Данилов? У Данилова, как и у его начальника, теперь можно сказать, — бывшего начальника, жизнь тоже круто поворачивается... Степан Данилов — гвардии старший сержант! Разве перестанешь когда-нибудь удивляться и радоваться почти непостижимо быстрому росту людей? Приехали уже они с Тоней или все еще греются на курортном солнышке? И как со здоровьем Тони? Хороший, ясный характер у девушки. Вот подругу выбрал Степан!

И еще побывать бы завтра у Воиных... Как там себя старик чувствует? Наверное, все так же дремуче посматривает вокруг, а душа по-детски простая, открытая. Но с работой у Воиных — и у старого и у молодого — туговато, за последние шесть месяцев никак не могут вырваться вперед. Вот еще один пример того, что существующая организация труда в подготавливаемых забоях почти исчерпала себя.

Рогов подошел к окну и, потянув за шнурок, поднял штору. Попрежнему над землей летели сырые осенние ветры. Смутно виднелась только часть рудника: огоньки по темным холмам и ниже холмов — в устьях когда-то глухих таежных логов. Но

перед мысленным взором Рогова сейчас вставал весь шахтерский город, до самой маленькой, до самой тихой улочки в пади «Черная тайжина»... Было уже два часа ночи. Шумели, металлись ветры в нагорном мелколесье. Вернулась с шахт третья смена, гасли огни в окнах, засыпали улицы... А под городом немолчно, неумоно билась жизнь: сокрушая тяжелые, миллионы лет спекавшиеся и каменевшие недра, сантиметр за сантиметром шли вперед лавшки, проходчики; районные диспетчеры из своих маленьких подземных крепостей, — все эти суматошливые и немного крикливые девчата, — ежеминутно говорили по селекторам с начальниками смен, кондукторами, машинистами, локowymi: страшали, упрасивали, а бывает, и стыдили, и радовались, сменяя гнев на милость:

— Шурка, ты что ж торчишь на участке? Быстрее трогайся!

— Гаврик, принимай тридцать вагонов с восточного!

— Увальни, когда вы мне освободите грузовую?

— Лизочка, неужели и вторую партию загрузили? Ой, какие же вы молодцы!

Шли по штрекам ремонтники, звонили электрические грузовозы, погрохатывали в лавах ленты скребковых транспортеров, и бежал по ним непрерывным потоком уголь, — только не зевай, подкатывай к люкам черные металлические гондолы вагонов. Работали шахты.

— Что ж, приступай к делам и ты, товарищ управляющий! — в шутку подзадорил себя Рогов. — В первую очередь загляни к дежурному по тресту, Семену Константиновичу Стародубцеву, а то еще обидится человек.

За последние полтора—два года, с тех пор, как Рогов настоял на уходе Стародубцева с поста начальника подземного транспорта «Капитальной», виделись они редко. Стародубцев вначале работал в тресте директором строящихся предприятий, а потом исполнял должность заместителя главного инженера. Работал неплохо, а когда выступал на различных трестовских совещаниях, — выглядел очень серьезным, слов на ветер не бросал, к замечаниям работников с шахт относился внимательно. Рогову очень хотелось думать, что старый его приятель, после встряски на «Капитальной» изменился. Ведь сплошь да рядом такие вещи случаются, — почему Семен должен быть исключением?

Стародубцева он нашел в кабинете начальника технического отдела за каким-то бурным телефонным разговором. И потому, как он, не переставая говорить, крепко пожал руку и, улыбнувшись, взглядом пригласил садиться, Рогов с облегчением подумал: все в порядке, что было, то быльем поросло и совсем не обязательно вспоминать о всяческих неприятностях.

Подумал и тут же почувствовал, что кривит душой. Вспомнить не обязательно, но иметь в виду нужно.

— Я преисполнен всяческого уважения к железнодорожникам! — крикнул Семен Константинович в трубку и, зажав микрофон, быстро сказал Рогову: — Восемь часов держат на Сарбале вертушку с лесом... и опять в трубку: — Да, да, поэтому я и спрашиваю: зачем вы испытываете терпение целого угольного треста? Ну хорошо, тогда я немедленно соединюсь с управлением дороги и там спрошу об этом же. Нет-нет это не угроза, это деловой разговор: или вертушку немедленно отправьте, или я так же немедленно звоню в управление!

Положив трубку, он озабоченным тоном произнес:

— Десятигый разговор за ночь, а толку ни на грош... Вот скандалисты! — он обошел стол, сел против Рогова, оглядел его и после небольшой паузы удовлетворенно кивнул: — Я так и знал, что ты прямо с вокзала поспешишь... И хочешь верь, хочешь нет, а я... просто рад, что так случилось, — вот рад и все!

Рогов засмеялся:

— Ну и я рад, что ты рад...

— Директив, новостей, наверное, целая куча?

— Куча не куча, а кое-что есть. Рассказывай, как тут дела?

— Да ничего как будто особенного, все попрежнему... —

Семен Константинович встал и прошелся по комнате. — Если бы ты, Павел, был человек новый, мог бы я тебя посвятить в наши дела, а так что ж, ты не меньше моего знаешь... За эти три недели немного сбивало с толку трестовское безвластие, мне кажется, что отделы работали каждый по себе, неkoordinированно...

Рогов поморщился.

— Семен, а ты как-нибудь повеселее... Ну, что такое: координированно, неkoordinированно? Люди же работают и у каждого своя физиономия...

— Ну вот, ну вот! — Стародубцев добродушно хохотнул и тронул себя за рыжеватый жидкий хохолок. — Я так и знал, что ты даже сейчас без правочений не обойдешься.

— Что случилось на притаежных уклонях?

— Уже знаешь?.. Тем лучше. Спустили комбайн, проработали полсмены и завалили лаву. Хорошо еще, что обошлось без жертв. Ты понимаешь, мне жалко было смотреть на начальника шахты, знаешь ведь, здоровенный человечинище, а тут губы трясутся, рукам места не может найти, какие-то слова непонятные произносит, о какой-то мечте, о каком-то свинстве. Я уже ему часа два толковал, чтобы не порол горячку, чтобы

держал себя перед людьми по возможности солиднее, ведь все обошлось более или менее благополучно: ни одной царапинки люди не получили, так что...

— Еще этого не хватало!.. — Рогов сделал резкое протестующее движение. О каких ты царапинах говоришь? Я и мысли не допускаю о каком-то травматизме, я спрашиваю, как это умудрились завалить машину, не успев ее приткнуть в забой? Ты же знаешь, как это аттестует инженерную службу на шахте?

Горько улыбнувшись, Стародубцев махнул рукой.

— Мы уже здесь митинговали, митинговали по этому поводу...

— А машина?

— Ну, что машина... Недели две будут выковыривать из завала.

— Но это же сотни тысяч рублей!

— А я о чем говорю...

Рогов стукнул ладонью по краю стола, но сказал спокойно, с видимой неохотой:

— Жалкая история...

Поговорили немного о рудничных новостях, о награждении передовиков, пожалели, что рудком союза угольщиков не смог организовать по этому поводу даже небольшого торжества. Потом Стародубцев сообщил, что на днях в распоряжение треста прибыла группа молодых инженеров, их надо бы сразу же распределить по шахтам, а отдел кадров что-то крутит, тянет с этим делом. Одного попытались оставить при управлении на должности инженера по рационализации и изобретательству, но он так бурно запротестовал, а товарищи его так активно поддержали, что пришлось пока отложить с рационализацией и изобретательством. И то сказать, ни за что ни про что обидели парня.

— Чем же обидели?

— Да вот этой должностью. Слов нет, тоже важное дело, но ведь с ним обыкновенно справляются люди и со средним образованием, и не такие уж расторопные — дело-то, в основном, конторское...

Последнее замечание почти испортило настроение Рогова, но он взял себя в руки и только внимательнее присмотрелся к Семену Константиновичу. Несомненно, человек в чем-то, пока неясном для Рогова, изменился, хотя обликом был все такой же: нервное сухощавое лицо с длинным прямым носом, маленькие невыразительные глаза, высокий узкий лоб и над ним рыжеватый веселый хохолок, словно ветерком занесенный на сто-

рону. И еще манера держаться немного боком к собеседнику очень напоминала прежнего студента Стародубцева. Но говорил он теперь по-другому: слова он ронял медленно и, чтобы подчеркнуть их особый смысл, часто делал многозначительные паузы.

Рогов вернулся к себе в кабинет и позвонил на «Капитальную». Девушка на коммутаторе ответила, что командиров на шахте нет, что Бондарчук ушел сразу же после комсомольского собрания, а дежурный по шахте районный инженер Нефедов где-то на сортировке.

— Павел Гордеевич... — нечаянно спросила телефонистка. — Вы уже совсем не будете на «Капитальной» работать? У нас все так жалеют... Говорят, что теперь дела пойдут хуже.

— Кто, кто так говорит? — нахмурился Рогов.

— Люди говорят...

— Так вот, передайте этим милым людям, — добродушно пригрозил Рогов, — что как только у меня будет время, я специально до них доберусь! Понимаете?

После небольшой паузы девушка тихо сказала:

— Понимаю, товарищ управляющий... Но ведь люди эти о «Капитальной» заботятся, чтобы у нас было всегда хорошо...

Люди о «Капитальной» заботятся, им хочется, чтобы у них всегда было хорошо... Что ж, вот Рогов и уходит в трест почти со спокойной совестью.

ГЛАВА 12.

После еще двух—трех разговоров телефонных, Рогов решил, что лучше все же пойти домой, привести себя с дороги в порядок, как следует выспаться и завтра со свежей головой — за дела. Поскорее бы это утро настало! И не надо сегодня больше никому звонить, все в свое время узнается. Но не успел он подумать, что «не надо звонить», как телефон опять позвал его.

Ну вот, еще кто-то узнал о приезде. Приятно иметь неисчислимое множество друзей. Улыбнулся своим немного самодовольным мыслям, облокотился на край стола и снял трубку:

— Слушаю...

— Павел... Здравствуй...

Если бы голос мог ударять, более ударить было бы нельзя.

— Здравствуй... — сказал он и почувствовал, как заныли пальцы, сжимавшие черную эбонитовую трубку. — Здравствуй, Валя!..

Слышно было, как Валя дышала, как она стесненно кашлянула. Ну, конечно, ей немного трудно и она старается вы-

играть лишнюю секунду. И напрасно она заговорила с такой натянутой деловитостью.

— Я тебя жду вот уже три дня... Мне очень нужно видеть тебя... Как управляющего... У меня материалы по северным полям второй «Капитальной»... Я бы хотела видеть тебя сейчас, если не поздно? Можно это сделать?

— Материалы по северным полям? — торопливо переспросил Рогов и тут же неистово рассердился на себя за это трусливое удивление. Говорит-то ведь Валя. Валя с ним говорит! Он собрался весь, как для прыжка. — Валя! За тобой машину послать?

— Я рядом, в гостинице. Не беспокойся. Сейчас приду!

Она еще несколько секунд дышала в трубку, а потом осторожно опустила ее на рычаг.

«Я сейчас приду!»... Ну да, она сейчас придет! Но почему не раньше? Не два года тому назад? Валя, почему ты не пришла раньше? И неужели тебе так необходима эта встреча? Чтобы поговорить о северных полях для второй «Капитальной»?

Как давно это началось...

Томск. Четвертый курс института. У студента Рогова, как и у большинства его сокурсников, свои, довольно ясно очерченные, планы на будущее, на жизнь. Аудитории, лекции, вечера в общежитии, когда незаметно бегут часы в спорах о новой книге, о назначении советского инженера, о том, с чего начать и как начать работу на шахте.

Осенний день... Покачивается желтая березовая ветка за окном. Теплые пятна от низкого солнца ложатся на крашеный пол, на угол стола, покрытого газетным листом. Обложившись книгами, конспектами лекций, Рогов сидит на кровати и, забыв обо всем — об учебниках, о конспектах, — жадно читает книгу очерков Горького. Вот так жить, так страстно, так умно любить жизнь, носить в груди такое жаркое, чистое сердце — разве это не великое счастье! Рогов читает, заглядывает на обложку книги, поглаживает ладонью ее шершавый переплет. Горький умер... Какая это всесветная неправда. Не может умереть человек!

В комнату без стука врывается возбужденный взъерошенный сверх меры, однокурсник Семен Стародубцев. Не здороваясь, он бежит к окну, возвращается и, останавливаясь против Рогова, почти выкрикивает:

— Сидишь, ученый муж? Ну, сиди... А на геологическом новый набор... Черт, и откуда у нас столько хороших девчат!

Стародубцев умолкает, слабо очерченные губы его обиженно оттопыриваются, потом он говорит уже без прежней го-

рячности, с наигранным равнодушием: — Ну, сиди... А я пойду, еще разок взгляну на молодежь.

— Тоже старик выискался! — усмехается Рогов.

Разбирает на кровати бумаги, ложится, несколько минут равнодушно рассматривает расшатанный гвоздь в стене, протягивает руку к недочитанной книге, но тут же встает и, затянув потуже старый кавалерийский ремень, отправляется к центральному корпусу института.

Вот как раз в скверике, под старым полузасохшим тополем, прямо против неуклюжего порталного входа в актовъ зал он и встретил впервые Вали Евтюхову. Припомнить бы теперь, как это случилось, как тогда выглядела вчерашняя десятиклассница... Рогов прошел мимо группы девушек и еще подумал, что ему-то знакомо до мелочей все, что они должны сейчас переживать, — тут и робость, и нетерпение, и любопытство — и все это можно выразить несколькими словами: «Наконец-то у порога института, о котором было загадано, может быть, с детства. Наконец-то!». А то, что девушки смеются и особенно громко вон та, высокая, со светлыми косами, так это от тайного желания скрыть обуревавшее их чувство. Очень просто, но завидно. Почувствовать такое дано человеку только однажды в жизни.

Рогов еще раз прошел мимо девушек, рассердился на себя за это назойливое похаживание и... сел против них на крашеную скамеечку с отломанной спинкой. И откуда у него этот «кавалерский» апломб тогда взялся, он и сам не знал, да и знать не хотел.

Кто-то из девушек задал ему пустяковый вопрос, он ответил, потом сам спросил: кто и откуда, нет ли земляков? Разговор почти налачился, но тут нивесть откуда взялся Семен Стародубцев и чуть все не испортил, закричав издали:

— А-а, ты уже здесь... Опредил!

Высокая с косами прыснула и спряталась за подруг. Рогов покраснел, но Семен и ухом не повел. Затесавшись в самую середину девичьей толпы, он перездоровался со всеми за руку, представил уже на правах знакомого «своего ближайшего друга и ужасно ученого студента Павла Рогова», и... в тот же вечер Рогов шел по набережной реки рядом с высокой голубоглазой девушкой с косами, которая назвала себя Вали Евтюховой. Ему было очень хорошо и очень неловко, он никак не мог заговорить свободно, без натуги, без выдумывания умных, где-то вычитанных слов. И он был очень благодарен собеседнице за то, что она не замечала, или делала вид, что не замечает его беспомощного состояния.

В характере Вали Евтюховой было что-то располагающее

к задушевной беседе, к рассказам о детстве, что-то открытое, ясное. Говорила она ровно, «без нажимов» и без тени кокетства, немного горделивым движением поправляла за плечами большие светлые косы. Тогда было в моде стричься, и косы девушки вызвали у Рогова какое-то особенно трепетное, целомудренное чувство. Павел подумал, что от этих кос пахнет не то свежескошенным сеном, не то ранними полевыми цветами. Подумал и ужаснулся, представив себе, что может когда-нибудь высказать это вслух. Потом он много раз говорил ей это.

А позже... Он вышел из своего первого трудного боя где-то под Алексиним. Смеркалось. Схлынула дневная жара. Липо, шею, открытую грудь охлаждал ветерок. Рядом, в полуразвалившемся погребке надсадно стонал смертельно раненый командир взвода. Незнакомый солдат пронес мимо полный котелок студеной прозрачной воды. За околицей, захлебываясь, гоготал крупнокалиберный немецкий пулемет. Рогов сидел на гранитном обломке церковной паперти и, почти забыв начертания букв, выводил вздрагивающей рукой первое слово в своем первом фронтовом письме: «Валя».

Много раз после этого фронтового вечера писал он имя любимой, но не мог припомнить ни одного случая, когда бы делал это с такой дрожью в сердце. В этом имени тогда для него слились вся чистота помыслов, весь полет в завтра...

А потом встреча после войны... Весна. Ясное, ласковое утро, какие бывают только в Сибири ранней весной. Через огромное здание Новосибирского вокзала он вышел на широченную площадь. Постоял всего одну минуту и рванулся в тихую улочку, в ее голубые тополевы тени. У знакомой калитки остановился. Валя уходила под руку с каким-то мужчиной. Они были совсем близко. Рогов даже не окликнул, а каким-то усиленным воли выдохнул:

— Валя!..

Она обернулась, подбежала, секунду постояла перед ним растерянная, опустив руки, с глазами, мгновенно налившимися светлой слезой...

Валя не хотела уезжать из Новосибирска немедленно же, как настаивал Рогов, она говорила немного смущенно:

— Тебе отдохнуть надо, ты столько дорог исходил...

А Рогов тянул ее в путь и все твердил:

— Я стосковался по своим, по мирным дорогам.. Скорее, Валя!

Были в Кузбассе. Какими теплыми, ясными встают в памяти эти короткие дни. Можно было говорить, и они говорили обо всем, что было и не было сказано в десятках писем. Обо всем!

Рогов тянул подругу все дальше, дальше в горы, в тайгу, на многочисленные реки, на рудники. Встречались с десятками, с сотнями людей, от этих знакомств рябило в глазах, а ему все было мало, он был требователен в разговорах, пытлив, порывист, забывал обо всем, кроме своего неистового желания поскорее узнать, чем живут, как дышат люди на родной земле.

Валя уставала. Она не говорила об этом, но усталость сквозила иногда в ее движениях, глазах, в том, как немного капризно вздрагивали ее губы всякий раз, когда Рогову случалось позвать ее на новое место, к новым людям. Она так и сказала однажды, когда они поднимались пешком на перевал по пути к Спасскому прииску.

— Вот я, Павел, упаду где-нибудь, и ты отвечать будешь...

Он тогда не придавал особого значения этим словам, этой ее усталости: ну устала и устала, она же не солдат. Привыкнет, потому что не может быть иначе, они ведь любят друг друга, он же верит в нее.

Она уехала заканчивать институт.

А через полтора года, в разгар самых горячих, по-человечески радостных дел на шахте, он получил от Вали коротенькое письмо, в котором было сказано только то, что она за последнее время все чаще чувствовала себя хорошо, когда бывала рядом с профессором Скитским, не может скрыть этого от Рогова, хочет, чтобы ему, Павлу Рогову, было как можно скорее легче, свободнее.

На первых порах рванулся в Новосибирск, чтобы заглянуть в глаза Вали, взять ее за руку, услышать, как она может повторить на словах то, что написала в своей запальчивой, сумасбродной записке. Вали не оказалось дома, она выехала в долгосрочную экспедицию. Рогов отправил письмо и ответа на него не получил.

Сколько с тех пор пережито — не сосчитаешь.

И вот снова он услышал голос Вали... Рогов не помолодел от этого, и не постарел, не обессилел, а просто взерошился, восстал всем сердцем против всего, что могло случиться через пять, через десять минут... Но если бы со стороны на него посмотреть — ничего особенного: сидит в жестком кресле горный директор, плечи устало опущены, глаза, как это бывает в минуты тяжелой дремоты, полуприкрыты и только брови и губы застыли, как на моментальной фотографии, подбородок плотно прижат к тугому воротничку.

Вот уже и пятнадцать минут прошло. Рогов не заметил, как оказался у окна. Холодный ветер попрежнему раскачивал голые тополя, и мимо стекол наискось летел белесый липкий снег.

Стука в дверь Павел Гордеевич не услышал. Валя вошла бесшумно и, очевидно, с минуту стояла у порога, прежде чем сказать:

— Я пришла...

— Это ты, Валя! —Рогов быстро повернулся и пошел к ней навстречу. — А я ждал, ждал... Что-то задумался и вспомнил, как в институте ты назначала свидания: «Если опоздаешь на одну секунду — уйду!»

Она открыто, хорошо улыбнулась.

— А теперь я ждала тебя три дня...

Рогов кивнул и пожал ее небольшую прохладную руку.

— Я так рад видеть тебя...

Сказал и досадливо поморщился: что с ним такое? Почему он одеревенел, почему слова застревают у него в горле? Ух, как это противно — почувствовать вдруг себя непонятно в чем виноватым!

Валя наклонила голову, из-под густых светлых ресниц всмотрелась в его лицо, потом оглянулась на вешалку. Надо было немедленно же помочь ей раздеться, как это он делал когда-то, что-нибудь путая, ошибаясь, но сейчас он не знал, как к этому приступить. Стоял на месте до тех пор, пока Валя снимала просторное меховое пальто, пока оглядывалась, шла к столу и садилась в кресло. Только тогда он немного ожил, подошел и нерешительно сел против нее,

Валя сидела прямо, напряженно, свет из-под зеленого абажура настольной лампы падал на ее лицо. «Такая же...» — подумал Рогов, заметив, как большие синие глаза ее с минуту что-то высматривали в дальнем полутемном углу, а натруженные бессонницей веки вздрагивали. Но это продолжалось очень недолго, потом она медленно, раздумывая, повернулась к Рогову, положила ладонь на полированную закраину стола и сказала с веселым удивлением:

— А ты все такой же... Боже мой, как хорошо, что я снова вижу тебя!

— Какой же я могу быть? — сдержанно спросил он. — Я все такой же. Я тоже рад видеть тебя... возмужавшей.

— Не лукавь, ты хотел сказать постаревшей.

— Нет, правда, ты просто повзрослела. Но... лицо у тебя такое усталое... Что с тобой?

— Видишь ли, Павел... Гордеевич, я сама не знаю, что со мной, — Валя на секунду отвернулась и прижала подбородок к плечу. — Заскучала я что-то...

Рогов пошутил:

— По части увеселений у нас не так уж богато.

— Я не о том.. На работе я что-то заскучала, а я в дѣлю люблю работу, Павел Гордеевич.

— Валя! — Рогов сделал протестующее движение. — За чем...

Она покачала головой.

— Я хочу тебя так называть, Павел... Гордеевич. Я хочу у тебя спросить, неужели ты никогда не испытываешь сомнений, что путь, избранный тобой в жизни, единственно правильный.

— Что путь этот — единственно правильный, сомнений я действительно, никаких не испытываю, — ответил Рогов и внимательно присмотрелся к Вале. — Не сочти это за фразу, но я должен тебе сказать, что путь этот для меня выбрала партия, а, вот все ли я правильно делаю на этом пути, тут сомнения случаются.

— Да, да, я именно эти сомнения имела в виду, но на тебя это так не похоже... по-моему — со вздохом сказала Валя. — Ты мне всегда представляешься человеком только прямых линий... Я так думаю о тебе.

Рогов не сумел сдержать печальных и немного насмешливых ноток, когда спросил:

— Значит, ты все же думаешь обо мне? Спасибо, Валя. А насчет прямых линий... Что ж, это не так уж плохо. Выискивать способы, средства, как лучше организовать труд и, следовательно, жизнь людей, вернее всего по прямым линиям. Обязательно по прямым. Когда ты, геолог, идешь к заданной географической точке через тайгу и буераки, ты же выбираешь наиболее короткий путь. Но почему ты начала наш разговор с сомнений?

— Потому что я шла сюда и сомневалась...

— Следует ли идти?

— Нет, с чего начинать разговор: с дела, по которому я на руднике или с того, что мне безотчетно захотелось увидеть тебя, посмотреть на тебя и кое-что объяснить себе?

— Что же ты собиралась объяснить себе?

Валя посмотрела куда-то выше его головы.

— Правильно ли я сделала, отказавшись от счастья быть всю жизнь рядом с тобой?

— Ты и в этом до сих пор сомневаешься? А ведь все очень просто: выеденного яйца не стоит счастье, от которого можно отказаться. За настоящее счастье воюют!

— Какой ты... — Валя откинулась на спинку кресла и пригладдила ладонями прядки волос на висках. — Я просто плохим воином оказалась. Я робею.

— Робеешь... Это мне непонятно... — глухо заметил Рогов.
— Ох, Валя, какой ералаш творится в твоей русой головушке! Она рассмеялась.

— Ладно, ладно, Павел Гордеевич, не будем больше об этом, ты меня извини.

Минут пятнадцать они проговорили о деле, о промышленных разведках новых угольных полей, и Рогов, между прочим, узнал, что Валя работает теперь совсем рядом, в Ленинск-Кузнецком геологическом тресте.

— Так я ближе к тебе, — мельком заметила она.

Потом он провожал ее до трестовской гостиницы. Это было недалеко, нужно было перейти только площадь. Ветер стихал, под ногами серел первый снежок, в разрывах туч поблескивали редкие звезды.

Валя рассказывала о своей полугодовой работе. И только о работе. Как было трудно и хорошо на севере. Он и представить себе не может, что такое север, что такое месяцами ходить на тысячекилометровых просторах, терять надежды на успех, уставать, и вдруг, словно заново родившись, работать сутками, если где-нибудь в пойме безымянной протоки обнаружишь неисчислимые залежи полезных ископаемых...

— Ты меня слушаешь?

— Да, да, я тебя слушаю, говори, это очень интересно...

Он слушал, а сам думал о том, как должно быть неустроена личная жизнь у Вали. Чем бы помочь ей, что бы такое посоветовать?

ГЛАВА 13

После воскресной прогулки в тайгу Сибирцев все-таки не выдержал и в десятом часу вечера пошел в клуб. Сначала сидел в буфете, потом поднялся на второй этаж, где обычно занимались кружки самодеятельности, и тут увидел Соню с Хлебниковым. Они сидели одни в малом зале, прямо перед сценой. Сибирцеву стало так неловко, так обидно и за себя и за Соню с Хлебниковым, так горько обидно, что он не заметил и приветливой улыбки девушки, и досадливого движения своего нового напарника, и того, что даже не поздоровавшись, не сказав им хотя бы слова, круто повернулся и вышел.

Целый день он неотступно думал о такой вот встрече, о том, что она неизбежна, но и представить не мог, как она может быть тяжела. Даже голова закружилась. Постоял на лестнице, рассердился и через ступеньку зашагал вниз, к раздевалке.

У раздевалки Соня его и догнала. Она улыбнулась смущенно, подняла к нему маленькое милое лицо и сказала:

— Гоша, ты подожди минут пять и мы вместе пойдем... а? Подожди! — притронулась к его руке и тише добавила: — Надо же закончить этот разговор...

От близости девушки, от звука ее голоса, от горя, что эта ясноглазая певунья потеряна, у Сибирцева в висках застучало. Он плотнее сжал губы, встав перед зеркалом, медленно надел фуражку и, глянув через плечо на удивленно притихшую Соню, чувствуя, что неестественно противно растягивает слова, ответил:

— Нет. Вместе мы не пойдем. Заканчивайте этот разговор. Куда же вам торопиться... Да-да! — быстро добавил он и, больше не оглянувшись, пошел к дверям, пошел и страшно захотел, чтобы Соня снова догнала его и взяла за руку. Но Соня не догнала, она осталась стоять на месте. И зря бригадир не видел, как надломилась темная линия ее бровей.

После этой встречи Сибирцев увидел Хлебникова в двенадцать ночи, когда началась смена. Работали они так старательно, что даже горный мастер Зулин, привыкший к темпам Сибирцева, удивился:

— Ну и отмах у тебя, Георгий Георгиевич!

Сибирцев промолчал, а Хлебников потер вымазанный в угольной пыли нос и рассеянно посвистел. Он вообще всю эту смену посвистывал. Скажет про себя что-то нечленораздельное и посвистит, отойдет на несколько шагов от промежуточного круга, вприщурку глянет на отвес и опять посвистит.

— Ты что сегодня соловьем разливаешься? — спросил Сибирцев. — Какая-нибудь удача в жизни?

Хлебников сначала посвистел, а потом сказал с сожалением:

— Что такое удача или неудача... Удача, что работаю с тобой и, наоборот, большая для меня неудача слушать, как ты помалкиваешь... Напрасно ты, Георгий Георгиевич, помалкиваешь.

— О чем это ты?

— О Соне.

— А-а... — Сибирцев сильным, натренированным движением забросил последнюю лопату породы в вагончик и, выпрямившись, повернулся к напарнику. — Зачем говорить-то? Ты же до меня все сказал.

— Да-да! — воскликнул Хлебников и рванулся к Сибирцеву. — Да, бригадир, сказал, что люблю Соню! Эх, бригадир, как я ее люблю! Есть у меня теперь песня в жизни!.. А ты вот молчишь...

— Не вижу смысла в разговорах, вот и молчу... — ответил Георгий и действительно замолчал.

Прошло два дня. За это время Сибирцев побывал у парт-орга Бондарчука, у главного инженера Филенкова, но о чем с ними разговаривал, даже для друзей оставалось тайной.

Погода, между тем, все хмурилась да хмурилась. Тяжелые тучи ежечасно висели над Дальними горами. А вот сегодня, часа в четыре дня, ветер нагнал вдруг слысой Елбанской горы бесформенную громаду тумана. Заволокла рудник липкая непогожая муть, и, если посмотреть издалека с той же Елбани, шахты кажутся беспорядочно рассеянными кораблями в пустынном море — от них летят клочья дыма. Контуры металлических подъемников то скроются во мгле, то вновь проступят, словно взнесенные на темнобурю волну.

«Скорей бы зима, что ли...» — с досадой подумал Сибирцев и, отогнув воротник шинели, поднялся на бетонное больничное крыльцо.

В маленькую угловую палату к Гавриилу Семеновичу пропустили без всяких задержек. Старик увидел Георгия и, приподняв с подушки коротко стриженую седую голову, обрадованно кивнул.

— Проходи, голубь ясный!

Потом он поворчал на порядки, «заведенные доктором Ткаченко», при которых, ни встать, ни сесть, ни газету почитать — лежи, знай, пластом и води глазами туда-сюда. Внимательно выслушал рассказ о делах на шахте, поинтересовался, готова ли новая сортировка, а то что-то затянули с ее строительством, терпенья уже нет.

— Как там ребятки мои? — спросил он словно бы мимоходом.

— Точно не знаю, но как будто нормально... — попробовал увильнуть от прямого ответа Сибирцев.

Старик поморщился:

— Ох, голубь ясный, не криви душенькой, не приспособленная она у тебя к этому... Говори уж прямо, что за вчерашние сутки и нормы не вытянули. А вот попомни слово: выпрямься! Хорошие там есть люди! Хо-орошие! — повторил Гавриил Семенович и, вскинув над одеялом руки, прикрыл глаза.

— Где же хороших людей нет... — в тон Некрасову заговорил Сибирцев. — Я уже думал, Гаврила Семенович, о твоей бригаде... Что, если мне там временно покомандовать... пока ты отлежишься? За свою бригаду я спокоен, а твой забой главного направления... — Наклонившись, он заглянул в полуприкрытые глаза старого шахтера. — Конечно, если ты пове-ришь мне, Гаврила Семенович...

Некрасов долго молчал, и это встревожило Георгия. Он от-вернулся к окну, за которым клубилось белесое ненастье, и за-

кусил губу: что-то старик скажет? Может, не надо было его тревожить, а решить все на шахте?

Задумавшись, Сибирцев и не заметил, что Некрасов открыл глаза и, затаив в них тихую, ласковую улыбку, смотрит на него, пошевеливая сомкнутыми в замок пальцами.

— Если поверю... — заговорил он в раздумье. — Как же это можно прожить целую жизнь и не верить людям? Ты, наверное, не те слова сказал... А насчет бригады я согласен. И парторг согласен.

— Как? Он уже говорил?

— Было дело такое. Мы вчера с ним говорили, и я прямо, попросил: направьте в мою бригаду Сибирцева. Работай и не жди меня.

— Почему, Гаврила Семенович?

— Я, сокол ясный, в другое место пойду...

Не желая утомлять Некрасова, Сибирцев распрощался. А когда шел по улице, почему-то все вспоминал, какой из себя теперь Гаврила Семенович: лицо чистое, успокоенное, в глубоких морщинах, виски как будто немного ввалились, седые волосы коротко по-больничному стрижены и, что самое главное, — в маленьких, всегда пыливо прищуренных глазах редко теперь вспыхивают смешливые огоньки. Трудно хорошему, близкому человеку. Вот и должен Георгий Сибирцев принять решительные меры, должен порадовать старика, и при этом незамедлительно, а то ходит со своей мыслью вот уже неделю, прицеливается, раздумывает, а время идет.

Председательствующий и в этот раз на комсомольском собрании Дмитрий Голдобин допил остатки воды из графина, закурил последнюю папиросу и, слушая, что говорит Александр Лукин, перемигнулся о чем-то с Хлебниковым.

И по времени, и по тому, как вели себя участники собрания, все свидетельствовало о том, что страсти улеглись, что пора домой, особенно тем, кто собирался на смену.

Обсудили вопрос о подготовке к зимнему спортивному сезону и о технической учебе молодежи. О технической учебе докладывал Александр Лукин. Он же выступал с заключительным словом и он же теперь давал третью справку по проекту резолюции.

— Я считаю, таким образом... — начал Лукин и долго перелистывал резолюцию, а Голдобин тем временем ставил на листочке папиросной бумаги четырнадцатую палочку, означающую, что докладчик во время своего выступления употребил «я считаю»... четырнадцатый раз. — Я считаю, — продолжал Лу-

кин,—что мне удалось в докладе отразить правильную картину... правильное положение с учебной молодежи. Положение это не такое уж благополучное, как это пытались изобразить в своих выступлениях некоторые товарищи; поэтому я настаиваю на формулировке «неудовлетворительно»!

— Точка! — пристукнул карандашом Голдобин. — Есть предложение проголосовать резолюцию в целом...

Проголосовали все за исключением Хлебникова, который не успел выпростать руку из кармана.

— Зеваешь... —дохнул у него над ухом Сибирцев.

— Это я при голосовании...—Хлебников через плечо глянул на бригадира. — В жизни я не такой!

— Замечаю...

— Правильно делаешь... Начальству по штату положено.

— Ну-ну, зашептались! — окликнул из президиума Дмитрий. — Повестка наша, товарищи, исчерпана, собрание...

— Прошу слова... — негромко перебил председателя Сибирцев. — Для внеочередного заявления...

Голдобин не успел удивиться, как Черепанов, все время старательно писавший протокол, поднял голову от бумаг и вслух подсадовал:

— Вот надумал... Сидел все собрание молчком, а тут — внеочередное!

Председатель занервничал, глянул на часы, на Сибирцева и категорическим тоном подытожил:

— Поздно. Пора кончать. А твоё заявление пусть комитет обсудит в рабочем порядке. Согласны?

На это Сибирцев еще тише повторил:

— У меня внеочередное... О нашей шахтерской комсомольской чести.

Собрание затихло. Кто-то шевельнулся, скрипнув расшатанной табуреткой. Черепанов сосредоточенно почесал переносицу карандашом. Голдобин посмотрел на упрямо шагнувшего к столу Сибирцева и тоже поскреб в затылке, как это делали его деды и прадеды и, словно советуясь сам с собой, развел руками:

— Если о чести... тогда... придется выслушать. Давай, Георгий!

Сибирцев остановился у стола, повертел в руках кепку, покосился на свою угловатую тень на стене и начал внеочередное заявление. Без всякого вступления он попросил организацию освободить его от обязанностей бригадира комсомольско-молодежной проходческой бригады.

— Вот еще новость! — протестующе выкрикнул член бригады Александр Лукин. — Выдумки какие-то...

Сибирцев возразил, что это далеко не выдумки, что вопрос этот никак нельзя откладывать. Требуется срочная помощь некрасовцам, этим все и объясняется. В шахтоуправлении все почти согласовано.

— Этим еще мало что объясняется! — снова возразил Лукин.

— И прежде чем «почти согласовывать», надо посоветоваться с организацией! — подал голос один из участковых группкомсorgh. — Иначе получится неразбериха...

— Минуточку! — председатель быстро встал, для чего-то взглянул в пустой графин, и хотя установилась тишина, слегка заикаясь, сказал: — Тише!.. Попрошу соблюдать спокойствие, товарищи! — а в сторону Сибирцева требовательнее: — Раз'ясни по-человечески!

Все так же подчеркнуто неторопливо Сибирцев стал раз'яснять. Положение на самом деле получилось незавидное. Некрасовская бригада заплуталась в собственных неудачах, и тут мало, одних хороших советов, одной даже самой деловой критики. И ничего не надо изобретать, надо людям помочь делом, примером, надо их раскатать хотя бы немного и прямо в забое. Это дело нашей комсомольской чести. Это мы, комсомольцы, соревнуемся с некрасовцами.

— Такие дела... — Сибирцев осмотрел собрание и, заметив, как от окна за каждым его движением неотступно следит Соня, упрямо приподнял подбородок и снова заговорил: — Хочу я побригадирствовать у некрасовцев. Очень, конечно, ответственно, но я чувствую в себе силу для этого, меня же обучал сам Некрасов. Можно было бы перевестись к ним рядовым и воздействовать... личным примером что ли, но я хочу воздействовать прямо, открыто, с первого же часа... Вы не подумайте, что делаю я это из какого-то молодечества. Гаврила Семенович мне сегодня сам сказал: «Иди, работай и не жди меня».

— Но нельзя же расформировать комсомольско-молодежную! — возмутился Голдобин. — Нельзя оголять такой важный участок.

Комсorgh Барков задумчиво покачал головой:

— А кто тебе сказал, что мы будем расформировывать бригаду? И что это за слова такие: оголять участок?

— Оголять — значить расформировывать, — назидательно раз'яснил Лукин. — Не надо играть в прятки: освободим Сибирцева — ослабим бригаду!

Сибирцев вдруг развернул плечи и порывисто шагнул к Лукину:

— Ты не можешь так думать о нашей бригаде!

— А кого вместо тебя?

— А хотя бы Александра Лукина... — тихо произнес Черепанов. — Если, конечно, не считать последнего происшествия забоем... с креплением...

— Это ты оставь!.. — Лукин нервно завертелся на месте. — Я же извлек уроки... Мы же договорились...

Во время этой короткой перепалки Сибирцев неотступно смотрел на Хлебникова, который вполголоса и что-то уж очень оживленно говорил Соне Рожковой, а как только Лукин сказал: «Мы же договорились...», поднял руку и обратился к Черепанову:

— Правильно, Михаил, любой в бригаде может стать на мое место, на любого можно положиться... Но я рекомендую в бригады нового члена нашей организации Георгия Хлебникова.

Раздалось несколько возгласов:

— Час от часу не легче!

— Почему?

— Потому, что он крепче всех знает дело, потому, что у него командирский характер! — объяснил Сибирцев, и, не желая больше смотреть в сторону Сони, рядом с которой сидел Хлебников, пошел от президиума и сел на свободное место у двери.

Собрание закончилось через полчаса.

А в темном переулочке, заслонившись от сквозного северного ветра полкой форменной шахтерской шинели, Сибирцев раскурив отсыревшую папироску и, напряженно двигая бровями, сказал:

— Вот что, Георгий Хлебников, разговор этот мы прекратим. Я ей сегодня перед собранием сказал, что не знал о вашем знакомстве, что не собираюсь становиться поперек дороги, хотя чувства мои... остаются прежними. Она обиделась. Кругом все обижаются, а разобратся не желают. И мы не можем совещаться по этому вопросу — у тебя живая кровь, у меня тоже... Понятно? И выдвигаю я тебя не от какой-то великой любви лично к тебе... Просто ты настоящий работник, дай бог каждому, как говорят старики... И все же, пойми, бригаду на тебя оставляю, вот, понимаешь, — с дрожью, хотя и верю...

— Спасибо, Георгий... — низкорослый Хлебников поискал в темноте руку бригадира и, не найдя ее, потянулся со своей самкруткой к папироске Сибирцева. Прикуривая, он пыхнул искрами по ветру и так же сдержанно закончил:

— Я тебя понял, Георгий!

ГЛАВА 14.

В воскресенье под вечер прояснилось, и такие вдруг голубые пожары вспыхнули на первых зимних снегах, в такой неправдоподобной белизне предстали невысокие Дальние горы, что тут уж не у одного завязанного лыжника дрогнуло и заняло сердце... Первая лыжня, первый толчок по крутому спуску, свист ветра в ушах и первый, по-птичьему легкий полет над оврагом...

Но комсорг «Капитальной» Михаил Барков почему-то подумал, что это ему одному пришла удивительная мысль вырваться на лыжах за пределы рудника. Он прокладывает первую лыжню—это должно получиться здорово! Тем более, что выход на лыжах, даже в одиночку, — это тоже как-никак... мероприятие.

Барков долго взбирался по крутому северному склону Дальних гор. Свежий зимник вился меж густых кустарников, свертывал к вентиляционным шурфам и вновь бежал все выше и выше... Барков раза два отдыхал, сидя на скрепленных палках лицом к руднику.

Помолодел шахтерский городок за последний год — это даже для привычного человека заметно. Столько нынче жилья понастроили скоростным методом. Хороший метод! А десять километров асфальтовых дорог на улицах — это что, с неба за здорово живешь свалились? Как бы не так! А парк культуры и отдыха на левобережье? Кому-кому, а комсоргу-то «Капитальной» известно, как нелегко дался этот парк, сколько пришлось поразмыслить да спину погнуть над этим «объектом», как говорил старичок-прораб. Зато потом и отдыхалось же всласть в аллеях этого «объекта» — вспомнишь, и глаза сами собой жмурятся, словно только что выбежал в одних трусиках из черемуховой тени на жаркий песчаный пляж. Но в жизни это всегда так: важно одолеть первую крутую горку, а потом пойдет легче, быстрее.

Барков вздыхает, окидывает взглядом рудник и, положив лыжи на плечо, снова поднимается в гору.

И, наконец, вот он, еще из окна квартиры облюбованный распадок. Справа круча уходит метров на пятьдесят выше, и по ней сосновое мелкоколье, слева несколько гранитных синеватых глыб повисли над двухсотметровой крутизной, а между горой и камнями, все прямо и все стремительнее снижаясь, летит снежный спуск, летит в неоглядный зыбуче-белый простор.

— Мать честная... Вот это да-а... — шепотом говорит Барков. — Вот это... — шепчет он и тут же разочарованно умолкает. Да, так оно и есть. Далеко внизу, в зубчатой тени от гор, уже бегает лыжники. Вот сразу пятеро вывернулись

из-за перелеска, за ними еще несколько человек, а вот целая россыпь в цветных костюмах выбежала из-за скального выступа.

— Что значит инициатива!.. — смеется Барков и начинает пристраивать к ботинкам крепление.

Пальцы пощипывает, парок изо рта оседает на ресницах и, если взглянешь на солнце, перед глазами мгновенно вспыхивают причудливые радуги.

И вот ведь беда какая! С левым креплением, как и в прошлом году, опять ничего не получается. Чудак человек, неорганизованная личность, за целое лето не смог даже собственные лыжи отремонтировать, а ведь месяца три готовил целую лыжную станцию для шахтерской молодежи. И не плохо подготовил, даже парторг Бондарчук при осмотре одобрительно кашлянул. Хотя, кто его знает, что означал этот кашель, может, и сомнение какое-нибудь. Впрочем, и порицание и сомнение парторг имеет обыкновение выражать более конкретно. Значит, кашлянул он в тот раз одобрительно.

Барков распрямил, наконец, занемевшую спину, восстанавливая дыхание, выбросил в стороны руки, словно полететь хотел над горами и долами, потом подпрыгнул, пробуя упругость лыж и, заметив, как из-под них порхнуло снежное облачко, в тот же миг ринулся вниз.

Ох, и ветер ударил навстречу! Барков почти лежал всем телом на воздушной подушке, снежный наст выстилался перед ним белой скатертью без единой морщинки, ноги, плечи, каждый мускул в молодом теле налился стальной чуткой силой. И чем стремительнее становился полет, тем дальше видел Барков дорогу и видел, казалось, не одними глазами, а каждой клеточкой разгоряченного, юношески открытого лица.

И все, очевидно, обошлось бы благополучно, не подвернись уже при торможении еле приметный холмик под треклятую левую лыжу. Крепление хрустнуло, и через мгновение комсорг беспомощно барахтался довольно далеко от трассы своего стремительного полета.

Но всему бывает конец. Так и тут — сколько ни барахтайся, а вставать надо. Барков встал, оцупал ноги, руки, шею — нормально. Поплевался, собрал в кучу палки, лыжи и на всякий случай отошел подальше за кусты, что под обрывом. Кто его знает, еще нагрянут нечаянно какие-нибудь лыжники из особо инициативных и начнут: как да что, ох да ах!..

И ведь, скажи на милость, словно сердце чувствовало у Баркова. Не успел внимательнее осмотреть порушенное крепление, не успел с сожалением подумать, что на ремонт придется истратить большую часть совершенно нового брючного

ремешка, как совсем неподалеку раздались голоса. Кто-то, значит, пожаловал.

Комсорг наклонился, чтобы рассмотреть из-за кустов, кто же это такой и когда узнал Сибирцева, вздохнул с облегчением, но, приметив за ним невысокую фигуру Хлебникова, слегка нахмурился и закусил губу.

Вот ведь нелегкая постоянно сталкивает этих парней! Ну что им земли мало, чтобы разойтись сторонкой? Нет, все они норовят рядом и все друг против друга в позицию становятся. Попробуй, усмотри за людьми с таким характером...

На шахте, уже через несколько дней после появления Хлебникова, все знали его романтическую историю, и многие с досадой поскребли в затылках: как иногда в жизни нескладно получается! Чем же не пара Сибирцев и Соня Рожкова? Всем взяли: и красивые, и работающие, и характеры у обоих как на подбор — боевые. А чем не пара та же Соня и Хлебников? Совершенно ничего плохого не скажешь. И, с третьей стороны, рассуждали друзья, нельзя же сидеть сложа руки, если видишь, что у таких хороших людей, как Сибирцев, Рожкова и Хлебников (сидеть бы ему, будь он неладен, на своей шахте), жизнь, вообще говоря, пошла кривь и вкось. Сибирцев за последнее время потемнел лицом, плотнее сжал губы и понес свою крупную, коротко стриженую голову немного внаклон, словно берег глаза от света. Соня тоже примолкла и заметно умерила свою девчоночью прыть, а на одном из последних самостоятельных вечеров наотрез отказалась петь. Заведующий клубом чуть не на коленях перед ней стоял, упрашивая не нарушать крепко сбитую, отрепетированную программу — не помогло. Рожкова сказала: нет!

Хлебников же на первых порах просто растерялся, несколько дней ходил, как в воду опущенный, а потом явился в комитет комсомола к Баркову и все обстоятельно рассказал, и как он встретился с Соней в доме отдыха, и как у него после этой встречи грянуло в сердце что-то похожее на весенний гром, и что он приехал сюда специально для того, чтобы быть поближе к девушке. А тут, оказывается... Сибирцев! — Вот что из всего этого получилось... — устало закончил он, не глядя на комсорга, и вытер вспотевший, немного приплюснутый нос.

— Та-ак... — протянул комсорг, собираясь с мыслями. — И как же ты думаешь дальше?

— А ты как думаешь?! — почему-то рассердился шахтер.

— Я что могу думать... — Барков пожал плечами. — Если по правде сказать, то я буду очень беспокоиться. За всех

троих. Смотрите, ведите себя по-человечески, по-комсомольски. А ты подумай, может, тебе лучше перейти в какую-нибудь другую бригаду? Или ты намерен вернуться на свою старую шахту? Комсомольская организация препятствовать не будет... Мы же понимаем...

На это Хлебников упрямо крутнул головой, потом вскочил со стула:

— Ты за кого меня принимаешь?! — почти выкрикнул он. — За попрыгунчика? Думаешь, если меня сердце сюда позвало, так я так-таки легонько прискакал, а теперь прыг-прыг — и обратно? Не-ет, из этого ничего не выйдет. «Капитальная» — это теперь моя шахта, с нее я не уйду. И о бригаде не говори — это дело десятое. Я пришел только для того, чтобы все обсказать, а то еще товарищи подумают обо мне плохое.

— Ну, а с самой-то Рожковой ты говорил? — не выдержал, наконец, Барков.

— Конечно, говорил... — Хлебников тяжело вздохнул.

— И что же она?

На минуту глаза у Хлебникова стали ласковыми, спокойными. Он пригладил волосы на голове и еще раз вздохнул.

— Она, знаешь, взяла меня вот так за руку, глянула мне в лицо, покачала головой и сказала: «Опоздал ты со всеми своими словами, Гоша...» Видишь, что получается, комсорг, если опаздываешь...

— Та-ак... — размышляя, снова протянул Барков и тут же встрепенулся: — Но если она так сказала, значит, больше клонится в сторону Сибирцева?

Хлебников невесело, устало махнул рукой:

— А вот этого я у нее не выспрашивал, в какую сторону она больше клонится...

На этом они и расстались, а назавтра комсорг попробовал издалека и уже по собственной инициативе завести разговор с самим Сибирцевым. Он сказал, что надо как-то бригадире подумать и отрегулировать свои отношения с Хлебниковым, а то получается прямо нездоровая обстановка...

— Это что такое: отрегулировать? — сдержанно перебил Сибирцев комсорга и, застегнув шинель на все пуговицы, с минуту смотрел на него не сердитым, а дремуче-грустным взглядом. Потом повернулся и молча пошел прочь.

— А тебе в следующий раз — наука! — строго выговорил парторг Бондарчук, когда Барков поведал ему обо всем случившемся. — Прежде чем входить в такое дело, нужно как следует подумать, да поставить самого себя на место людей, да переболеть их болью... А ты размахнулся и решил в один час что-то такое «отрегулировать». Не тревожь пока ребят.

И Барков, действительно, не тревожил больше ребят, не пытался отрегулировать их отношения, но сам-то очень за них тревожился. Правда, ему немного легче стало после того, как Сибирцев вскоре же из'явил желание поработать бригадиром у некрасовцев. Все-таки они не будут с Хлебниковым постоянно с глазу на глаз. Тут главное, время выиграть — время все завращает...

И вот сейчас, наблюдая из-за кустов краснотала за молодыми бригадирами и решив про себя, что между ними, наконец-то, происходит горячий разговор по поводу слишком уж затянувшегося сердечного конфликта, комсорг на разные лады прикладывал, как бы помочь этим людям, чтобы не наговорили они друг другу каких-нибудь черных слов.

А забойщики подходили все ближе и, наконец, остановились недалеко от тех самых кустиков, где так неудачно финишировал комсорг. И ведь вот какая дичь: над землей золотой солнечный вечер, снега вокруг вспыхивают миллионами крохотных зеленых, оранжевых огоньков, солнце незаметно клонится к зубчатому гористому окоему, а пахнет... черт, не разберешь чем и пахнет — не то промерзшей таловой веточкой, не то стружкой сосновой, а, может, это вообще жизнью так пронзительно хорошо пахнет. И вот посреди всей этой благодати стоят два парня и говорят друг другу ужасно неприятные слова. О любви и неудачах. И разговор, очевидно, обостряется. Комсорг видит, как Сибирцев опускает свои ручки на покатые плечи Хлебникова и, притянув его почти вплотную к себе, говорит что-то коротко и властно. Хлебников стшывается, взмахивает руками и в ту же минуту Барков с шутилой строгостью кричит из-за кустов:

— Эй-эй, что за наскоки! А ну, шагайте сюда.

Шахтеры смотрят в его сторону несколько секунд, потом как будто с сожалением кивают друг другу и, наконец, подходят.

— Стряслось что-нибудь? — спрашивает Сибирцев, пожимая руку Баркову.

— Ничего особенного, авария маленькая...

Хлебников садится на мягкий снежок, рядом с ним опускается Сибирцев. Не торопясь закуривают. И завязался разговор о последних рудничных новостях. Говорил, собственно, больше Барков и одно—два слова вставил Хлебников, а Сибирцев почти все время молчал, разгребая каблуком ботинка глубокий снег. А потом вдруг повернулся к Хлебникову и твердо выговорил:

— Слушай, я еще раз повторяю, не затевай ты пока этого дела, повремни...

Хлебников сделал глубокую затяжку, бросил окурок за куст и тронул Сибирцева за колено.

— А отец мне пишет, чтобы я не мешкал! Да и к чему мешкать, не понимаю...

— Пойдите, пойдите петушиться! — вмешался Барков и, словно приготовившись к выступлению, привстал со своего места... — Смотрю я на вас и диву даюсь: да что, девчат что ли мало на руднике? В конце концов спросили бы у нее оба, какое ее окончательное мнение? А то она, может, ни в ту, ни в другую сторону...

— Ты о чем это? — удивленно приподнял широкие заиндевелые брови Сибирцев, но, глянув на Хлебникова, который понимающе усмехнулся, сердито пошевелил желваками бритых скул и заговорил уже ровнее, но все же с укоризной: — Ты, Михаил, умный парень, но очень уж торопливый! Ну, зачем ты встречаешь с какими-то девчатами? Разве у нас об этом разговор...

— А о чем же? — рассердился комсорг. — О чем вы можете разговаривать, если вот уже месяц ходите такие закрученные. Даже во сне вас вижу...

Хлебников примиряюще кивнул:

— А ты послушай, о чем у нас разговор... Может, совет какой дашь...

— Вот именно... — согласился Сибирцев. — Я уже добрых два часа толкую тезке, что он не по силам замах делает и вовлекает мою... то есть бывшую мою бригаду в такие дела, о которых нужно прежде десять раз подумать да посоветоваться... У проходчиков на «Капитальной» сейчас одна задача: двигать вперед подготовительные забои!

— А что за дела у Хлебникова? — маленькие серые глаза комсорга настороженно сузились. У Баркова было особое чутье на дела, по крайней мере, не бывало ни одного начинания на шахте, которым он сам не переболел бы. Вот и сейчас, глядя на то, как Хлебников отломил тальниковую веточку, как он покусал ее розовый излом, как он глядит на Сибирцева, словно испрашивая у него особого разрешения на разговор, комсорг вдруг почувствовал, как на душе его поднимается что-то похожее на песню: значит, на «Капитальной», как и было загадано, начнутся большие хорошие дела.

Хлебников заговорил не торопясь, обдумывая каждое слово, как это делал всегда.

Конечно, может быть, и без отцовского наказа все обошлось бы, может быть, он сам или кто-нибудь из его бригады такую мысль мог подать, но тут как раз пригодилось отцовское письмо. Письмо это было ответом на несколько недоуменных вопросов Хлебникова-сына. Отец писал, что, конечно, рановато как буд-

то Георгию бригадирствовать, хватка еще не та, но если такое доверие сыну оказано — тут нужно поразмыслить. И первое — это не заниматься только одной проходкой, а посмотреть на жизнь шире. Не пора ли молодым шахтерам братья за комбайн, замахиваться нужно по самому большому — у большого дела человек молодеет, мудрее делается.

Хлебников сам несколько раз перечитал родительское письмо, потом познакомил с ним некоторых бригадников и, наконец, однажды вечером собрал всех свободных от работы и спросил: прав отец или не прав? Если прав, что делать? Несколько человек, почти не задумываясь, сказали, что сначала нужно как есть всем изучить проходческие механизмы, но тут Хлебников снова перечитал отцовские слова о горном комбайне. Проходческие механизмы — дело первостепенное, почему бы им всей бригадой не изучить сначала комбайн «Донбасс», а потом и на высшую ступень — взяться за щитовой фронтальный комбайн «Кузбасс». И вот загорелись сердца у людей: давай комбайн и только!

Хлебников два дня погодил и пошел в комбинат рабочего образования к самому директору, и рассказал о желании своей бригады.

— Почему все пожелали именно комбайн изучать? — с беспокойством осведомился директор КРО, высокий востролицый человек с невообразимо рыжей копной волос над широким морщинистым лбом. Бригадир сослался на то, что если не сегодня, то завтра, рано или поздно, а всем шахтерам не миновать комбайна.

Тогда директор разложил перед Хлебниковым многочисленные планы, составленные на основании заявок шахтоуправления и, тыкая желтым пальцем в столбцы с цифрами, разъяснил, что в ближайшее полугодие, на основании этих планов, должно быть обучено всего шесть водителей комбайнов, не больше.

— Чепуховые планы!.. — объявил Хлебников, однако в ответ услышал снова:

— Только шесть!

Сначала в бригаде возмутились, погоревали и, наконец, кое-кто даже стал забывать о деле, которое с таким жаром обсуждали. В общем, все неожиданно застопорилось.

— Хм... застопорилось... — сдержанно подытожил Барков. — Оно и не могло не застопориться. Разве такие дела решают наскоком? Тоже мне, называется бригада комсомольской, а о комсомольской организации в самый нужный момент забыла. — Барков подумал, внимательно, исподтишка присмотрелся к собеседникам, потом с обидой спросил: — Может, не доверяете комитету?

— Ну, вот — дальше в лес, больше дров...—остановил Сибирцев комсорга и, сложив ладони трубочкой, подул в них. — Мы же тебе толкуем о деле, а ты в какую-то амбицию... Давай по существу.

— По существу я завтра соберу комитет!.. — успокоился вдруг Барков и только тут заметил, что замерз до дрожи в коленях.

— Ну, завтра так завтра... — Сибирцев легко поднялся на ноги, — а сейчас на лыжи! А то у меня даже и губы застыли.

Поправили комсоргу крепление, торопливо попыхали папиросками и ходко тронулись к устью темнозеленой пихтовой пади. И тут Барков показал себя. Издали, если смотреть, то можно было подумать, что он не идет по рыхловатому убродистому снегу, а легко, не прикасаясь к нему, скользит по воздуху, от кустика к кустику, от ложбинки к ложбинке.

— Смотри-ка ты... — удивился вслух Сибирцев, когда они остановились у посеребренной морозцем высоченной пихты. — Если судить по характеру — я бы в тебе не отгадал такой прыти!

— А что? — задорно переспросил Барков, сдвинув на затылок вязаную серую шапочку. — Ты думал, у меня какой характер: ползучий?

— Да и не очень чтобы летучий... — Сибирцев смешливо прищурился.

— А ты не злишь, — попросил Барков. — Характер у меня неплохой... Я вот сейчас продемонстрирую вам мой характер... Хотите?

— Смотря что... — с сомнением отозвался Хлебников. — А то, может, вместе продемонстрируем... до дому?

— Нет, в самом деле! — окончательно раззадорился комсорг. — Я совершу спуск — слалом называется, вот с этой горки, видите? Препятствий — хоть отбавляй, как раз по моему характеру!

— Ладно без демонстраций, — отмахнулся Сибирцев. — Ты до этого слалома будешь не меньше часа добираться, да после спуска мы должны будем не меньше двух часов тащить тебя до дому — не представляет удовольствия!

— Чудаки! — рассмеялся Барков. — Я в прошлом году на соревнованиях...

— Тише! — остановил Хлебников. — Слышите, высотка уже занята...

Все разом глянули на гору.

Еще за минуту до этого золотились вершины сосен на горе, а теперь они, одна за другой, гасли, словно свечи. Снега на склонах подернулись пепельной мглой, серебряная чернь опу-

калась в узкие распадки, а чуть-чуть розовый предзакатный свет стремительно поднимался в синюю горную высь...

Несколько секунд стояли, прислушиваясь к тому, как глухо бьется разгоряченная кровь в ушах, как невзначай хрустнет под лыжей схваченный морозом снег, потом они услышали, как слабым воздушным током с горы донесло чей-то кашель и вслед за ним решительный мужской возглас:

— Внимание... Тронулись!

На самом гребне горы показались двое: мужчина — высокий, плечистый, и маленькая женщина с красным шарфом на шее. Издалека нельзя было рассмотреть, кто такие, но Сибирцев почему-то убежденно сказал:

— Наши... Только кто? Может, из техникума...

— Смотри, смотри! — выкрикнул Барков — Пошли... К яам... По самому крутояру!..

Что лыжники пошли по самому крутояру — это было и для остальных ясно. Сначала мужчина, как-то особенно широко размахнувшись во весь свой рост, почти бросился вниз, под гору, а за ним скользнула женщина и сразу скрылась в снежном облаке. Трое молодых шахтеров переглянулись и торопливо отошли за одинокую пихту. А крылатые лыжники все стремительнее скользили под гору, круто притормаживали, обезжая кусты, деревья, голые скалистые выступы.

— Птицы! — не сдержал восхищения Сибирцев.

— Но кто же? — нетерпеливо переспросил Барков.

— Сейчас узнаешь... Потерпи секунду, — отозвался Хлебников и тут же вдруг замахал руками и закричал во всю силу: — Э-эй, куда правишь!.. Обрыв. О-обры-ыв!!

— Вот... беда! — Сибирцев незаметно для себя наклонился, приподнял плечи, словно сам оказался на краю серого обрыва.

Затаив дыхание, следили за тем, как лыжники теперь летели по чистой прогалине, — справа и слева у них кусты, колдобины, а впереди обрыв. Барков даже присел, даже глаза прищурил и почти услышал свист ветра в ушах... Если бы люди на горе хотя бы видели этот треклятый обрыв. А так, нечаянно оказаться перед ним... Можно было даже на глаз определить место (вон между березкой и камнем), где кончится этот сумасшедший спуск.

Еще несколько секунд... Уже дышать становилось нечем, когда метров за пятьдесят до обрыва лыжник как будто немного притормозил, но только для того, чтобы спутница поравнялась с ним... И вот взвился снежный буран у самого камня, и два человека, по-птичьему распластав руки-крылья, пронеслись над прозрачной березкой... Еще мгновение, и сердца у трех случайных зрителей разом стукнули: все!..

А лыжники уже плавно описывают широкий полукруг по чистой поляне — впереди девушка, за ней вымахивает рослый парень. Они долго не могут или не хотят остановиться: жаль, очевидно, расстаться с ветром.

— Теперь я знаю... — негромко говорит Сибирцев. — Рогов это.

— А я девчонку узнал, хлопчики, — добавляет Барков. — Между прочим — Соня Рожкова! Собственной персоной.

— Вот это концерт... — растерянно подытожил Хлебников.

На последний перевал перед рудником поднимались «змейкой» — впереди Рогов, за ним Сибирцев, потом Рожкова. Шестие замыкали Барков и Хлебников. Если не считать Рожковой, шли почти по ранжиру. Сгущались сумерки. Вечерний верховой ветер нагонял с запада клочкастые облака и на них, как на черновой потолочной штукатурке, багровели отсветы близких рудничных огней.

Иногда Рогов негромко, но басовито командовал:

— Слева шурф!

Или говорил предостерегающе, как в ночном солдатском походе:

— Ноги!

Обходили шурф, валежину или камень-дикарь. Поскрипывал снежок под лыжными палками, иногда кто-нибудь кашлял. «Ну, точь-в-точь, как разведчики на войне», — с тайным удовольствием подумал Барков, хотя сам на войне ни одного дня не был. Шли молча.

Да и то сказать, наговорились при нечаянной-то встрече. И откуда только нелегкая нанесла управляющего; и добро бы одного, а то еще с Рожковой. Вот уж истинно, как снег на голову. При этой встрече Барков был скорее наблюдателем, чем действующим лицом, — внешне, конечно. А на самом-то деле, он натерпелся сразу за троих — и за двух проходчиков, и за мотористку. Рогов не в счет. Ему что, встретил нечаянно девчонку при выходе с рудника, узнал, поздоровался, а там слово за слово — разговор короткий: «Вы в тайгу? Я тоже... Очень удачно. Давайте вместе, а то еще тоска заест в одиночку».

Неизвестно, о чем они разговаривали во время своей дальней таежной прогулки, только управляющий трестом и при встрече с забойщиками и комсоргом вел себя так же запросто, непринужденно. Увидев их около пихты, он позвал за собой Соню и, отмахав несколько широких лыжных шагов, приблизился к комсомольцам, пожал руки, познакомился с Хлебниковым, ска-

зал ему: «А вас не знаю», потом также просто, но, по мнению Баркова, не без тайного умысла представил всем троим Соню. А когда та заявила, что все они работают вместе, мимоходом заметил: «Тем лучше» и тут же осведомился, удачна ли первая зимняя вылазка.

— Не вылазка, а целое производственное совещание, — мрачно пошутил Сибирцев.

— Вот это зря, — посочувствовал Рогов и повернулся к Рожковой: — Соня не может на это пожаловаться...

— Зачем жаловаться... — улыбнулась Соня. — У меня еще и сейчас сердце выпрыгивает!

— Да, знатно пробежались, — Рогов оглянулся на гору. — Жаль только, что этот обрывчик с каждым годом все ниже и ниже делается... Отчего бы это — ума не приложу.

— От тренировки, Павел Гордеевич, не иначе, — сказал Сибирцев.

Рогов кивнул.

— Я тоже так думаю. Впрочем, это неважно... Одним словом, нашего или, вернее, вашего полку прибыло. Берите нас и ведите до дому, а то еще Соню женихи хватятся... Так что ли, Соня?

— Да нет... — Рожкова засмеялась. — Мои женихи, Павел Гордеевич, так же, как и мы, где-нибудь в тайге бродят! — сказала и в открытую, почти насмешливо посмотрела сначала на Сибирцева, потом на Хлебникова. Баркова просто удивила такая смелость, он не узнавал Рожкову, по крайней мере, не видел ее такой давненько. Вообще говоря, он понаблюдал при этой встрече и за девушкой и за товарищами — внимательно понаблюдал. Трудно было угадать, что творилось у каждого из них на сердце, но по тому, как забойщики поспешно откликнулись на предложение Рогова тронуться до дому, можно было понять: не очень-то по вкусу пришлось им эта встреча.

Из пади «Черная Тайжина» поднялись уже затемно. И не для отдыха, а от радостного изумления остановились, стали потеснее и минутки две стояли очарованные.

Обозначенный только густыми созвездиями огней да разноцветными огненными реками на пылающих террикониках, на полтора десятка километров к западу раскинулся их недремлющий юный город.

— Вот как живем! — скупой порадовался Рогов и тут же предложил: — Вы, друзья, двигайтесь напрямик, а я еще на Десятую забегу, зачем такой случай терять, если шахта — вот она... — сказал и тут же скрылся за темной стенкой кустарников, крикнул издалека: — Берегите Соню... Женихи с вас спросят!

— Много о нем слышал... — задумчиво проговорил Хлебников. — Но не думал, что он такой... Как будто не один год его знаю...

— Давайте-ка шагать, а то в самом деле темно становится, — поторопил Барков.

И снова, теперь вчетвером, пошли они узкой лыжней навстречу городским огням. Шли — и не знали, не догадывались о том, какая печаль опустилась в этот вечер на их шахту, на весь рудник.

ГЛАВА 15

В ту самую минуту, когда краешек солнца скрылся за невысоким горным массивом, в городской больнице умер знаменитый забойщик «Капитальной» Гавриил Семенович Некрасов.

Прямо из больницы Дмитрий Голдобин забежал на шахту и хотя в раскомандировке в этот час никого не было, кроме пожилой уборщицы тети Мани, Дмитрий прямо у порога сорвал с мокрой от пота головы шапку и сказал громко, с запинкой:

— Чего случилось-то... Гаврила Семенович... умер. Слышите? Скончался Гаврила Семенович!

— Да батюшка ты мой! — тетя Маня выронила тряпку и горестно всплеснула руками.

А Голдобин так же торопливо пробежал на второй этаж, толкнулся в дверь партбюро, шахтного комитета, в канцелярию начальника шахты, потом стал посредине темного коридора и почти гневно вымолвил:

— Ну, никого, никого же нет!..

Постоял с минуту, подышал часто и, набросив на голову шапку, загрохотал вниз по лестнице, на крыльцо и исчез в сумерках, в тускловатом свете фонарей. Прислушавшись к тому, как затихли его шаги, тетя Маня присела в дальнем углу огромного двухсветного зала и, уткнувшись в ситцевый фарук, беззвучно заплакала.

Парторг Бондарчук поднялся с нижнего горизонта поздно и только успел переодеться, как ему позвонил председатель шахтного комитета Антон Бабак и, торопливо покашливая, полушепотом сказал:

— Виктор Петрович... Гаврила-то... скончался...

— Гаврила? — Бондарчук на секунду прикрыл глаза и плотно, добела сжал губы. — Гаврила? — переспросил он и вдруг, отчеканивая каждое слово, выговорил: — А ты почему сообщаем об этом по телефону? Это что — сведения по проф-

работе? Иди сейчас же ко мне. Поедем... — он хотел сказать «к Некрасову», но тут же поправился: — Поедем к тете Арише.

Пока ждали лошадь, молча сидели в противоположных углах кабинета. Несколько раз звонил телефон, но Бондарчук даже не пошевелился. Но и потом, пока ехали по городским улицам, он тоже молчал. Сидел чуть сгорбившись, словно прислушиваясь к стуку собственного сердца, и молчал. Бабак громко вздыхал и только перед самым домом Некрасова не выдержал и проговорил:

— Скажи на милость, сколько дел человек не закончил на земле. А ведь от всего сердца жил!

Бондарчук подумал, покачал головой.

— Разве можно за одну жизнь все дела переделать? Важно как можно больше начать хорошего, важно человеком стать. А Гаврила Семенович был большим человеком!

Бабак снова вздохнул.

— Вот и доклада он не успел сделать, а ведь жарко готовился к нему, все мне конспекты в больнице показывал и все грозил ругательно изругать кое-кого из молодых передовиков, «Они, говорит, все больше силушкой загребают, они, говорит, все надеются, что настоящее умение к ним само собой придет. Ну вот, говорит, только бы мне мало-мало оклематься, я с ними по душам поговорю». Знатный бы доклад получился у старика!

— Доклад!.. — парторг беспокойно пошевелил плечами, словно под рубаху сено набилось. — Доклад!.. Как тебе, Антон Сергеевич, не стыдно! С нами же человека не стало, а ты — доклад!

Бабак сухо, почти назидательно возразил:

— А я о чем говорю? Мы с Гаврилой тридцать годков поработали бок о бок, и я его как человека всегда знал в работе, в душевных делах, и в памяти он у меня и у людей всегда сохранится, как человек великого трудолюбия.

Бондарчук промолчал.

Скрипнули ступени крыльца под их ногами. Бабак сказал:

— Он вот все собирался крыльцо переделать... Не успел.

Двери в сени словно сами собой открылись. Бабак с Бондарчуком с минуту постояли у порога, услышали, как в кухне торопливо тикают настенные ходики, собрались было пройти вперед, когда совсем рядом услышали чей-то голос:

— Тетя Ариша в горнице... Здравствуйте, Антон Сергеевич.

И еще один:

— Здравствуйте, Виктор Петрович...

А кто-то третий просто негромко кашлянул. Потом чиркнула спичка и в ее желтоватом свете Бондарчук узнал хмуроватое смуглое лицо Черепанова, скулы и насупленные светлые брови

Дмитрия Голдобина. За ними еще кто-то притулился в углу. Ничего не сказав, парторг, а за ним Бабак, сняли пальто и, осторожно ступая, прошли в кухню. Их встретила маленькая, ссутулившаяся тетя Ариша.

— Арина Степановна... — Бабак в замешательстве потянул себя за жидкий прокуренный ус и переступил с ноги на ногу.

Маленькое лицо Арины Степановны, покрытое частой сеткой мелких морщинок, было печальным, но не расслабленным, из-под редких седых бровей смотрели карие сухие глаза.

— Ушел от меня Гаврила Семенович... — сказала она скупо и так же скупой, коротко повела рукой в сторону горницы и пошевелила выцветшими губами. — Оставил меня одну век доживать... Все торопился, все торопился и вот... не дождал меня...

— Он многое успел сделать, Арина Степановна. — Бондарчук осторожно взял ее горячую руку. — Он сделал больше всех нас! Он хорошую, добрую память по себе оставил... Большое у нас с вами горе, Арина Степановна...

Прошли в горницу, где пахло мятой и чисто выскобленными полами. Из кухни свет косо падал на угол стола, с которого неподвижно свешивалась белая простыня.

ГЛАВА 16

Простившись с молодыми людьми на развилке еле приметных заснеженных тропок, Рогов повернул к Десятой шахте. Шел не торопясь, широко отмахивая бамбуковыми палками. Поскрипывал снежок под лыжами, разгоряченное лицо приятно охлаждал встречный воздушный ток.

Совсем стемнело. Снега излучали голубоватый свет, выстилавшийся у самой земли. Обыкновенные нагорные кусты казались стадами затаившихся животных, небольшие ложбинки представлялись бездонными провалами, а Полярная звезда в косом разрыве облаков сияла, словно крохотная лампочка «дневного света» где-нибудь в конце вертикального забоя.

На крутых спусках Рогов слегка скользил, притормаживал и, раздосадованный этой инстинктивной осторожностью, лихо устремлялся вниз.

Весь день его не покидало чувство праздничной озабоченности, он почему-то казался себе новоселом, к которому не терпится впервые открыть окна в светлом и чистом доме, заглянуть в каждый его уголок, прикоснуться к вещам, услышать голоса вновь обретенных соседей. А ведь ничего особенно праздничного не случилось: выходной как выходной. С утра он побывал в тресте, поговорил с дежурными по шахтам, просмотрел добычу за ночную смену, и решив, что все идет почти нормально, собрался

домой. Но тут ему принесли маленький служебный конверт с запиской Вали Евтюховой. Валя сообщала, что с утренним поездом выехала в Ленинск-Кузнецкий за новым назначением. Этот внезапный отъезд немного удивил и в то же время обрадовал Рогова. Не то, чтобы его тяготило присутствие Вали, но ведь не мог он сказать: «Любви нет».

Накануне они побывали с Валею в театре, на концерте приезжих артистов. Она держала себя непринужденно, по-приятельски, чуть-чуть подсмеивалась над Роговым, над его, как она сказала, начальственным видом. Рогов отшучивался, говорил неуклюжие комплименты и был огорчен, когда в середине второго отделения к их креслам пригнувшись подошел дежурный администратор и шепнул:

— Товарищ Рогов, вас к телефону...

Валя с досадой пожала плечами:

— Ну и порядки у тебя в тресте!

Но дело касалось не трестовских порядков: звонили из министерства. Для разговора потребовались документы и пришлось выехать в управление. Когда со всем этим было закончено, возвращение в театр, за поздним временем, уже не имело смысла.

Значит, Валя уехала, хотя вчера об этом ни одним словом не упомянула. Что ж, она по-своему права. И самую-то мысль о работе в новом угленосном районе ей подал не кто иной, как он сам.

За три недели, которые Валя пробыла по служебной командировке на руднике, они, после того первого разговора, беседовали обо всем, кроме своего прошлого, не хотелось ворошить того, что былшем поросло.

После одного из инструктивных докладов Евтюховой по вопросам геологической службы на шахтах Рогов сказал:

— Простор тебе нужен, Валя, не «командировочный», а настоящий творческий простор! Почему бы тебе не поехать на постоянную работу... знаешь, куда?—он назвал район.— Смогри, что там сегодня делается! А инженеров, насколько я знаю, не хватает...

И вот Валя уехала. Правильно она сделала.

И четырехчасовая лыжная прогулка, как Рогову казалось, хитро им задуманная, получилась легкой, стремительной. И эта нечаянная встреча с мотористкой Соней и еще с молодыми шахтерами... Какие они хорошие, чудные — эти ребята. Такой жизни, как у них, не придумаешь.

Встретившись с Соней всего в километре от города, Рогов повел ее по распадкам и невысоким горам и все норовил идти вокруг Десятой шахты так, чтобы надшахтные здания были вид-

ны то с севера, то с востока. Мимоходом бывали на одном вентиляционном и двух лесоспускных шурфах.

— Павел Гордеевич, пойдете в тайгу! — предложила Соня. Я по тайге стоксовалась.

— Так мы же в тайге, Соня! — Рогов показал на близкие пихтовые заросли. — И, главное, шахты видно... Вон, посмотри-те на Десятую: красавица, правда?

После небольшой передышки, он сказал:

— А теперь мы тронемся к востоку, вот туда, где сходятся устьями три распадка... Весной там будем закладывать вспомогательный ствол, домиков понастроим... бревенчатых, смолистых! И тайга снова пойдет на попятную!

Ему почему-то безотчетно захотелось рассказать этой маленькой, подвижной, со смеющимися ясными глазами девушке, зачем он все время крутится, да-да, именно крутится у Десятой шахты и не может оторваться от этих ничем не примечательных мест. Он, однако, сдержался. И то сказать, в глазах у Сони было такое стремительное выражение, голубая шапочка так весело топорщилась на ее русой головке, Соня до того нетерпеливо рвалась вперед, что говорить с ней о чем-то по порядку не было никакой возможности.

Затодумалось о Десятой неотрывно, зато мечталось о делах на ней беспрестанно. Десятая, по своим возможностям, очень свободно может пойти рядом с «Капитальной». Значит, первый широкий приступ к массовой цикличности закономерен именно на этой шахте. А потом первый горный комбайн! Первый комбайн на шахте...

Вчера при встрече с Роговым редактор городской газеты рассказывал, что с каждым днем все больше поступает от шахтеров не корреспонденций, нет — это само собой, — стихов о горных машинах. Стихов. Да, пусть уже сейчас слагаются стихи о новых машинах, о новом взлете человеческой мысли, труда. И почему бы Рогову, несмотря на выходной день, не заглянуть на Десятую, ведь там еще с утра должны были спустить в забой уже опробованный горный комбайн. Выходной день? Ну, что ж, люди отдыхают попеременно, а шахта работает всегда.

...А как они сегодня летели с горы! И еще нельзя забыть о встрече Сони, Сибирцева и того молодого проходчика... кажется, его фамилия Хлебников: поклонились друг другу издали, в глазах у девушки и у парней мелькнули одновременно и испуг и радость. У всех троих!.. Интересно... А как при этом озабоченно, тревожно хмурился комсорг!

— Родные вы мои женихи! — вслух, с веселой завистью повторил Рогов и, сняв лыжи, прыгнул с невысокого обрыва на гладко укатанное шоссе.

У порога шахтоуправления он обмел снег с промерзших ботинок, поставил лыжи у крыльца, вошел в коридор, по обеим сторонам которого было видно около десятка крашенных коричневых дверей, с удовольствием принялся к знакомым запахам. Пахло резиной, шахтерским обмундированием, бензином, оттаявшим в тепле каменным углем и еще парной мойкой, которая сообщалась с конторой длинными переходами. Пронзительно звонил шахтный телефон, попискивал пар в плохо пригнанном флянце центрального отопления. Кто-то в дальнем конце коридора кричал:

— Алло! Алло! Клуб? Какую картину крутишь? Алло! Это я — Степачев! Ну, что вы, понимаешь, старье перекручиваете?

Рогов заглянул в красный уголок. Тут было всего двое парней в форме ремесленного училища. Один, задумчиво прислонившись щекой к баяну, наигрывал залихватскую плясовую, а второй, выпятив грудь, опустив безжизненно руки и подняв лицо так, словно пытался что-то разглядеть на потолке, деревянно отплясывал чечетку. Они одновременно остановились и, повернувшись к управляющему трестом, сказали:

— Здравствуете...

— Невесело живете... — приветствовал их Рогов и прошел дальше по коридору.

В диспетчерской застал одного дежурного. Это был пожилой человек, с седыми, коротко стриженными волосами, с худощавым, кирпичного цвета лицом. Сняв телефонные наушники, он поздоровался и, опережая вопрос Рогова, доложил:

— Сейчас, Павел Гордеевич, двадцать часов семнадцать минут... На двадцать часов было шестьсот девяносто вагонов.

— Маловато... — Рогов кивнул в сторону кабинета начальника: — У себя?

— А как же! — немного самодовольно усмехнулся диспетчер. — Трудимся! Товарищ Семькин с шести утра в кабинете. И обед сюда приносили...

— Ну вот, как удачно, — улыбнулся Рогов. — Значит, вместе поужинаем.

Остановившись через минуту на пороге кабинета, он внимательно присмотрелся к обстановке, к двум туманным фигурам за столом начальника шахты. При свете настольной лампы лиц не удалось рассмотреть сразу, — до такой степени было накурено. Один из сидевших за столом осипшим голосом говорил:

— Тридцатую мы подвигаем в месяц на двадцать один метр, сорок шестую — на девятнадцать... Итого, они нам дадут...

Рогов повернулся к притолоке, включил верхний свет и, не закрывая двери, пошел к столу. Его заметили: навстречу поднялся начальник шахты Семькин и главный инженер Щербачев.

— Видите, как хорошо, Павел Гордеевич! — обрадовался Семькин и гостеприимно развел руками. — А я раза три звонил и в трест, и на квартиру, говорят нет, уехал не то в Сталинск, не то на охоту... А вы, оказывается...

Рогов кивнул:

— А я, оказывается, на лыжах прогуливаюсь, жирок стоняю. Позавидовали?

— Да нет, что ж завидовать... — Семькин погладил себя по лысой розовой голове, и смущенно глянул в сторону главного инженера. — У нас же, Павел Гордеевич, работы не продохнуть, не выдохнуть: приказано во вторник представить в технический отдел треста графики по всем забоям. Приказ — есть приказ, да еще за подписью управляющего.

Отряхивая вязаную лыжную шапочку, Рогов усмехнулся.

— А я думал, что вы здесь решили сверхурочно блоху подковать: накурили до спиралей под потолком, как приснопамятный Левша у Лескова.

— Не заметили за разговорами... — главный инженер положил в пепельницу потухшую папиросу и придавил ее мизинцем. — С вентиляцией слабовато.

— Надеюсь, в забоях лучше? — осведомился Рогов, опускаясь в кресло. — А потом скажите: что получили на выход по эксплуатации за последние сутки?

— По-моему... девять десятых тонны на человека... — начальник опять посмотрел на главного инженера.

— Да, ноль девять тонны, — подтвердил главный и почти неприязненно покосился в сторону управляющего.

— Хм... видите, — с укоризной заговорил Рогов. — Ноль девять тонны по эксплуатации!.. Только ноль девять наскребаете, в то время, как плановая у вас одна двадцать! Так? Что ж вы тогда планируете подвигание одного из забоев всего на девятнадцать метров в месяц? По шестьдесят сантиметров в сутки? Что это за цикл?

— Павел Гордеевич! — Семькин, очевидно для убедительности, почти лег грудью на стол. Это же третьестепенная лава по четвертому Елбанскому пласту! Два породных включения... всю свою историю, как мне рассказывали, Десятая шахта спотыкалась об этот четвертый Елбанский...

— Так надо же когда-нибудь кончать с этой «спотыкающей» историей», — возразил Рогов.

— А что вы предлагаете? — Щербачев снова и уже в открытую, неприязненно поглядел на управляющего.

— Что я предлагаю... — Рогов с виду добродушно усмехнулся. — Во-первых, я предлагаю полюбить жизнь и делать эту жизнь красивее, веселее! Это во-первых, во-вторых и в-третьих! А в-десятых, подумайте как следует над графиками, которые вы сегодня за день прокурили и над которыми, очевидно, плохо думали...

— Но мы десятки раз все пересчитали...

— А какой арифметикой вы пользовались?! Я вам предлагаю современную: переведите вашу третьестепенную, как вы говорите, лаву на график — один цикл в сутки. Понимаете? Один цикл в сутки. И давайте завтра с утра все вместе считаем.

Щербачев аккуратно застегнул верхнюю пуговицу на помятом и не очень чистом воротничке косоворотки. Заметив, как при этом у него иронически выпятились толстые, в поперечных морщинках губы, Рогов спросил:

— У вас, очевидно, свой взгляд на такие простые вещи?

— Не такие, уж они простые... — Щербачев вздохнул и попытался улыбнуться. — Не простые, хотя бы потому, что один цикл в сутки, сегодня, по крайней мере, — пока что техническая мечта.

— А вы любите мечтать?

— Любил.

— Вот как... — озадаченно протянул Рогов и тут же встал. — А я вот сегодня шел к вам, ходил вокруг вашей шахты и все думал, все мечтал о том, как вы можете и будете работать... Неверно вы, друзья, поняли или вовсе не поняли указания о переводе основных забоев на график — один цикл в сутки... Слушайте же еще раз: немедленно переводите шесть лав на график цикличности! Немедленно. Всю вашу деятельность трест и горком партии будут расценивать по тому, насколько вы освоите цикличную работу. Посоветуйтесь с коллективом, со станхановцами, заручитесь поддержкой партийной организации — и за дело. Быстрее, дорогие мои товарищи, за дело.

Рогов прошелся по кабинету, прикрыл на ходу двери, очень громко сказал: «Ну, кажется, немного вытянуло... — дышать можно...» — и, вернувшись к столу, спросил, как бы между прочим:

— Надеюсь, комбайн-то сегодня утром спустили в лаву? По моему, так было договорено?

— Комбайн не спустили... — ответил Семькин. — Решили продолжить испытания в мастерской еще на три-четыре дня. Так будет надежнее.

— Н-ну... — без всякого выражения сказал Рогов и, потянувшись к телефону, вызвал трестовский гараж. А когда ему ответили, что машина немедленно же выйдет, он положил трубку на аппарат и снова сказал тем же тоном: — Н-ну... что ж? Не в моих правилах вмешиваться в оперативную работу, а на этот раз я нарушу правило... Чтобы через час в мастерской приступили к демонтажу машины. Мобилизуйте людей, вызовите механиков. На спуске комбайна я буду присутствовать. А перед этим докладывайте мне о ходе дела каждые полчаса.

Начальник шахты и главный инженер встали, мельком переглянулись, что-то хотели возразить, но Рогов жестом остановил их и сказал с подчеркнутой настойчивостью:

— Инженеры, беритесь обеими руками за комбайн!

— Семькин и Щербачев ушли. Рогов остался ждать машину. Через минуту он услышал, как за стеной телефонистка на коммутаторе быстро закрутила ручку аппарата и закричала так, что, наверное, слышно было на улице:

— Механика! Срочно механика! Клуб, на сеансе главный механик!..

Потом она же позвонила в кабинет и, услышав голос Рогова, сообщила:

— Павел Гордеевич, вас разыскивает парторг «Капитальной» Бондарчук.

Рогов взял трубку:

— Да!

Бондарчук как-то странно кашлял, кашлял и вдруг глухо спросил:

— Это ты?

По тону парторга Рогов понял, что случилось что-то очень тяжелое, у него и у самого голос дрогнул, когда он сказал:

— Я. Здравствуй...

— У нас, знаешь... такое сегодня случилось... несчастье. Такое, знаешь... Умер Гаврила Семенович.

Потерянным движением Рогов положил трубку на стопку бумаг и оглянулся. У порога стоял Семькин. Встретив растерянно метнувшийся взгляд управляющего, он низко наклонил голову и проговорил с горечью:

— Я уже слышал на коммутаторе, Павел Гордеевич... Такой шахтерище был.

Рогов подошел к инженеру и наклонился, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Не тяните с комбайном, прошу вас как коммуниста... Это же облегчит труд таких людей, таких золотых людей!..

— Я все сделаю, Павел Гордеевич, к утру машина будет в лаве! — Семыкин отступил в сторону и вышел вслед за Роговым.

ГЛАВА 17

Прошло три дня после похорон Гаврилы Семеновича. Жизнь на шахте разворачивалась своим чередом. На последних планерах жестоко, «по-семейному» ругали коллектив первого района за двухнедельное отставание. Готовились к городской партийно-технической конференции. Много и горячо говорили на техническом совете о третьем западном квершлага, нерасторопная проходка которого задерживала вскрытие важнейшего угольного поля. На одном из заседаний совета главный инженер Филенков с сожалением сказал:

— Два у нас было бригадира, на которых полагались в таких вот срочных делах... Но Афанасий Петрович Вошин полтора месяца будет на курорте... Да и хорошо, что все-таки удалось в конце концов заставить старика отдохнуть. — Филенков немного помолчал... — А Гаврилу Семеновича потеряли совсем.

Парторг Бондарчук тихо постучал пальцем по столу и спросил:

— Не думает ли главный инженер, что мы по этим причинам можем отказаться от форсированной проходки третьего западного?

— Не думаю, — Филенков неловко повернулся в кресле и сбоку глянул на Бондарчука. — Не думаю я этого, Виктор Петрович, но где же выход? При всей механизации проходческих работ мы все же идем на пределе...

— О пределах мы как-нибудь в свободное время поговорим, — вставая, заявил Бондарчук. — Задача у нас совершенно ясная: ускорить проходку в два—два с половиной раза... Посоветуйтесь, как это сделать без всякого нажима на силушку, выкраивайте время для производственных операций по-инженерному... Подумайте, нельзя ли к этому делу приспособить бригаду Георгия Сибирицева...

После ухода парторга Филенков посидел немного, зажав мясистый нос двумя пальцами, потом вздохнул, хотел что-то сказать, но его опередил районный инженер Нефедов, покачавший с сомнением головой.

— В Сибирицеве никто не сомневается... на будущее время, а ведь нам нужен разворот немедленно. Заниматься ли сейчас расчетами пока неведомого нам графика или... воспитывать бригадира для этого неведомого графика?

— А может, совместим во времени эти операции? — насмешливо осведомился начальник транспорта Анатолий Костылев.

— Вы как думаете, Иннокентий Сергеевич? — обратился Филенков к главному механику, человеку молодому, только что прибывшему на шахту.

Иннокентий Сергеевич все время сидел в углу и, слегка насупившись, чистил костяным перышком ногти. Услышав свое имя, он выпрямился, чисто выбритое худощавое лицо его деловито нахмурилось.

— Что касается механизмов, — быстро нашелся он, — в этом прошу не сомневаться... Обеспечу бесперебойную работу, ремонт, профилактику... Но тут говорилось, по-моему, о бригадире, о людях... Мне трудно ориентироваться... Прошу извинить.

— Это правильно, с людьми труднее в тысячу раз, чем с механизмами, — согласился главный инженер. — Сделаем так: до завтра подумаем и снова соберемся. График, люди. Конкретные предложения. Можно расходиться.

...Бондарчук прошел через общий раскомандировочный зал и по пути присмотрелся к высокому, электрифицированному щиту показателей. На правой его половине показатели добычных и проходческих бригад. Плохо у проходчиков. Вот и квадратик бывшей некрасовской бригады затемнен. Это уж совсем зря, ой, как это зря!

Парторг постоял перед щитами. В складочках, на его подбородке залегли тени, а в карих глазах засветилось что-то веселое и злое одновременно. Через пять минут он заглянул в комитет комсомола и спросил у Баркова, не знает ли он, где сейчас Георгий Сибирцев.

— Георгий?.. — Комсорг быстро встал и, потупившись, неловко обернул коротенький пиджачок.

— Да, да, я спрашиваю о нем! — поторопился Бондарчук.

— Плохо у нас с Георгием, Виктор Петрович...

— Ну, вот и тут плохо!.. — деланно удивился парторг. — Где все же он?

Барков вздохнул:

— В ресторане он в настоящее время... Сейчас только сведения получил. Предпринимать нужно что-то, Виктор Петрович.

— Уже и предпринимать что-то.. — парторг хитро прищурился. — Не успел человек переступить порог ресторана, а мы уже и за голову хватаемся. Не предпринимай. Я потом тебе позвоню...

А с Георгием Сибирцевым и на самом деле неладно получалось. Сегодня так же, как и вчера утро застало его у окна над раскрытой книгой. Но ни книги, ни одной строчки на полусогнутой странице он в этот час не видел.

На дворе сухой морозный рассвет. Нижние дольки оконных стекол затянуло молодым ледком, из полуоткрытой форточки несет холодом, и если через силу встряхнуться, стереть с глаз дремотную пелену, — в окно увидишь запорошенные снегом городские окраины — маленькие домики, с курчавым лесом дымков над крышами, пустые квадраты огородов и невысокую горку за ними, прямо на солищевском. На горе огонек — шахтерская лампочка на могиле Гаврилы Семеновича. На руднике гадают: кто додумался поставить на свежем земляном холмике этот скромный светильник? Не все ли равно, кто... Пусть теплится лампочка длинными зимними ночами, в пургу и мороз, в мгlistые вечерние сумерки, и в час, когда на востоке начинается полыхать высокая утренняя заря. Пусть теплится лампочка и напоминает шахтерам о том, что жил рядом с ними большой человеческой жизнью знаменитый, настоящий забойщик Некрасов.

«Гаврила Семенович Некрасов»... — коротко написали шахтеры на простом металлическом обелиске...

А Гаврила Семенович, когда Сибирцев приходил к нему в последний раз, говорил:

— Гоша, я теперь почти спокоен за свою бригаду... Ты там, шахтер, подумай, что к чему... Уважай людей, помогай им советом, а если в чем ошибся, говори об этом полным голосом... Самая верная дорога. Не забывай, кто нас учит этому...

А он забыл. Да, нечего кривить душой — забыл. Понадеялся на свои особые таланты. Иначе, почему он сразу не пошел за помощью, за товарищеским наставлением в комитет комсомола, к группарторгу участка Степану Данилову, к Бондарчуку? Зазнался!

И не зазнался, не зазнался же!...

Сибирцев швыряет окурок в угол, потом идет, подбирает его, кладет в пепельницу и ходит вдоль маленькой комнатки — третий шаг приходится как раз на пестренький половочок посредине.

Нет, он не зазнался, а, стыдно даже подумать, растерялся. И ведь как все просто, ясно было задумано: перенести в некрасовскую бригаду все, чему Сибирцева научил сам Некрасов — чрезвычайную экономию в движениях, умение видеть, что придется делать не только через час, но и через две, через три смены, умение работать весело, любовно — вот что он собирался сделать, он решил выпрямить жизнь в молодой по составу бригаде Некрасова. Выпрямить!.. Вот размахнулся! Прежде чем выпрямлять, нужно знать, как это делается.

В бригаде его встретили неприветливо. Люди в ней подобрались хотя и новые, но больше пожилые, а двое даже рабо-

тали с самим Некрасовым года полтора. Вспоминая свой первый разговор с ними, Георгий невольно крутил головой и стискивал кулаки: ой, плохо же получилось!

Он явился на первый наряд, получил у начальника участка задание и, собрав вокруг себя бригаду, сказал:

— Работаем — хуже некуда... Прямо стыдно. И, главное, причин не вижу! Где причины? Сомневаюсь, чтобы бы на такой вопрос ответили. Нужно, товарищи, мобилизоваться, продумать и выявить... эти... внутренние резервы. Вот что нужно.

Он говорил и чувствовал, что говорит не то и не так, что слова у него вязнут во рту, что ему самому скучно. Бригадники слушали, курили, изредка перешептывались.

Силы на первые же три смены распределили по-новому, — так представлялось Сибирцеву. Двух—трех наиболее опытных проходчиков поставили так, чтобы вокруг них группировались новички из самых отсталых, неповоротливых. Сам Сибирцев возглавил, как и положено, одну из смен. Работал он за троих, потом успевал забежать на часок в две остальные смены. Все как будто было нормально, и порожняк на месте, и лес точно по заданному размеру, а в итоге первых суток получилось всего девяносто процентов. И потом пошло как под гору. Что ни смена, что ни сутки, то неудача. Сибирцев терпел, терпел, а потом заметался, стал даже покрикивать, хотя давно знал, что на покрикивании далеко не уедешь.

— А ты не кричи, бригадир, — сказал ему как-то подручный из новеньких, человек низкорослый, рябоватый, не столько работавший, сколько глядевший на кровлю. — Покричать легче дело, а земля-то она, что твое железо — ни зубом, ни порохом ее...

Новичок шахтную глубинную породу обозвал землей. — в другое время это могло бы рассмешить, а тут окончательно вывело Сибирцева из терпения. Он молча отобрал у напарника лопату, молча оттеснил его от погрузочного листа и работал всю смену, сцепив зубы. Машина опять не действовала.

В день похорон Некрасова бригада выполнила план всего на семьдесят процентов. Отбросив рапортички, горный мастер Зулин схватился за голову и простонал:

— Помянули старика!..

И хотя бы кто-нибудь крикнул об этом на шахте во весь голос, может быть, обстановка и разрядилась бы. Так ведь нет, товарищи молчали, словно приглядывались. И от этого было совсем нехорошо.

Вчера, снова после неудачной смены, Сибирцев направился в общежитие к девушкам, решил найти Соню и, забыв обо

всем, что между ними случилось и не случилось, хотя бы посидеть рядом с ней, сказать, что вот такая беда, Гаврилы-то Семеновича не стало, и что значат перед этой большой бедой наши маленькие обиды...

Комендант сказал, что Рожкова уехала. Сибирцев удивленно приподнял широкие брови, ничего не поняв.

— Я говорю, уехала, — повторил комендант и, чмокнув с сожалением розовыми полными губами, подмигнул проходчику: — Выбыла, товарищ Сибирцев... Сегодня... Кланяться не приказывала.

От этого очень худо, очень пусто стало. Вышел из общежития и по дороге на шахту встретил Баркова. Комсорг, как всегда, спешил, но не преминул очень внимательно заглянуть в глаза Георгию и заговорил о том, что через день состоится заседание комитета, на котором нужно в обязательном порядке обсудить предложение Хлебникова о комбайновой учебе. Разговор на лыжной прогулке само собой, а с учебой необходимо что-то делать.

— Так что имей в виду, — закончил он. — Завтра в восемь. Подумай, дело-то знаешь какое...

— Не приду я... — устало отозвался Сибирцев. — Сегодня беру отпуск на пять дней. Жизнь надо устраивать...

— Жизнь устраивать?! — изумился комсорг. — Так зачем же для этого отпуск брать?

Георгий облегченно вздохнул, когда Барков, вспомнив о каком-то деле, забежал на обогатительную фабрику.

В шахтоуправлении написал заявление и дал на подпись помощнику начальника участка.

— Ты... не во-время ты, Георгий... — посетовал помощник. — Такие перемены на шахте... Да и в бригаде у тебя не совсем... Ну, что ж делать, раз по семейным обстоятельствам... Тебе не могу отказать. Только завизируй у начальника шахты.

В кабинете у начальника шахты почему-то оказался один начальник участка Дубинцев. Он сидел за огромным столом и казался очень маленьким, излишне хмурым. Сибирцев только сейчас вспомнил, что начальника шахты вот уже два месяца нет, что его замещает главный инженер Федор Лукич Филенков.

— Что у тебя, Георгий? — спросил Дубинцев.

Сибирцев вынул из кармана заявление.

— Но я уже был у вашего помощника, Николай Викторович, сказал он. — Теперь нужно к Федору Лукичу...

— Давай сюда бумажку... — Дубинцев взял заявление и, расписываясь на нем, покачал головой. — Я теперь в начальниках, Георгий Георгиевич... Вот какие дела.

Это обстоятельство немного встряхнуло Сибирцева. Вот это действительно дела! Ведь Дубинцева он знал еще по футбольной команде, когда сам учился в ФЗО, а Николай Викторович, тогда просто Николай, работал горным мастером на пятом Западном. Вон когда это было... В те времена к ним в общежитие частенько заходили Хмельченко, Афанасий Вошин, Гаврила Семенович... Зайти бы сейчас к кому-нибудь из старших, поговорить бы...

Поколебавшись, он однако вернулся домой и закрылся в своей комнате, предварительно наказав Авдотью Карповне — сторожке, что его нет, если будут спрашивать.

— Ну нет, так нет, — согласилась женщина. — Пересиди немного, а то вид у тебя, куда какой непогожий... Что ж на людей тоску нагонять.

Сидит он дома уже вторые сутки, пробует читать, дышит в форточку, порывается выскочить и побежать на шахту, но укрощает себя и снова сидит, ходит.

Наступает полдень. На дворе солнечно. Ледок на окнах оттаивает. Сибирцев слышит, как Авдотья Карповна с кем-то спорит в коридоре и все доказывает, что «Гошки с утра дома нет». Наконец, он быстро, как попало, одевается, выбегает на улицу и переулками идет к центру города.

ГЛАВА 18

Часов в шесть вечера Бондарчук, действительно, спросил по телефону у Баркова:

— Он все еще там?

— Там... — Барков стесненно передохнул.

— Отлично. — Парторг повесил трубку.

А комсорг долго еще сидел неподвижно и с горестным изумлением смотрел в одну точку. Интересные оценки раздает сегодня Виктор Петрович: то хорошо, то отлично... Но ведь это неправда! Что ж тут хорошего, а тем более отличного, если передовой парень, краса и гордость организации, сидит уже полдня в ресторане и, как сообщают очевидцы, наводит одним своим дремучим видом уныние на обслуживающий персонал и на посетителей. Вот какое обидное упущение. Проглядели что-то в жизни Сибирцева, не подоспели вовремя.

Бондарчук, между тем, позвонил на квартиру Степана Данилова. Ответил сам Степан. Поздоровались. Виктор Петрович просил кланяться Тоне, поинтересовался самочувствием, а также тем, что поделявают молодые люди.

— Какую, какую книгу? — переспросил он. — А-а, ну этого поэта я знаю. Славно, славно... Что-о? Тоня читала, а ты

задремал? Ну, правильно. Этого поэта я знаю... — После небольшой паузы он сделал ладонь трубочкой, приставил ее ко рту и негромко сказал в микрофон:

— Слушай, Степан... Ты случайно выпить не хочешь? Запрещают? Вот жалость какая... А у меня есть предложение.

Степан насторожился и ответил четко, почти по-солдатски:

— Слушаю, Виктор Петрович.

Делая карандашом пометки в дневнике и погасив в глазах благожелательную улыбку, парторг лаконично распорядился:

— Пойдешь в ресторан. Там Георгий Сибирцев. Посиди, поговори. Действуй по обстановке, но ровно в девять вечера Сибирцев должен быть у меня. Задача ясна? Будь здоров.

Парторг немного походил по безлюдному тихому кабинету, задумчиво поглаживая темные седеющие виски, потом присел к столу и написал на четвертушке бумаги: «Станция Учуден, переулочек Студеный ручей 6 Рожковой. Выезжайте немедленно, рудник неотложное дело. Бондарчук».

Бондарчук не мог знать, что в это же самое время, на семичасовой поезд садится Дмитрий Голдобин, взявший билет до маленькой таежной станции Учуден.

Степан Данилов пришел в ресторан в сумерки. В фойе шелкали бильярдные шары. За столиками в продолговатом зале сидели человек десять, не больше. Степан сразу заметил Сибирцева за четырехугольной колонной и пышной искусственной пальмой. Злость и тоска шевельнулись в сердце Данилова. Вначале он хотел устроиться за отдельным столиком, а тут вдруг прошагал прямо к бригадиру и, демонстративно громыхнув стулом, спросил:

— С тобой можно, Георгий?

— Садись, Степан... — Сибирцев махнул рукой и поднял взгляд на Данилова.

Пожали друг другу руки, и Степан даже похолодел — до того ладонь Сибирцева показалась ему вялой, безжизненной. Неужели пьян? Этого еще не хватало! Взял меню, перелистал, очень внимательно и по возможности незаметно пригляделся к Георгию. Нет, глаза у парня как всегда чистые, открытые, только тоскливые. Да, тоскливые глаза.

Степан спросил первое, что пришло на ум:

— Ты уже выпил?

Сибирцев не торопясь раскурил папиросу, оперся щекой о ладонь и небрежно обронил:

— Противная какая-то, теплая.

— А в ресторане всегда так, — авторитетно заметил Степан.

— Зимой водка теплая, летом — холодная. По преискуранту.

Бригадир без всякого воодушевления пригрозил:

— Их бы за этот преёскурант... в газету. Да неудобно, знаешь... Что напишешь-то? Так и так, мол, безобразие, в ресторане подают теплую водку... Никакой заботы о трудящихся. Прошу улучшить продукцию. Вольно же, скажут, шляться по ресторанам, если на шахте отличная столовая!

Коротко рассмеялись.

Заказали бутылку шампанского, выпили по бокалу. Сибирцев улыбнулся:

— Вот это другое дело!

Степан кивнул.

— А вообще, конечно, дело это от безделья.

— Ну, почему... Надо же иногда развеяться.

— От чего бы это нам с тобой развеиваться?

— Так, Степан, всякое случается... Иной раз накопится у тебя на сердце, закрутит и понесет...

— Прямо в ресторан? И часто это?

— В первый раз это со мной... В первый раз, Степан! — Георгий на мгновение замолчал, сжал кулаки и положил их на середину стола. — Так все налетело на меня и закрутило, закрутило... Гаврила Семенович... Я у него был накануне. «Эх, сказал он, и стосковался же я по жизни, будто сто лет на шахте не был!» И вот не придет он больше на шахту... Понимаешь, Степан, не придет и сто лет, и тысячу, и миллион — никогда не придет!.. Я ненавижу смерть, я не понимаю, почему должны уходить те, кто украшает землю!

Степан еще раз, очень пристально, зорко всмотрелся в осунувшееся лицо проходчика и удивленно спросил:

— А ты почему это о смерти?

— Я о жизни! — скулы Сибирцева налились горячим гневным румянцем. — Я о жизни, Степан, чтобы она без конца продолжалась, чтобы нам не тосковать о тех, кто из нее уходит!

— Надо уметь становиться на место тех, кто из нее уходит. И с живыми двигаться вперед... — задумчиво проговорил Данилов и качнул головой. — Вот тогда, Георгий, жизнь будет настоящему бесконечной.

— А я не сумел... — голос Сибирцева опять гневно дрогнул, брови сошлись на переносице. — Потому и горюю... Пусто в забое Гаврилы Семеновича.

— Ка-акой ты сегодня... — с горькой усмешкой протянул Степан и даже присвистнул.

— Откровенный?

— Кислый!

— Вот и Соня, наверное, обо мне так думает...

— А как же она может о тебе думать? Ты говоришь о жизни, а сам стоишь и смотришь, как эта жизнь несется мимо тебя во весь мах. У тебя есть бригада, у тебя такая девушка...

— Нет у меня девушки...

— Есть, есть, не ври! — грубовато прикрикнул Степан. — Все у тебя есть, у тебя столько друзей-товарищей, что как подумаешь, — на земле тесно, а ты сидишь тут и... возмущаешься, что подают теплую... ффу!

— Ну... Степан... — лицо Георгия жалко дрогнуло. — Не надо, Степан...

Данилов тщательно пригладил ладонями разметававшиеся волосы и, успокоившись, глянул на часы.

— Правильно, не надо. Сейчас половина девятого... А ну, Гоша, тронулись.

Вышли на улицу.

Темно, тихо, морозно.

Свежий арбузный запах поднимался от молодых снегов.

Громыхая бортами, прокатила мимо трехтонка и опять стало тихо, до звона в ушах.

— Воздух-то какой... — кашлянув сказал Сибирцев. — Куда мы теперь, Степан?

Данилов улыбнулся.

— А ты почему знаешь, что нам куда-то нужно идти?

— Да, знаю я, не тани...

— А знаешь — тем лучше. Пойдем в партком.

— Та-ак... — Георгий застегнул шинель на все пуговицы... Попахивать, наверное, от меня будет...

— Ну, целоваться там с тобой не собираются!... — жестковато успокоил Степан.

Сибирцеву казалось, что он не очень-то и робеет перед Бондарчуком, но порог партийного комитета переступил по возможности тише. И как на грех под ногой скрипнула половица. Однако Бондарчук не оглянулся. Сидел, по привычке повернувшись к окну, и слушал кого-то по телефону.

— Вот... Вот это дело! — воскликнул он и закивал головой, будто видя собеседника. — В этом тебя шахтеры немедленно поддержат. А что парторганизация? Парторганизация — это передовые шахтеры... Тоже правильно. Запомнил: в понедельник первое командирское занятие по новой механизации. Обязательно буду. А как же! Вот чудак... Но до понедельника мы еще встретимся. Будь здоров, Павел.

«Это он с Роговым, — подумал Сибирцев. — Дружба у них — водой не разольешь».

В это время Бондарчук встал и приветливо кивнул бригадир.

— А теперь, Георгий, с тобой побеседуем. Очень срочное дело.

Сибирцев пожал руку парторгу, присел к столу и на первых порах не смог даже разобраться в своих взбудораженных мыслях. А чувство у него было такое, словно все посветлело вокруг от спокойного тона Бондарчука, от того, как он снова неторопливо усаживался на свое место и, выдвинув ящик стола, что-то искал там. «Какая трудная должность у парторгов», — подумал Георгий и стал ждать: что-то Бондарчук скажет?

Напевая знакомый мотив, Виктор Петрович разложил на столе газетную подшивку, перелистал несколько номеров, потом облокотился о край телефонной тумбочки и задумчиво, будто бы впервые разглядывая Сибирцева, заговорил:

— Должен тебе сообщить хорошую новость, Георгий Георгиевич: сегодня Алексей Алешков получил от донбассовских комбайнеров большущее письмо и сам его читал на дневном наряде. И, знаешь, такой шум поднялся на шахте, какого мы и не помним...

— Срамят, наверное, донбассовцы? — с сожалением спросил Георгий. — И ничего хитрого: услышали, как мы обхаиваем их горные комбайны...

Бондарчук на секунду раскинул руки на газетной подшивке и отрицательно покачал головой.

— Почему срамят.. Они же донбассовцы. Они столько в своем письме советов надавали Алешкову, что впору открывать естахановскую школу. Это меня здорово порадовало...

Сибирцев промолчал, не зная еще, куда клонит парторг, а тот повторил:

— Здорово, здорово это меня порадовало. И, между прочим, не для сраму, как ты говоришь, а ради справедливости товарищи с чистяковской шахты Три-бис в конце своего письма напомнили слова Серго Орджоникидзе, что учиться нашим людям механизации работ в горном деле нужно не в Америке, а в Кузбассе. Но ведь слова-то эти были сказаны полтора десятилетия тому назад!

— А что у нас сейчас нет передовой механизации? Нечему у нас поучиться? — протестующе выпрямился Сибирцев. — Товарищи из Донбасса, по-моему, перестарались и шуму на шахте не из-за чего поднимать...

— Но ты же сам говоришь, что чистяковцы могли услышать о том, как мы обхаиваем их горные комбайны...

— Так то же горные комбайны, Виктор Петрович, они пока не решают дела.

— Они? Решают! — Бондарчук встал, засунул руки в карманы и, покачавшись с носка на пятку, повторил: — Уже решают. И в твоём проходческом забое специальные комбайны будут все дело решать, поскольку это касается машины.

— Слышал такие обещания, но видеть машин не пришлось...

— За этим дело не станет.

— Вот тогда мы и двинем проходку! — задорно повысил голос Сибирцев. — Я не буду вокруг машины вытанцовывать, как Алешков. Не подумайте, что хвастаюсь... Это ведь к слову, — проходчик вдруг замолчал и, низко наклонив голову, очень тихо добавил: — А неполадки у всякого могут быть...

— Насчет хвастовства — это ты правильно, — согласился Бондарчук и, прищурив глаз, разгладил одним пальцем складочку на щеке. — А вот насчет неполадок... кто его знает... Тут нужно подумать. Между прочим, эти самые неполадки задерживают нам вскрытие западного поля: квершлаг-то подвигается воробыным шажком...

— А говорили, что там все идет по плану...

— Да, да, по плану, — подтвердил Бондарчук, — по старому плану, а уголь мы вынимаем сверх всяких планов, и очистной фронт сокращается.

Сибирцев уже понял, к чему весь этот разговор, от волнения во рту у него пересохло, но он все же спросил:

— И что же, Виктор Петрович?

— Как что? — Виктор Петрович остановился рядом с бригадиром. — Судили-рядили мы сегодня на техническом совете, на партбюро и почти единогласно решили: третий западный квершлаг поручить твоей бригаде. Сроку у нас не больше двух месяцев. О подробностях ты будешь рассуждать с инженерами, а я хотел поговорить с тобой только предварительно. И в основном о людях...

Сибирцев встал, надавил костяшками пальцев на прогнувшуюся, крытую зеленым сукном крышку стола и, чуть склонив к плечу крупную темноволосую голову, все еще недоверчиво посмотрел на Бондарчука.

— Виктор Петрович, но в этих подробностях почти семьсот метров проходки! Вы говорите, что их надо продолбить за два месяца?

— Да, да — поспешно подтвердил Бондарчук. — За два месяца. И там еще инженеры сделали небольшой перерасчет, и у них получилось не семьсот, а восемьсот сорок метров, чтобы сразу оттуда повернуть на юг, под старые штольневые горизонты.

— Но это же восьмимесячная среднепрогрессивная норма!

— Не восьмимесячная норма, Георгий, а партийное задание! И дело даже не в этих восьмистах сорока метрах, хотя они, в первую очередь, будут решать судьбу программы, дело в десятках и сотнях километров, которые нам нужно будет пройти под землей за свою рабочую жизнь. — Бондарчук широко раскинул руки на столе и, словно прицеливаясь к чему-то далекому, слегка прищурился. — Настало время, Георгий, перевернуть еще одну страницу в истории отечественного горного дела! Повторяю: надо кропотливо, любовно продумать тысячу возможностей, надо сделать такой рывок, чтобы шахтные породы с треском, понимаешь, с грохотом раздались на пути проходчика, чтобы они больше никогда не сдерживали широкого шага добытчиков. Поднимись на это, Георгий, и подними людей. Это партийное задание, Георгий!

— Партийное! — чистым, звенящим голосом огозвался Сибирцев. — Виктор Петрович, я в первый раз за свою жизнь получаю партийное задание... Но с кем мне подниматься на него? С кем я буду переворачивать эту страницу? Мне же нужно сначала людей учить!

— Вот ты их и учи на конкретном задании. Присматривайся к каждому и учи. У тебя кто в напарниках?

— Новичок, Мина Измаилов...

— А ведь этот новичок, до того, как прийти на шахту, десять лет ходил в колхозных звеньевых!

Сибирцев потупился.

— Он мне не говорил... А со стороны не догадаешься.

— Со стороны нельзя, — мягко заметил Бондарчук. — Работаете-то рядом, бок о бок... У меня недавно был Мина Измаилов.

— Жаловался?

— Нет, он не жаловался. Показывал мне письмо от членов своей сельскохозяйственной артели. Сообщают колхозники о строительстве нового каменного здания школы в селе, и еще о том, что сестре Мины Лукича Ольге Измайловой присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, спрашивают самого Измаилова, как у него с работой, как его здесь шахтеры приняли? Мы, говорят, надеемся вскоре прочитать в газетах о твоих славных делах на угольном фронте...

— О каких славных? — перебил Сибирцев парторга. — Он даже нормы не выполняет!

— А он будет ее перевыполнять! — Бондарчук встал и пошел вплотную к проходчику. — Видишь, какая у нас с тобой человеческая задача. Мина Лукич говорит, что и сон и аппетит потерял после письма земляков, что обязательно выберет-

ся из отстающих, только, говорит, бригадир у нас очень авторитетный. Это как нужно понимать, Георгий?

— Какой я авторитетный...

— А я знаю, какой. Измаилов хотел сказать, что бригадир у них гордый. Ты не замечал за собой этого? Надо тебе избавиться от лишнего груза, — ни к чему он шахтеру, да еще будущему кандидату партии... Ты учился у Гаврилы Семеновича, Георгий, а теперь... Гаврилы-то Семеновича нет. Становись сам учителем. Начнешь с того, что поедешь в Прокопьевск, на шахту имени Ворошилова, и присмотришься к работе скоростных бригад. Вернешься — и за дело!

Далеко за полночь уходил Георгий Сибирцев из партийного комитета. Но прежде чем уйти, он постоял у порога, шумно вздохнул и, для чего-то сняв шапку, спросил:

— Вы на меня надеетесь, Виктор Петрович?

Бондарчук оглянулся, снова приблизился к проходчику и, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Георгий Сибирцев, на тебя партийная организация надеется. А обо мне какой разговор... Я тебе дал рекомендацию в партию.

ГЛАВА 19

Разъехались нечаянно два друга шахтера в разные стороны, только не было между ними, как это в известной песенке поется, — «Один из них вытер слезу рукавом, ладонью смахнул другой», — не было по той простой причине, что не знали они об отъезде друг друга, да и отбывали-то на короткое время. Дмитрий Голдобин, по велению собственного сердца, тронулся на юг, к маленькой станции Учуглен; Георгий Сибирцев, по командировке шахтоуправления — на север, в Прокопьевск — жемчужину Кузбасса. Неспкойно чувствовали себя и Дмитрий, прикорнувший в полутемном купе, и Георгий, несмотря ни на что, старавшийся уснуть на жесткой вагонной полке. Изводила Сибирцева забота о порученном деле, о бригаде, из которой он так нечаянно исчез, и еще много дум точили проходчика. А Голдобина, непременного участника всех бед и всех радостей в жизни товарищей, обуревала кручина о Сибирцеве: и как это так все хитро получается. — с горечью размышлял Дмитрий, — почему нельзя попроще, пояснее!

Пришел вечером сегодня Дмитрий к Даниловым — у них всегда так хорошо, спокойно себя чувствуешь: и считаешь, и поговоришь, и узнаешь что-нибудь новое, интересное, и незаметно для себя выпьешь пяток стаканов крепкого домашнего чая. На этот раз дома оказалась одна Тоня и ее мать Мария Тихоновна — тетя Маня, как ее называл Голдобин. Приняли

они Дмитрия по-обычному с искренним радушием. Вешая его меховую куртку на проволоочный крюк в стене, Мария Тихоновна с укоризной сказала:

— Опять где-то пуговицу оборвал, беда, ей-богу, с тобой...

— Я сам, сам! — запротестовал Дмитрий, заметив, что женщина берется за иголку. — Сколько вы их уже попришивали...

— А ты не считай. — матерински строгим тоном остановила его Мария Тихоновна. — Обметай пимы, да проходи в горницу.

Из-за небольшого письменного стола навстречу ему поднялась Тоня, дружба с которой крепла день ото дня. Была Тоня в простеньком домашнем халатике, с голубыми отворотами на широких рукавах. Дмитрий пожал ее горячую руку и почти восторженно оглядел всю с ног, до энергично приподнятой, гладко причесанной головы. Тоня улыбнулась, но, как заметил Дмитрий, глаза ее с чуть косым монгольским разрезом, смотрели сегодня из-под прямых стрелок бровей, устало, замедленно.

— Ох, Тоня, Тоня, — сказал Дмитрий и, взяв молодую хозяйку за руку, подвел к столу и сам сел рядом. — Сколько раз я тебе говорил, чтобы не изводила себя работой через меру?

— А сколько раз ты мне говорил? — засмеялась Тоня. — И откуда ты взял, что я себя извожу?

— А глаза! — попробовал уличить Дмитрий. — Посмотри, какие у тебя глаза!..

— Какие глаза?

Они беззвучно рассмеялись, а Мария Тихоновна пригрозила в шутку:

— Митя, опять пожалуйюсь Степану, что ты мешаешь работать Тонюшке!

— Мешаю, — деланно удивился Дмитрий. — Я запрещаю! Вы же знаете, какой я отчаянный, и вы посмотрите, тетя Мария, какие у нее глаза, ей же спать пора, ей же завтра придется возиться с ремесленниками, она же теперь не просто Тоня, не просто степанова молодая жена, а заместитель директора по политической части, она почти... министр!

— Глаза как глаза, — задумчиво сказала Тоня, — а по работе, по любой работе я так стосковалась за годы болезни, что теперь мне все кажется мало, я всем завидую — и ремесленникам, и преподавателям, и нашему училищному дворнику, и шоферу в автобусе...

Поговорили о работе, о рудничных новостях и, наконец, Тоня взяла с этажерки два последних номера «Огонька», подала Дмитрию и, повернув его лицом к свету, сказала:

— Читай, Митя, а мне еще готовиться. Ты что, думаешь, если я замполит, то на утреннюю политинформацию могу являться без конспектов?

Дмитрий утихомирился и стал неторопливо, без особого интереса перелистывать журнал.

Тихо в домике. На комодѣ звонко отбарабанивает время пузатый зеленый будильник, в кухне нет-нет, а подаст робкий голос домовитый сверчок, знакомо побрякивает крышка кипящего чайника, — но за всем этим стоит глубочайшая тишина. И на утѣше сейчас тишина, падает крупный медленный снег, все крепче примораживает, и горы вокруг в снегу, на сотни километров застыли горы, притаилась тайга. Мирная тишина над уснувшей землей.

«А ведь где полюбили-то друг друга Степан с Тоней, — в который уже раз вспоминает Дмитрий, — на фронте, в боях. А встретились впервые на разведке, в подбитом немецком танке. Вот ведь какая у них жизнь!...»

Проходит час, полтора. Тоня все сидит над раскрытой книгой, над конспектом. Дмитрий решает идти домой, что, впрочем, ему не очень хочется делать. Чтобы не отвлекать Тонию, он осторожно кладет журнал на этажерку и направляется в кухню, но в тот же момент в сѣнях скрипнули половицы. Пришел Степан.

— А-а! — с шутивым упреком воскликнул он от порога. — Дмитрий уже здесь и, конечно, успели посекретничать!

— Успели, — охотно подтверждает Дмитрий. — Я уже и носом клевать начал.

За чашкой чаю Степан рассказал о встрече с Сибирцевым, о его настроении, о том, что беседует он теперь с Бондарчуком и тот, видать, нацеливает его на большое, на решающее дело — на проходку третьего западного квершлага.

— Не повезет! — решительно тряхнул головой Дмитрий. — Не та у него теперь бригада, если б прежняя комсомольско-молодежная, тогда еще туда-сюда...

— Если не повезет... — Степан допил остатки чая из стакана и пристукнул им о стол. — Если не повезет, мы все отвечать будем. Друзей у Георгия хоть пруд пруди, а посоветовать, поддержать в трудную минуту почему-то никто не может... Я не говорю о партийной или комсомольской организациях. Вот и Соня Рожкова не вовремя уехала в отпуск. Ты, Дмитрий, при случае заглядывай к Георгию, а то, я как погля-

жу, каждый из нас слишком уж занят собственной персоной, собственными делами.

Было часов десять вечера, когда Дмитрий вышел от Даниловых. Побыл немного дома, попробовал почитать, а потом вдруг встал, оделся, сунул деньги в карман — и на станцию. Как раз поспел к поезду.

И вот сейчас едет и думает, что ему нужно всего лишь на минуту увидеть Соню Рожкову. Вызовет он ее из дома, на этой станции Учulen, и скажет:

— Я не хочу вмешиваться в ваши личные дела, но имей, Соня, в виду, что Георгия все неудачи так закрутили, так закрутили, что помочь ему словом, советом может только очень, очень близкий и желанный друг! Так он и скажет.

Бежит поезд среди невысоких гор, с грохотом проскакивает крутые скальные выемки. Вагон потряхивает. На подходах к станциям по замерзшему окну ползут голубоватые тени от фонарей. Из какой-то невидимой шелки дует. Студено нынче в горах.

Напротив Дмитрия боковую скамеечку занимают трое — один-то совсем древний, седой, отчего лицо его в сумраке кажется продолговатым бледным пятном, а двое его собеседников еще в крепком возрасте, больше пятидесяти лет каждому и не дашь.

Разговор начался, очевидно, задолго до прихода Дмитрия и продолжался в таком переменном темпе, то говорили сразу все трое и тогда старик строго стучал березовым посошком о пол, то вдруг все трое молчали, раздумывая над каким-нибудь словом. Те, что помоложе, называют старика почтительно «Прокоп Митрич», а Прокоп Митрич — собеседника слева «ты», а собеседника справа — «а ты». Разговор идет о войне и мире, о жизни.

— Не припомню, чтоб на моем веку таксе было... — говорит тоненьким, с хрипотцой голосом Прокоп Митрич и раскуривает трубку на длинном прямом чубуке. — Ехал вот сейчас по городам и диву давался: как жить-то люди научились!

— Прокоп Митрич. — спрашивает сосед справа, — ну, а если заново полезут на нас?

— Не должно! — говорит старик и пыхтит трубкой.

Помолчали, потом сосед слева осторожно допытывается:

— Ну, а если полезут?

— Не должно. Тамошний народ не допустит.

— Ну, а если хозяева тамошние наберут кого без роду-племени и скажут: «Воюй, душа из тебя винтом, советская держава богатая—пожива будет!» Тогда как, Прокоп Митрич?

Прокоп Митрич долго молчит, тщательно выбивает трубку о посошок и, наконец, говорит с досадой:

— Тогда бить доведется...

— Наотмашь?

— Непременно!

И опять собеседники молчат.

И Дмитрий больше не репетирует своей беседы в Учулене, его настораживает, а потом захватывает немногословный разговор трех спутников. Он ждет, что еще может сказать проживший долгую жизнь Прокоп Митрич. Минут через пять, как только поезд тронулся с очередного раз'езда, действительно снова послышался тоненький, с хрипотцой голосок:

— Конечно, шатунов без роду-племени много по чужим землям, им все равно, где бы ни хапать, с кого бы ни рвать, но это же не армия, у таких и прозвание верное: бандиты. А народы, они войне противники, если для защиты отечества нужны в ней не видят... Помню, меня перед японской прямо с пашни взяли в солдаты по указу царского величества. Ох, и вою в ту пору было на деревне, не дай и не приведи... Долго ли, коротко ли, а зачалась эта самая японская война и контузило меня на сопках Маньчжурии японской шимозой. Попал в плен и в недолге довелось мне там повстречаться тоже с пленным генералом Стесселем... Он служил при нашем войске, а сам был из пруссаков, из баронов...

— И что ему не сиделось в своей баронской Пруссии? — заинтересовался один из слушателей.

— А то, что он был из тех самых шатунов, о которых речь идет.

— Богатую зарплату положил царь, в этом дело! — вставил сосед старика, тот, что был слева.

— Зарплату! — Прокоп Митрич обиженно закричал. — Зарплата — это значит плата заработанная. А бароны испокон веков не работали...

— И вообще генералы царские...

— Этого тоже не скажи. Среди русских генералов работающие были, геройские.

«Ох и дотошный старичок!» — ухмыляется про себя Дмитрий и, устроившись между узлами по возможности поудобнее, приготовился дальше слушать. Но тут, как на грех, поезд зашумел тормозами, а проводница в конце вагона выкрикнула:

— Станция Учулени!

Пожалел Дмитрий, что не удалось ему дослушать рассказ о прусском генерале на царской службе, да ведь и то сказать, не за тем он поехал в эту добровольную командировку. По топтался на маленьком пустынном перроне, прислушался, но

кроме поскрипывания мерзлого снега под ногами, да частых вздохов паровоза ни одного звука не раздалось. Тускло светил керосиновый ромбообразный фонарь на столбе и куда ни глянь — со всех сторон обступают станцию темные горы. Но не успел еще Дмитрий пораскинуть мыслями, у кого бы выпросить, где тут поселок, как за спиной услышал голоса. И кого же он увидел! Да седовласого старичка с березовым посошком, а рядом с ним его двух спутников. Все трое не торопясь вышли в желтоватый круг света от керосинового фонаря и тут остановились. Назвав одного из своих спутников Кирисхой, Прокоп Митрич приказал посмотреть, подослали или нет подводу, а другому он сказал назидательным тоном:

— Прежде колхозными делами займись, а потом о своих поросятах думай, ты же нашу рожковскую колхозную фамилию носишь.

Рожковскую?! Сердце Дмитрия возликовало, он моментально решил, что Прокоп Митрич как раз та путеводная звездочка, которая приведет его к цели. Ведь адреса-то Сони Рожковой он не знает. Но как приступить к этому? Дмитрий прошелся по платформе, ни на секунду не упуская из виду беседующих у фонаря. Раз прошелся и два. Это возымело действие. Только он поравнялся со стариком в третий раз, как тот спросил:

— Молодой человек, тебе случаем не на Студеный ручей?

— На Студеный, правильно... — не задумываясь ответил Дмитрий.

— Ну, коли так, шагай за нами, подвезем, а то по ночному-то времени не ближний свет...

Получилось как по щучьему велению. Поехали тихими улочками пристанционного поселка, потом через овраги, то вверх то вниз. Возница, маленький паренек в тулупе, звонко почмокивал на маленькую же лошаденку, та старательно крутила хвостом, выгибала спину и выдергивала тяжелые розвальни из очередного ухаба. Сначала старик спросил: по службе или по личной надобности молодой товарищ попал в Учуден, а услышав, что и не по службе и не по личной надобности, мимоходом заметил:

— Мудрено что-то... — и тут же осведомился: откуда, кто?

На этот вопрос легко было ответить и Дмитрий сказал:

— Шахтер я, Прокоп Митрич...

— А, шахтер... Ну, это, парень, хорошо, за это хвалю!

Розвальни неожиданно вкатили на просторный двор. Взлажал, а потом, словно извиняясь, заскулил лохматый пес. Невидимая в сумраке женщина окликнула из сени?

— Это вы, деданька Прокопий?

— Кому же быть, как не деданьке Прокопню...—добродушно заворчал старик и, обратившись к молчавшим от самой станции спутникам, распорядился: — Вы, мужики, заберите-ка лошадей, да заведите на конный двор, а то что ж Танюшка попусту будет мотаться...

Дмитрий отошел в сторону, намереваясь присоединиться к отъезжающим и по пути к конному двору расспросить их кое о чем, но Прокоп Митрич повелительно махнул рукой, приглашая в дом.

— Да мне надо бы идти по известному адресу... — замылся Дмитрий. — Поздно уже...

— Входи, входи! — строгим тоном проговорил старик. — Поздний час не беда для приглашенного.

Пятистенный дом был разделен надвое — кухню и горницу. В кухне широкая печь с лежанкой, крашеные полати, толстые лавки у стен. Тепло, и пахнет чем-то с детства забытым. В открытые двери видна часть горницы — чистые половички, квадратный стол под ослепительно белой скатертью и над ним большая десятилинейная лампа, подвешенная на длинном крюке. Чем-то непередаваемо обжитым, уютным повеяло на Дмитрия Голдобина от этого просторного жилья и он еще подумал, переступив порог: «Какими хочешь зеркалами обставляй общежитие, а запах все не тот».

В дверях горницы показалась высокая смуглая женщина и поклонилась прибывшим.

— С приездом, деданька, — и Дмитрию: — Здравствуйте...

— Здорово ночевали! — бодро откликнулся Прокоп Митрич и, подавая женщине ладонь корытцем, добавил: — Здравствуй, Дуня.

Сняв меховой трех, серый вязаный шарф и шубу, он прошел в горницу и уже оттуда позвал Дмитрия:

— Проходи, шахтер... Побеседуем, чайку изопьем, оттаем малость.

За стол сели четвером, — сам Прокоп Митрич, Авдотья Михайловна — его внучка, женщина лет сорока и Танюшка — правнучка, востроглазая, с бледным личиком и двумя тоненькими льняными косичками — лет так шестнадцати. За первой чашкой чая Авдотья Михайловна выпрашивала деда о поездке в Анжерку, Кемерово, Прокопьевск, в колхоз «Красный воин» и еще в несколько мест. Командировка у старика, оказывается, была довольно затяжная и рассказывать о ней, наверное, не хватило бы и недели. Дмитрий вначале слушал внимательно, а потом заскучал и, скучая, незаметно для себя съел большущий пшеничный калач. Обнаружил эту промашку, к сожалению, слишком поздно, после того, как встретился

взглядом с белоголовой Танюшкой, у которой в глазах так и прыгали бесенята. А Прокоп Митрич все еще рассказывал только о том, как ехал из Учулена в Анжерку. Впечатлительный старик.

Но не успел Дмитрий подумать это, как впечатлительный старик оборвал рассказ и, круто повернувшись к нему, спросил:

— А теперь докладывай, Митрий, к кому из наших рожковских пожаловал?

— Почему из ваших? — удивленно выпрямился Голдобин.

— А очень даже просто... — Прокоп Митрич хитро подмигнул правнучке. — На Студеном ручье двадцать три двора и все рожковские, все от одного корня. На Студеном ручье проживает целая колхозная животноводческая и охотничья бригада и называется она Рожковским выселком. Вот по этому самому я и спрашиваю: какая у тебя к нашей семье нужда?

Дмитрий не знал, что так дело обернется, что придется разговаривать с кем-то посторонним по такому трудному вопросу. Недаром он сейчас и покраснел, как школьник, перед тремя парами любопытных глаз.

— Тут такой специальный вопрос, Прокоп Митрич... — обронил он, наконец, и многозначительно повел взглядом в сторону белоголовой Танюшки.

Старик, видимо, догадался. Стукнув пальцем по краю стола, он сказал правнучке:

— Иди, девонька, спать, видишь, молодой шахтер стесняется.

Танюша обиженно дернула плечиком, выскочила на кухню, и видно было, как она легко, словно на крыльях, поднялась на полати.

— Я не стесняюсь, Прокоп Митрич... Зачем вы говорите... — Дмитрий вспотел и рассердился вдруг на себя за то, что растерял самые необходимые слова. И дальше он заговорил отрывисто, вполголоса. — Приехал я, Прокоп Митрич, к вашей Соне...

— К Соне? — перебил с любопытством старик. — Это к какой же? У нас много Сонь...

— Работает она мотористкой...

— Прохорова это, деданька, — подсказала Авдотья Михайловна.

— А-а, Сонюшка-певунья! — оживился Прокоп Митрич. — Есть, есть у нас такая. Дальше...

Дмитрий старательно разгладил скатерть перед собой, но, заметив, что ногти у него не стрижены, поспешно убрал руки со стола.

— К ней, значит, я и приехал... — повторил он еще глуше, — но тут же заговорил прямее, тверже, почерпнув эту твердость в доброжелательном внимании слушателей.

Да, он приехал к Соне Рожковой. Вопрос к ней имеется. Есть у них на шахте один парень, шахтер, стахановец. И случилась между Соней и этим парнем любовь.

— Та-ак... — тоненько сказал Прокоп Митрич и затряс седой, аккуратно расчесанной головой.

— И случилась между Соней и парнем ссора не ссора, а размолвка, недоразумение, одним словом.

— Та-ак... — снова отметил вслух Прокоп Митрич. Дмитрий продолжал:

— Уехала Соня в отпуск, а у парня совсем неладно получилось с жизнью. А потом умер на шахте знаменитый проходчик Некрасов — он был первым учителем этого парня и даже отца ему заменял. Вот тут уж совсем скрутило человека, стала у него из рук работа валиться, стал он бегать от людей. И захотелось Дмитрию спросить у комсомолки Сони Рожковой, что это у них за любовь такая, что жить не помогает?

— Ишь ты!.. — искренне изумился старик, а у Авдотьи Михайловны рука с чайником так и повисла в воздухе. — Ишь ты! — повторил Прокоп Митрич и молодо, чуть с сомнением глянул на Дмитрия из-под седых желтоватых бровей. — А этот парень случаем не ты будешь?

— Не я... к сожалению, — Дмитрий вздохнул. — Я бы такую девушку не упустил.

— Кто знает... — старик беззвучно рассмеялся. — Со стороны-то оно легко, а ведь в Сонюшке-певунье охотничья кровушка, гордая! Чуть что не так, сейчас дружба напополам, зато если настоящая дружба — то навеки. Она ведь у нас четырнадцати лет белковать с отцом ходила. Так-то, сват Митрий!

Голдобин покачал головой:

— Не может быть, чтобы дружба пополам... Соня-то ведь комсомолка. Причем тут охотничья кровь?

— А ты с ней, с Сонюшкой-певуньей об этом и поговоришь. — подытожил Прокоп Митрич и крикнул в кухню: — Татьяна, войди-ка в горницу!

— Так она же ушла, — ответила за дочку Авдотья Михайловна.

— Значит, пошел гулять слухок по Рожковским выселкам... — деланно попечалился старик. — Ах, эти девки...

Но тут загремела в сенях шеколда, распахнулась дверь и вместе с клубами морозного пара в избу ворвалась Соня Рож-

кова. Первое, что заметил Дмитрий, это испуганно распахнутые глаза мотористки, да то, что дубленный полушубочек надеда она не в рукава, а внакидку.

Не здороваясь и не замедляя шага, Соня прошла прямо к столу, крепко ухватила за его угол и строго, почти по-матерински оглядела Голдобина. Под этим взглядом он встал, торжественно застегнул пиджак и вымолвил:

— Здравствуй, Соня... Приехал вот...

— Митя! — требовательно остановила его девушка. — Что с Гошей?

— Неважно... — Дмитрий и сам посуровел.

— Едем! — вскинула голову Соня и, сбросив с плеч полушубочек, быстро заходила по горнице.—Едем, едем, Митенька! Ой, ведь думалось мне, что неладно я делаю, что не надо было уезжать в этот отпуск!..

Прокоп Митрич подмигнул Голдобину:

— Вот она охотничья-то кровушка!

Дмитрий уже и сам повеселел и тоже подмигнул:

— Шахтерская, Прокоп Митрич!

ГЛАВА 20

Ровно в пять часов утра Сибирцев вышел с Прокопьевского вокзала. Густой морозный туман окутывал город. И от того, что мороз крепчал, а предутренняя тишина становилась все глуше, Георгий час от часу чувствовал себя неуютнее.

Местный житель, в случайном разговоре на станции, махнул небрежно рукой не то на запад, не то на север и сказал:

— Наша красавица вот там... Ты горняцкого племени, найдешь по запаху.

И вот ходи теперь, колеси в такую стужу да туман, принимайся. Георгий поеживается и поднимает воротник шинели. Зря он не надел шерстяной свитер, не испытывал бы сейчас, после вагонного тепла, противной трясушки. Тоже, сибиряк...

Но великое дело — с самого начала взять верное направление. Шел, шел и вдруг, действительно, почувствовал кислотоватый запах горелого угля и раскаленной породы. А через несколько шагов Сибирцев оказался у подножья терриконика. Туман здесь был еще гуще, и от этого темная глубина породного отвала разрасталась в воображении до невероятных размеров, а сжигки тлеющего угля на его склонах превращались в огненные оползни, в синие, красные, оранжевые реки на черных просторах неведомой гибнущей планеты. Где-то на самой вершине терриконика загрохотал «опрокид», и вниз, скрытая белесым сумраком, устремилась лавина породы.

— Что это я с тыла подкрадываюсь к чужой шахте! — Невольно усмехнулся Сибирцев и, расправив плечи, отогнул жесткий, заиндевший воротник шинели.

Минут десять ходил по шахтоуправлению, с этажа на этаж, заглянул в ламповую, в парную мойку, потом вернулся в общий раскомандировочный зал и сел на длинную отполированную шахтерскими спедовками скамью. Дышал, оттаивал в тепле, смотрел, прислушивался и втайне сравнивал: лучше или хуже, чем на родной шахте? Чем лучше?

Шестой час... Народ прибывает на смену, ширятся, нарастают звуки, и кажется, это само трехэтажное здание просыпается, откашливается, чтобы в положенное время заговорить во весь голос. Вот веселой стайкой по залу пробегают девочки — диспетчеры, телефонистки, люковые. Напротив сидит пожилой низкорослый шахтер с замкнутым морщинистым лицом — это не иначе, как забойщик-одиночка, работающий по мелким нарезкам. Прошел человек в оленьей полудохе, с лихо сдвинутой на затылок кепкой, — инженер, из уважаемых, вон как почтительно, за руку здоровается с ним старичок в ватной куртке и с лампочкой «Вольф». А сам старичок определенно газозамерщик — только они пользуются теперь на шахтах бензиновыми светильниками.

Сибирцев сидит напротив узкой коричневой двери, на которой белеет аккуратно разрисованная картонная табличка: «Парторг ЦК ВКП(б)». Бондарчук именно так и наказал:

— Пройди прямо к парторгу, все объясни. Он поможет, познакомит с кем надо.

А парторга нет. Засиделся, видно, до поздна, и кто знает, когда теперь явится. Досадно, хотелось бы приступить к делу сейчас же.

Теплынь разморила, да и не спал всю ночь. Подремывается. Сибирцев закуривает и начинает вспоминать фамилию бригадира, с которым надо бы в первую очередь познакомиться. Как это в командировочном удостоверении сказано? «...для ознакомления с опытом горнопроходческой бригады товарища...», товарища... Георгий трет лоб и чертыхается. Хорошенькое дело, забыл фамилию человека, к которому приехал за советом!

Вынул из бумажника удостоверение и прочитал: Голованов.

— Товарищ, ты случайно не знаешь бригадира Голованова? — обратился он к ближайшему шахтеру.

— Почему случайно... — ответил тот. — Обязательно знаю.

— Да вон, вон Голованов! — подхватил второй, показывая Сибирцеву на рослого, статного человека. — Иван, тебя товарищ разыскивает!

Георгий поднялся и, немного насупившись, пошел к остановившемуся у входа в ламповую бригадиру. Тот, видать, спешил

куда-то и поэтому не смог сдержать досадливых ноток в голосе, когда, сильно тряхнув руку Сибирцева, ответил на приветствие:

— Здравствуй, товарищ... По делу?

— Поговорить требуется... — Георгий поискал взглядом свободное место на скамьях.

— Вот, ясное дело... — Голованов вздохнул и цепко, вприщурку присмотрелся к Сибирцеву. — О чем говорить-то... Если на работу ко мне...

— Э-э, у меня своей хоть горы отваливай! — невесело усмехнулся Георгий.

— Тогда лучше днем встретимся, а то туговато сейчас со временем.

— У меня со временем тоже хоть караул кричи. Нарядили меня к вам всей нашей шахтой!

— Откуда?

— С Березовского я, из-под самых Дальних гор...

— Ай-яй-яй... Вот, ясное дело, какая неувязка получается. — Голованов нерешительно потоптался на месте, но лицо его уже подобрело, не утратив, впрочем, нетерпеливой озабоченности. — Тогда пойдем ко мне на квартиру, у меня там неотложные дела... Заодно и поговорим.

— А если сразу в забой?

— В забой не могу, — бригадир тряхнул крупной, ладно поставленной головой. — Я только из забоя... Мы это потом сделаем, а сейчас давай ко мне.

Пришлось пойти.

На улице все еще было темно, а дорога незнакомая, и Сибирцев, как ни старался ускорить шаг, немного отставал. Какое-то интересное чувство не то удивления, не то досады пробудило в нем это новое знакомство. На шахте он себя считал чуть ли не самым рослым, чуть ли не самым солидным среди молодых, даже стеснялся этого, а тут, встав рядом с Головановым, показался себе и не таким уж рослым и совсем не солидным, — ну, точь-в-точь, как учащийся ФЗО рядом с инструктором-забойщиком. Может это от того, что Бондарчук в своем напуганности так много, красочно и горячо говорил о бригадире-новаторе? Да, в Голованове было что-то даже, на первый взгляд, и красивое, и властное. Каким взглядом он встретил Сибирцева — открытым, спокойным, изучающим! Под этим взглядом с пустяками к человеку не полезешь. И как он лицо при этом поднимал. Лицо чистое, широкое в скулах, лоб белый, с чуть приметными черточками морщин, брови прямые, короткие и под прямым же, по-русски толстоватым носом, резко очерченные, плотно сжатые губы.

«Вон какие у нас люди!» — думает Сибирцев, попевая за Головановым, и чувствует, что с каждой минутой шагает шире и тверже.

По пути на квартиру почти не разговаривали, успели только узнать имя и отчество друг друга. Чтобы не забыть, Георгий повторил несколько раз про себя: «Иван Селиверстович... Иван Селиверстович...» На имена-отчества у него всегда память была плоховата, человека лучше запоминал по его делам.

Наконец, подошли к двухэтажному, восьмиквартирному дому, и Сибирцев приметил, что, несмотря на ранний час, почти во всех окнах горел свет. Открыв ключом двери, Голованов вошел в слабо освещенный коридорчик и жестом пригласил за собой гостя. Потом разделся, потирая руки и приговаривая: — Ай, да морозец нынче, ясное дело... — включил свет на кухне, в одной комнате, в другой, улыбаясь чему-то, вернулся к Сибирцеву, взял под руку, усадил в узковатое кресло, а сам остановился напротив и, так же молча улыбаясь, стал открыто разглядывать его. Но в этом ничего обидного не было. Человеку просто от души интересно, вон он и ухмыляется, и разглядывает. И сейчас вот, оставшись в одной стиральной голубенькой косоворотке и суконных брюках, заправленных в кирзовые сапоги, Иван Селиверстович оказался совсем молодым человеком, лет так двадцати восьми, двадцати девяти. Сибирцева это сразу сблизило с ним. Но он не успел еще ничего сказать, как Голованов прошагал вокруг стола, снова остановился напротив и спросил:

— Георгий Георгиевич, ты думаешь, почему у меня в квартире так пусто? Почему ни одной живой души? А?

— Чего же думать, — удивился Сибирцев. — На работе, наверное...

— Э-э, нет, тут, брат, потруднее!.. — Иван Селиверстович стремительно выкинул руку над головой и погрозил пальцем. — У меня Зинушка сегодня рождает, ясное дело! А ты, знаешь, какая она?! Ого!.. — Он повернулся на каблуках, ушел в спальню и принес оттуда небольшой портрет в простенькой настольной рамке. Приподняв его в вытянутой руке так, чтобы видно было Сибирцеву, подмигнул: — Вот она какая!

С портрета на Георгия глянули большие удивленные глаза, словно в момент фотографирования женщина увидела что-то совершенно редкостное, солнечное и не удержалась — ахнула, полураскрыв полные сочные губы.

Голованов поставил портрет на стол, посмотрел на него с одного бока, с другого, взъерошил свои и без того спутанные рыжеватые волосы, при этом лицо его снова приняло озабоченное выражение.

— Значит, так, Георгий Георгиевич, — заговорил он задумчиво. — Выпьем мы с дороги по стакану чаю, после ты часок отдохнешь, а я добегу в больницу... Сердце-то у меня шатается в разные стороны, смену вон сегодня проработал не ахти как, устал же за десятерых, будто на мне ездили. С одной стороны, можно и так подумать, что ничего особенного не происходит, если рождается человек, — сколько их в день-то рождается, а с другой стороны, неправильно так думать, — такой случай в моей жизни первый, ясное дело!

Разговор перешел на ребятишек. Какое это, наверное, исключительно трудное и счастливое дело поднимать на ноги сына, помогать ему сделать первый шаг, научить первому слову.

Собственно, говорил больше Голованов, а Георгий то кивал, то невинно поддакивал и чувствовал себя немного неловко, — ну что он понимает во всех этих отцовских заботах, что он может посоветовать Ивану Селиверстовичу.

А тем временем чай вскипел, и они веласть выпили по стакану, и пока пили, Голованов так, мимоходом, спросил:

— Как вы там у себя на шахте двигаете?

— Да ничего... — замялся Георгий.

Хозяин кивнул.

— Ничего? Ну, этого добра и у нас хоть лопатой гребни... Программу-то выдерживаете?

— Да программу-то что, программу выдерживаем, но тесновато нам становится в этой программе. Если бы все ровно плечо в плечо шагали, — тогда другое дело... — заговорил Сибирцев и тут же, не откладывая, рассказал о своей бригаде все без утайки, не упоминая почему-то только имени Некрасова. Плохо бригада работает, рывками, простои закрутили людей, хватки у них шахтерской не хватает, а тут такое счастье привалило: настоящее партийное задание — за два месяца пройти восемьсот с лишним метров вверх! У кого сердце не выдержит? Но как, как это сделать?!

— Завидно... — согласился Голованов. — Нужно посоветоваться.

Сибирцев отодвинул пустой стакан, встал и резким движением засунул руки в карманы куртки.

— Иван Селиверстович, нагрузи ты меня своим опытом так, чтобы я еле унес!

Тот с сомнением покачал головой.

— Обо всем расскажу, все, что у меня есть в забое, сам увидишь, но это всего только частичка нашего общего опыта. И... я вот что предлагаю: пойдем-ка, Георгий Георгиевич, вме-

сте до больницы и дорогой поговорим... Вижу, что тебе сейчас не до сна, что сердце у тебя тоже шатается.

Рассветало. Морозный слоистый туман, пронизанный ранним солнечным светом, сплошным янтарным облаком висел над городом. Поскрипывал сухой снежок под ногами, вдалеке слышны были звонки трамваев, пощипывало нос и дышалось при минус сорока трудно.

Шли мимо белых палисадников, пересекли шоссе, поднялись по зигзагообразной железной лестнице на какой-то холм. В это время в разных концах города запели гудки. Голованов тронул Георгия за плечо.

— Слышишь, Георгий Георгиевич, как наши шахты заговорили? Восемь часов. У меня в забое сейчас заканчивают зарядку скважин, через пять минут начнут отпалку.

— С точностью до минуты? — недоверчиво оглянулся Сибирцев.

— В этом все дело.

— А если в чем-нибудь неустойка?

— Неустоек не полагается.

— Я не говорю, что они полагаются, — они просто случаются.

— И случаться не должны, иначе какая же цена всей циклической технологии, всяким инженерным расчетам... Ну, вот мы и пришли... — прервал свою мысль Голованов, останавливаясь у подъезда белого одноэтажного здания.

— Может, я подожду на улице? — несмело спросил Георгий.

— Может, неудобно?

— Да чего же тут неудобного? — усмехнулся Иван Селиверстович. — Ходит же народ... Держись спокойнее, ясное дело.

Но сам-то он что-то слишком уж долго и старательно обметал снег с фетровых валенок, а в маленькую приемную вошел совсем бесшумно, чуть ли не на носках. Присели на белую решетчатую скамеечку, сняли шапки и одинаково с виноватым видом пригладили волосы на голове. Огляделись, прислушались.

В углу сидела старушка со строгим восковым лицом, полузакрытыми глазами, рядом с ней подремывала девочка в серой пуховой шали. В пустой цинковый таз из питьевого бачка звонко падали частые капли. Пахло больницей. Откуда-то издали слышался тонкий ребячий крик. Георгий почему-то сразу вспотел, и, неловко шаря по карманам, долго разыскивал носовой платок. В это время Голованов зябко передернул плечами и пожаловался:

— Холодно что-то... Не заморозили бы ребятшек.

Из одной двери в другую прошла круглолицая женщина в белом халате. Заметив Голованова, она кивнула ему как ста-

рому знакомому, а когда он быстро встал и сделал было к ней шаг, — строго качнула головой и приложила палец к губам. Иван Селиверстович вернулся на место и растерянно глянул на Георгия.

— Значит, все еще мучается, ясное дело... Подождем... Как думаешь?

— Как же иначе? Придется ждать... — быстро согласился Сибирцев.

Ждали довольно долго и незаметно для себя разговорились о деле. Голованов оживился и даже реже стал тоскливо поглядывать на белую застекленную дверь. Он рассказывал о работе своей скоростной бригады, но ему явно не хватало слов, чтобы объяснить существо восьмициклического графика. Тогда они вытащили папиросные коробки, спички, карандаши, помятую газету и из всего этого, прямо на решетчатой скамеечке соорудили примитивный макет забоя. Однако Сибирцеву и этого было вполне достаточно. Глядя на папиросные коробки, на рельсы из спичек, на квадратный клочок бумажки, изображающий поворотную плиту для обмена вагонеток, он видел забой в натуральную величину, забой со всеми его особенностями, такой, как вот у него — неустроенный, капризный, и такой, как у Голованова, где всеми делами командует не подвисящая кровля, не задержки с проветриванием, а ясная, твердая человеческая воля. Да, он видел уже этот забой, болел его делами, он даже кое в чем не соглашался с Головановым, прерывая его полупшепотом:

— Нет, скважины для проветривания у меня не пойдут... Работаем-то на нижнем горизонте, понимаешь?

Но стройный, продуманный порядок, взаимодействие, совмещение во времени производственных операций, при котором обыкновенные двадцатичетырехчасовые сутки раздвигались до тридцати двух часов — все это невольно захватывало, распрямляло плечи. Восемь циклов в сутки! И это в подготовительном забое, где обычно едва успевали взять два цикла?! Настоящий размах!

— Ты думаешь, я один? — спрашивает Голованов. — Всей бригадой думали, весь технический совет при главном инженере ломал над этим головушку, ясное дело! Подобрали весь печатный материал по скоростной проходке: газеты, журналы, брошюры по стахановскому опыту — на первых порах у меня голова распухла, пока читал, переваривал, передумывал... Люблю я читать книги, а тут случилось со мной такое, что и не расскажешь... Открываю тонюсенькую брошюрку, всего в несколько листов, и оттуда мне прямо в душу так вот волной, волной настоящее живое дело! Живое дело... — Голованов вдруг осекся, как-то странно глянул на Сибирцева и схватил его за ру-

ку. — Слушай, Георгий Георгиевич, а ведь поворотную плиту для обмена вагонеток я, знаешь, у кого взял? Да у вашего Героя Социалистического Труда Некрасова Гаврилы...

— Семеновича?! — вырвалось у Сибирцева. Острая спазма на мгновение перехватила ему горло.

— Ну да, у вашего Гаврилы Семеновича, ясное дело! — Голованов ударил ладонями по коленям и залился тихим смехом. — И не только плиту, а и мысль-то о многоциклическом графике я у него перенял! Подожди, когда это было... Ну да, в мае он писал об этом в областной газете. Ах, ясное дело, а ты не знал что ли?

— Знал я об этом и говорил с Гаврилой Семеновичем... — обронил Георгий и отвернулся к окну. — Умер у нас Гаврила Семенович...

— Эх, горе-то, горе какое... — Иван Селиверстович потупился, помолчал несколько секунд и заново сильно, с жестковатым выражением на лице приподнял голову. — Что ж, значит, теперь наш черед вести дело!

В это время в приемную комнату снова вошла круглолицая женщина в белом халате и со смешливым удивлением поглядела на Голованова, на его нахмуренного забывшего обо всем на свете собеседника.

— Вы чем же здесь занимаетесь, дорогие гостеньки? — спросила она. — Не то вы к роженицам, не то на производственное совещание?

— Ну как, как там, Зоя Сергеевна? — испугался Голованов и сгреб в кучу импровизированный макет забоя.

Женщина сделала вид, что не понимает.

— Что как?

— Зина?

Зоя Сергеевна всплеснула руками.

— Да она уже полчаса как спит!

— Спит?!—Голованов, а за ним Сибирцев вскочили на ноги.

— Я же говорю по-русски: спит! Ах, папа, папа! С сыном вас... Гордитесь, четыре двести!

— Четыре двести? Это что?

— Вес, а вы что думали?

Иван Селиверстович затоптался на месте, покраснел, что-то жалкое, растерянное мелькнуло в его синих глазах.

— Как же так, Зоя Сергеевна...—пробормотал он невнятно. — Что-то больно мало...

Зоя Сергеевна засмеялась, и старушка и девочка в углу засмеялись. Под этот смех шахтеры и вышли на улицу, на мороз, на солнце. От давешнего тумана и следа не осталось. У каменного крыльца Голованов с минуту снова топтался, вертел шапку в руках и приговаривал:

— Ясное дело... А?

— Да шапку-то ты надень.. — посоветовал Сибирцев. — Простудишься, папа!

Тот как будто не услышал, но шапку надел, потом сдвинул ее на затылок, прищурился на красноватое солнышко и опять удивился:

— Четыре двести! Ты подумай!.. Слышал когда-нибудь такое?

Сибирцев развел руками.

— Где же мне слышать такое?

— Зря, — пожалел Голованов. — Вот это зря!

Обедали, или вернее сказать, завтракали в столовой. И тут незаметно, само собою, на столе опять появился макет голозановского забоя, но теперь уже «механизированный»: погрузочную машину «С-153» заменяла бензиновая зажигалка Сибирцева. Говорили, а случалось и спорили, громко, даже, может быть, громче чем следовало, но следить за этим было некогда.

Домой шли неторопливо, с остановками. По пути купили красного вина для молодой матери. И белого — для молодого отца. Стали подниматься к дому Голованова, и тут пригодилась чистая снежная полянка. Иван Селиверстович не упустил возможности, и на гладком снежном насте прутиком начертил циклограмму работы в своем забое. Очень убедительно получилось. И хотя пальцы пощипывало на морозе, Сибирцев не удержался и перенес сложный чертежик в свою записную книжку.

В забой отправились поздно вечером, после того, как еще раз побывали в родильном доме.

ГЛАВА 21

— Ладно, ладно, подумаю, только не лейте вы горячих слез по всякому пустяку! — сказал Рогов, выходя из клетки, и почти сейчас же забыл о назойливых, жалостных словах начальника поверхности. Спустился по мокрой железной лесенке в рудничный двор и попросил дежурного узнать, где теперь начальник шахты.

Телефон тренькнул и дежурный закричал прямо в аппарат, упрасывая диспетчера второго района сообщить местонахождение Дубинцева. Тем временем Рогов ревниво присматривался к нехитрому, но громоздкому хозяйству рудничного двора. Чисто. В этом не откажешь. Длинный порожняковый состав втянулся головой в бетонную арку квершлага и готов вот-вот ринуться в далекий путь к забоям, к погрузочным люкам.

С нижнего горизонта бесшумно вынырнула многотонная шахтная клеть, груженная вагонами с породой, также бесшумно унеслась на дневную поверхность.

— Павел Гордеевич, Дубинцев на восьмом, — сообщил дежурный и добавил: — Не иначе — в двадцать второй комбайновой...

Двадцать вторая комбайновая — это не меньше четырех километров. Пешком далековато, много времени займет. Рогов попросил пассажирский поезд.

— Идите, он на запасном, — сказал дежурный. — Я позволю диспетчеру, чтобы отправил. А когда Рогов, помахивая лампочкой, скрылся за бетонными закраинами квершлага, тот же дежурный, обратившись к молоденькой сцепщице, посочувствовал: — Я думал, он в тресте справнее будет, а теперь смотрю — раз от разу подсыхает. Заметила, как у него скулы-то обшлепнуло?

Рогову пришлось подождать, пока освободится порожняковая линия. Тем временем он поздоровался с кондуктором и машинистом — девушками, до смешного похожими друг на друга в своих фуфайках и брезентовых штанах, в запыленных, потрепанных касках. Одинакового роста, курносые, белозубые. Кондуктор сказала: — Здравствуйте... — и отошла в сторону, зато машинист оказалась куда разговорчивее, и тут же сообщила, что когда-то на вечеринке сидела рядом с Роговым и даже чокалась, и что давно уже ей пора переходить на грузовую линию, хватит таскать по штрекам громыхающие, большей частью полупустые коробки «пассажира». Скучно.

— Не таскать, а людей возить, шахтеров, — мягко поправил Рогов. — Этот груз поважнее уголька. А соскучиться можно у любого дела... Вот, например, меня сейчас повезете...

— Вот начальство-то и скучно возить! — засмеялась девушка. — Ни тряхни, ни дерни лишний разок...

— Я из покладистых... — успокоил ее Рогов и отошел в конец состава. Но прежде чем сесть в низенькую железную коробку вагона, он несколько минут постоял, пристально всматриваясь в сумрачную перспективу квершлага.

Недавно к нему был корреспондент — очеркист одного из журналов и в задушевной беседе, когда говорилось обо всем и про все, откровенно признался, что сколько ни ходил в шахту, а так и не мог запечатлеть в памяти подземного пейзажа, если вообще есть такой пейзаж. По его словам, выходило, что в шахте все пять человеческих чувств чрезвычайно скованы, не помогает и самая богатая фантазия. Какой уж тут пейзаж, какой тут полет для мысли, если того и гляди стукнешься лбом о стойку или кровлю.

Вот и не прав был очеркист! Он просто не умеет видеть в шахте, видеть и впитывать сердцем каждую извилинку, каждый светлый блик на угольном срезе, на стенке тупикового забоя, он не слышал звуков в кажущейся тишине, не слышал

вот этого далекого побряхтывания транспортера, вот этого приглушенного расстоянием позванивания электровоза, не почувствовал тугой нескончаемой воздушной струи, бьющей из самых дальних, самых глубоких и трудных выработок.

Стоит только мысленно, от начала до конца, проследить за этим непрерывным воздушным потоком, и невольная гордость распирает грудь за все, что сделано умными человеческими руками. Сколько во всем этом упорства, какое богатство мысли, изобретательности! Подземный пейзаж... Есть такой пейзаж... Вон посмотри вдоль квершлага и увидишь, как сужаются и теряются вдали за плавным поворотом железные ребристые стойки, посверкивают прямые ниточки двухколейного пути, освещенные сверху узенькими белыми, розоватыми, голубыми полосками ламп. Дневной свет! А вот, чуть видимая, вспыхнула синяя искорка — идет электропоезд, груженный свежим, прохладным, только что выломанным из вековых толщ углем... Накатывается железный гул, несется электропоезд и, словно поршень в огромной квадратной трубе, толкает перед собой свистящий воздух. Есть шахтный пейзаж!

Согнувшись, Рогов приготовился протиснуться под низкую крышу вагончика, но тут заметил двух шахтеров, торопливо вышагивающих к поезду по боковому досчатому настилу.

— Быстрее, товарищи, отправление курьерскому! — крикнул он в шутку. А когда товарищи приблизились метров на пятнадцать, Рогов без труда узнал в них Черепанова и Голдобина, узнал и обрадовался нечаянной встрече:

— А-а, гвардия! Садитесь-ка в мое «купе», полюбуюсь, посмотрю на вас, а то совсем соскучился... Показывайтесь!

— А мы-то, а мы! — оживленно заговорил Дмитрий. — Вы думаете, мы не соскучились? Вы же знаете нас... Я уже несколько раз собирался к вам в трест, да подумал, что не примете...

— Как же не приму...

— Работа-то какая у вас, столько шахт, за всеми нужно... доглядеть.

— Это правильно, — перебил Рогов, — но ты все же заходи, поговорим.

— Его хлебом не корми, только бы поговорить, — сдержанно заметил Черепанов, уstraиваясь в уголке вагона. — Он и меня сейчас добрых два часа заговаривал.

Поезд дрогнул, лязгнул жесткими буферами, озорно, по-мальчишески засвистела девушка-кондуктор. Пересиливая железный шум, Дмитрий крикнул:

— Не заговаривал, а отговаривал... Разница.

— От чего же ты его?

Дмитрий наклонился с противоположной скамейки к самому лицу Рогова и заговорил в полный голос, как на митинге:

— По-моему, он чудит, Павел Гордеевич... Ходим теперь на курсы комбайнеров — это само собой... А вчера Михаил, — вы же знаете, какой он отличный врубмашинист, — подал заявление о переводе помощником комбайнера к Алешкову!.. Благодарный порыв, я понимаю, но в помощники к Алешкову можно послать кого угодно, а другого такого врубмашиниста не найдешь. Вот я ему и говорю, что он чудит, забывает об интересах шахты. Правильно я говорю, Павел Гордеевич? Втолкните ему, вы человек дальновидный!

Рогова рассмешил комплимент, но втолковывать Черепанову он ничего не стал, а вместо этого спросил:

— Как дела у Алешкова?

Черепанов отвернулся, а Дмитрий махнул безнадежно рукой:

— Заходил я вчера в двадцать вторую комбайновую... Надрыв сплошной!

— Трудно?

— Досадно! Дежурит на машине первый наш комбайнер — Алеша Алешков. Дежурит, а не работает. Загнал свой мощный агрегат в самый низ лавы, в куток, и посвистывает. «Ты чего, спрашиваю, поешь-разливаешься? Смена-то кончилась!» «А мне, говорит, наплевать на смену, я пришел работать, а не смены отсиживать... Вздыхай-ка повыше, там, где навалотбойщиками командует Хмельченко, и посмотри — тем временем я послушаю, не засвистишь ли сам!».

Поднимаюсь... И что вы думаете? Во всю-то верхнюю половину лавы навалотбойщики насверлили скважин и собираются палить. Опять спрашиваю: «У вас же машина? Она и зарубит, и разобьет, и нагрузит...». Бригадир рассердился — это Хмельченко: «Уйди, Голдобин, нам не до разговоров! Машина еще не привыкла к нашему кузбасскому угольку, а у нас цикл срывается, приходится наверстывать вручную». И наверстывают...

— По полтора ста тонн в сутки!.. — это перебил Черепанов. — Они наверстывают, а мы смотрим и... от досады надрываемся. Ничего себе, распределили обязанности!..

Рогов мельком посветил в лицо Черепанову.

— А ты как думаешь: только ли в машине дело?

Сквозь грохот поезда было слышно, как Михаил ответил невнятно:

— Машина... Машинист... Командовать нужно...

На очередной разминке поезд остановился, и Черепанов с Голдобиним вышли.

Вот так всегда теперь случалось: после целого дня в тресте, после того, как отданы десятки приказаний, заслушаны докла-

ды отделов, шахт, служб, прочитаны и подписаны бумаги, после того, как мысленно вымерено расстояние до следующих суток, а сердце бьется все торопливее, все требовательнее, а работа, что в чем-то не успеваешь, гложет все сильнее, — с места вдруг поднимает мысль: на шахту!

Если трест — командный пункт соединения, откуда далеко видно, куда по десяткам каналов притекают вести о многообразной, незасыпающей жизни рудника, то забой — это передний край шахтерского наступления. Но не всякий участок переднего края одинаково важен при решении даже просто оперативных задач. Требуется, значит, выискать участок с широким обзором. Для Рогова — это теперь комбайновый участок.

И если говорить о комбайновом, то очень интересное решение принял Михаил Черепанов, — очень интересное и занимательное. Чем все же у него дело кончится? Не кончится, а, скорее всего, начнется. С машиной тоже нужно что-то делать, да быстрее, сноровистее.

Последнее время Рогов разрабатывал схему нового режущего органа для комбайна «Донбасс». Режущий орган, иначе говоря, бар — цепь со стальными зубьями, смонтированная на жесткой кольцевой раме. Сейчас бар вырезает всего метровую пачку угля из пласта, а если увеличить этот в принципе простой режущий орган до полутора метров, значит, резко возрастает производительность машины и почти ликвидируется параллельный ручной труд на уборке остающегося над комбайном большого слоя угля. Но монтировать бар по-старому, на жесткой кольцевой раме, невыгодно — задевая за верхняки при обратной порожняковой передвижке комбайна по лаве, он будет связывать работников по рукам и ногам. Бар нужно сделать не жестким, а складывающимся, но как это сделать, как решить? Главный инженер «Капитальной» за клиновое соединение, а Дубинцев вчера прислал схематический набросок шарнирного. Следует срочно посоветоваться с механиками.

Оставив поезд, Рогов по обрешному штреку поднялся в лаву. Правильно дежурный сообщил: Дубинцев оказался здесь — Рогов издадала услышал его резковатый голос. Зато он не услышал характерного машинного гула. И комбайн и транспортер стояли. Опять стояли.

Да, комбайн стоял, а вокруг него сидели начальник шахты Дубинцев, главный инженер Филенков, скрипуче покашливающий, главный механик Трохов — его Рогов плохо знал. Были еще тут комбайнер Алешков, да несколько крепильщиков во главе с почетным шахтером Хмельченко.

По отдельным словам, по коротким замечаниям можно было понять, каким тяжелым, в высшей степени неприятным было это вынужденное совещание в необычайной обстановке — в за-

глохшей лаве, у мертво молчавшей машины. В моменты, когда говор затихал, слышно было, как то в одиночку, то вперебой трещат натруженные стойки в завале, за отсекающими крепежными кустами, как там, время от времени грузно, с тихим рокотом оседают многотонные глыбищи породы: лава словно торопилась не в пору разговаривавшихся работников: скорее, скорее же!

Решив не мешать людям, пока разговор не закончится, Рогов метрах в десяти от них присел на железную закраину транспортера и заслонил лампу полрой брезентовой куртки. Через обрезной штрек подувал освежающий ветерок, неустанно, день и ночь омывающий забой. Должно быть на соседнем участке ударил взрыв: с кровли посыпалась мелкая породная крошка.

— На соседних участках жалуются, что у них слабовата кровля, — услышал Рогов басовитый говорок Хмельченко, — а мы, грешники, в обиде на устойчивую... Висит и висит, язвись ей! Тут бы ей давнуть немного, чтобы угольная пачка, что остается над комбайном, сама отваливалась, сама падала на грузчик машины, так ведь нет, — тоже висит, хоть бери ее на взрывчатку, но тогда мы будем добывать уголь напополам с породой — кому это нужно? А машина что же? На нее поклеп легко возвести...

— А кто позволит-то! — по-петушиному, сорвавшимся голосом выкрикнул Алешков.

— Спокойно, спокойно... — заговорил Дубинцев. — О каком поклепе речь? Этого еще не хватало...

— Вот именно! — снова подхватил комбайнер. — До сих пор не хватало, а теперь заглаза... И у меня уже с души воротит слушать такие разговоры. Тут как-то подходит ко мне Голдобин и ухмыляется: «Ты, говорит, все еще машинистишь? Давай, давай, накручивай! А у нас, парень, простое дело — уголек добываем...» Это как нужно понимать, Николай Викторович?

— Митька — хороший парень... — остановил расходившегося Алешкова Хмельченко. — Это он, чтобы раззадорить тебя.

— А меня задорить не надо! Я на такой машине работаю, каких еще свет не видел, мне бы надо было радоваться, а я бесь извелся из-за мелочей, из-за этой проклятушей геологии... То кровля слабая, то слишком крепкая, то уголь вязкий, — «чемоданами» падает, то почва ложная... Голова кругом идет!

— Надо работать, а не ныть! — остановил парня Дубинцев.

— Как будем-то, Федор Лукин? — обратился он к главному инженеру.

— Вы же сами говорите: работать надо... — Филенков простуженно закашлял. — Будем работать, искать, мерять семьдесят семь раз.

— А вот сейчас, в текущую смену? — снова подал голос Аleshков. — Я что должен делать: мерять или лаву крушить? Если мерять, то заранее скажу, в лаве всего сто сорок два метра, вырубил сегодня четырнадцать, осталось работать... четыре часа шестнадцать минут. А потом меня турнут отсюда забойщики, скажут: давай-ка мы уголек возьмем по-привычному, на взрывчатку!

Хмельченко, а с ним несколько крепильщиков невесело рассмеялись. И Рогов больше не выдержал, вышел из своего невольного укрытия. Поздоровавшись с ним, Дубинцев посветил себе в лицо, чтобы видно было, и подмигнул.

— Наслушались наших речей, Павел Гордеевич?

— Почему думаешь?

— Я же сразу приметил: шагает человек широко, не наощупь, лампочка у него прикреплена на кармашке — значит, Рогов... Потом человек присел на транспортер — значит, отдыхает или... любопытствует, как мы здесь пурхаемся...

— Чего же любопытствовать, разговор-то у вас неинтересный...

— Скучноватый... — заметил Филенков. — Даже вон комбайнер чуть слезу не пустил.

— Слеза это мало, я бы на его месте ревмя ревел. — Рогов отстегнул лампочку от нагрудного кармана и осветил забой. — Так за чем же у вас остановка, по какому случаю митинг?

Остановка была из-за пустяков, если пустяками можно называть причины, срывающие работу целой смены. Пятая остановка за четыре часа. Сначала лес задержали, а когда подали — оказался нестандартным, коротким, потом транспортером перерезало шланг, подающий воду на ороситель комбайна, потом сам комбайн повело с забойной дорожки — и так без конца.

Еще минут десять поговорили командиры в двадцать второй комбайновой. Но теперь это уже походило по-настоящему на оперативное совещание перед боем, когда трезво оцениваются силы противника, а свои собственные собираются на решающем направлении.

Покачивались, перебегали лучики электрического света с одного лица на другое, с кровли на стойку, с плоского, словно притаившегося корпуса машины, на длинное железное корыто транспортера, с его неподвижными порожними ребрышками скребков.

Рогов почти все время молчал, но зато очень внимательно прислушивался к замечаниям товарищей, прислушивался и, не переставая думать о том, как трудно осваивается новая машина.

Целые поколения шахтеров ждали выносливую, умно сделанную машину, которая бы заменила тяжелейший ручной труд по отбойке и навалке угля на транспортеры, которая бы помогла сделать не ломовым и это звено в производственном цикле. И вот такая машина появилась, может быть, угловатая, не универсальная, но появилась. Бери ее, шахтер, впрягай в работу, отныне ты делаешься в сотни раз сильнее! Так ведь нет же, на самом взлете и не получается.

На руднике сейчас пока четыре машины. А вчера утром к Рогову зашел обеспокоенный начальник техснаба и доложил, что комбинат на днях отгружает в адрес треста еще пять комбайнов.

— В чем же дело? — не понял Рогов. — Передайте заместителю главного инженера, он посоветуется с шахтами и распределит машины.

— Советовались, не принимают! — почему-то просиял снабженец. — У нас, говорят, еще и от первых несварение в желудке. И правильно, Павел Гордеевич, посадят нас эти комбайны на хлеб да на воду...

Рогов молча взял у начальника снабжения наряд на машины и тут же распределил их по шахтам. «Капитальной» досталось две. А на «Капитальной» и с первой-то не могут справиться. Целый консилиум собрался у комбайна, как у постели безнадежно больного. Хотя то, что собрались и советуются, спорят, не так уж плохо, значит, командиры понимают, что такое комбайн. И командиры понимают, и рабочие, особенно такие, как Алешков — кипит парень. Выслушав его очередную запальчивую тираду, Рогов вдруг сказал:

— Вот что, водитель... У нас осталось до конца смены ровно... три часа тридцать минут. Давай-ка мы немного реабилитируем машину!

И все получилось будто проще простого. В лаве остался Рогов, транспортом занялся главный инженер, Дубинцеву достался крепежник, главный механик Трохов, так и не проронивший ни одного слова, хотя Рогов поглядывал на него довольно красноречиво, получил задание заняться энергохозяйством.

Через пятнадцать минут комбайн тронулся. Но и на этот раз Рогов ни во что не вмешивался, он видел, что люди и без него знали свои места. Он сидел в сторонке и слушал, как музыку, грохот скребковой цепи транспортера, скрежет полой челюсти бара, все глубже, ожесточеннее вгрызавшейся в угольный целик.

В два молотка били навалокрепильщики по верхней угольной пачке, что оставалась после комбайна и мешала ставить очередной забойщицкий крепежный круг. Ловко работали навалокрепильщики. Рогов видел, как по одному малоприметно-

му движению Хмельченко подавалось «огниво», за ним стойка... Два—три удара топором, и все готово, ставь следующий круг, успевай, идет машина, идет... Эх, машина, руки нужны при тебе умелые, сердца горячие, головы расчетливые!

Несколько раз все же останавливались из-за леса, из-за остающейся в кровле угольной пачки. Пачка, висит, висит, а потом как грохнет на машинный грузчик глыбищей килограммов так в триста—четыреста, и моторы сразу глохнут. А вообще, хорошо поработали: за три часа отрезали около тридцати метров! Так разошлись, особенно сам комбайнер и Хмельченко, да вместе с ними и управляющий трестом, что дежурный по шахте дважды вынужден был сигналить остановку, чтобы уступили место следующей смене.

— Вот, размахнулись! — кричал он по телефону. — Дайте же и другим повеселиться!

А комбайнер Алешков ушел со смены туча тучей. В мойке он тронул Рогова за рукав и спросил:

— Видели, Павел Гордеевич? Видели, как может машина работать?!

Рогов сказал, что видел, но не понимает, о чем сейчас идет речь.

— О нашей неповоротливости! — глаза Алешкова гневно сверкнули. — Я как раздумаюсь — меня ночью на кровати подбрасывает!

— Знаешь что, Алексей Платонович... — Рогов жестом пригласил комбайнера присесть рядом. — Зайди завтра с утра к вашему главному механику и с места в карьер скажи: «Давай-те, товарищ механик, переделывать режущий орган комбайна!». Скажи, что схемка Дубинцевым и Филенковым почти разроботана.

— Вы думаете, повезет машина? — Алешков недоверчиво и радостно взбросил глаза на управляющего трестом.

Тот сжал губы.

— Если не повезет — заставим! И еще вот что: завтра, в крайнем случае, послезавтра к тебе придет новый помощник — человек знающий, с характером.

— Кто?

— Михаил Зотыч Черепанов.

Алешков стиснул ладони между коленями, выдвинул плечи вперед и, высоко подняв лицо, вздохнул с облегчением:

— Если и Черепанов... Значит, и на самом деле это так важно, Павел Гордеевич?

— А ты не верил?

— Я не верил, что все это понимают!

Рогов прошел к Дубинцеву, и там выяснилось, что сменная норма в комбайновой лаве сегодня была выполнена на сто тридцать процентов, но два смежных участка плана не добрали: транспорт работал на комбайн. А соседний подготовительный забой вообще четыре часа стоял, так как погрузочную машину пришлось отключить из магистрали — энергию забрал тоже комбайн.

— И что вы обо всем этом думаете? — Рогов оглядел командиров шахты.

Дубинцев что-то вычерчивал на старом помятом рапорте. Трохов стоял у книжной этажерки, заложив длинные, покрасневшие в кистях руки за спину, Филенков полулежал в кресле, заслонив ладонью глаза от яркого света, и со стороны казалось дремлет. На вопрос Рогова никто из них не ответил. Тогда он остановился против Трохова и не столько строго, сколько с любопытством разглядывая его, сказал:

— Мне очень не понравилось сегодня ваше поведение в лаве, товарищ главный механик. Вы ни одним словом не обмолвились, ни одного совета не подали, ни одним движением не обнаружили, что кровно заинтересованы во всем этом деле с комбайном...

Трохов повернулся к Рогову, опустил руки вдоль туловища, отчего они показались еще длиннее, и, упрямо глядя в угол, проговорил:

— Я ничего не обязан был обнаруживать, товарищ управляющий... Я знаю одно, что нам предстоит учить таких, как этот Алешков, искусству вождения машины. Митинги здесь делу не помогут.

— Насчет митингов я с вами согласен, — ответил Рогов. — А что вы скажете о машине?

— Машина, как машина... Мало ли у нас машин на шахте.

— Значит, — это что-то раз и навсегда заданное?

— В данном случае... почти так.

Скупым, словно бы отсекающим жестом Рогов дал понять, что решительно не согласен с механиком.

— Или это у вас от профессиональной молодости, что не так страшно, — заговорил он снова, — или от равнодушия к новому делу, чего мы не потерпим. Вы — механик и вы должны понимать, что не может быть машин в конструктивном отношении сразу решенных идеально, особенно в горных условиях, где геологическая среда постоянно меняется. Не может быть таких идеальных машин, которые бы годились про всякий случай, значит, их нужно приспособливать, что-то в них менять, их нужно, если потребуется, поставить на голову, но взнудать! Прошу вас, поймите одну простую вещь: эту новую машину, как и тысячи других, государство передало в руки наших советских ра-

бочих и инженеров, в руки творцов и мечтателей, деловитых фантазеров! Будьте же вы таким фантазером, помогите, как вы говорите, этому Алешкову жить! Этот Алешков, которого я знал еще учеником ФЗО, в своем искреннем, не знающем предела беспокойстве за дело, сегодня был на несколько голов выше некоторых ученых мужей. Так-то, дорогой товарищ главный механик! А теперь, что ж... — Рогов снова широко махнул рукой над столом, как будто сметая с него все лишнее. — Теперь давайте за работу, командиры.

Как всегда в минуты горячего душевного подъема Рогов возбужденно взъерошил прическу и хорошо, «по-домашнему» улыбнулся. — Видите, командиры, сколько у нас настоящих, кропотливых, веселых дел! За работу скорее!

Филенков, все распрямлявшийся в кресле во время короткой речи Рогова, поднялся. Поднялся из-за стола и Дубинцев и стал сразу похож на прежнего маленького, порывистого начальника участка, каким его знали на шахте несколько лет. Трохов по-прежнему стоял у этажерки с книгами и очень внимательно следил за Роговым серыми выпуклыми глазами.

А Рогов надел свою медвежью доху, но вдруг вернулся к столу.

— Еще одно, я уже забыл, пятое или десятое дело... — сказал он засмеявшись. — Переведи завтра Черепанова в помощники Алешкову.

— Но... — Дубинцев в замешательстве покрутил головой,

— А ты подумай, — посоветовал Рогов. — Подумай и... переведи.

ГЛАВА 22

В субботу и воскресенье работал пленум городского комитета партии, а в понедельник в кабинете Рогова уже сидел новый секретарь горкома, покуривая, улыбочиво косился в сторону управляющего и время от времени приговаривал:

— Ой, здорово... Ты смотри-ка... Вот молодцы!

Рогов рассказывал об учебе молодых комбайнеров, о вечере механизаторов на Десятой, состоявшемся в прошлую пятницу, о внезапном как будто решении Михаила Черепанова оставить врубровку и перейти на комбайн к Алешкову.

— Между прочим, и тут дело не обошлось без вмешательства партийной организации... — словно мимоходом заметил новый секретарь.

Рогов рассмеялся.

— Что хвастаешься-то?

— И ничуть...

— Да брось ты... Я еще на прошлом партийном собрании на «Капитальной» заметил, что ты ходишь, ни дать ни взять, именинник, даже поздороваться со мной забыл.

— Мы же с тобой полдня до этого просидели в горкоме партии...

— Все равно... Невежливо.

Теперь оба рассмеялись.

— Ой, Виктор... Виктор Петрович!.. — Рогов подсел к Бондарчуку и ласково, как это бывало в минуты большой душевной близости, положил ему руку на плечо. — Если бы ты знал, как я рад, что секретарем горкома именно ты! Слушаю вчера на пленуме, как уполномоченный обкома говорит: «Есть предложение избрать первым секретарем горкома члена бюро горкома товарища Бондарчука...» и думаю: «Правильно, а кого же другого?» Но тут же спохватился: «А «Капитальная»? Что будет с «Капитальной»? Кого на место Бондарчука? Ведь Дубинцев, как начальник шахты только-только приналег на гужи...».

— Да-да, — согласился Бондарчук. — Он частенько нервничает — это правда, и о парторге на «Капитальную» нужно сейчас же думать, в организации-то на шахте двести тридцать коммунистов.

— Ты считаешь, что можно выдвинуть кого-нибудь на месте?

— Уверен в этом.

Потом Бондарчук сказал, что несколько дней пробудет безвыходно на шахтах — нужно поближе познакомиться с партийными организациями, и хорошо, если бы тем временем Рогов подготовил доклад на бюро горкома о переходе на массовую цикличность.

— Зачем же пробовать? — возразил Рогов. — Я подготовлю такой доклад. И просто очень доволен, что ты начинаешь именно с этого!

— Не начинаю, зачем ты так говоришь?! Я же не с неба свалился. Мы будем продолжать и расширять давно начатое. Главное всегда остается главным. Ты же недавно на технической конференции сам говорил, что в цикличности, в необходимости впрягать весь фронт очистных работ в железный график ничего принципиально нового нет. А я могу добавить, что в этом и ничего старого нет. Так ведь?

Присматриваясь к Бондарчуку, Рогов подумал вначале про себя, что тот теперь должен в чем-то измениться. Высказал эту мысль вслух. Виктор Петрович с сомнением покачал головой. В чем же он может измениться и почему? Парторг или секретарь горкома — разница только в масштабах, а существо дела, его смысл один и тот же. Разве не так было и с самим Роговым?

Несколько раз во время разговора в кабинет заходила девушка-секретарь, — высокая, но при всем этом легкая, строй-

ная, ступающая почти неслышно. Подаст бумаги и ждет, и неотрывно смотрит на Рогова своими черными немигающими глазами.

— Ну и секретаря ты себе подобрал... — заметил Бондарчук, собираясь уходить. — Видел красавиц, а это какая-то совсем особенная.

— И не рад уже, — в шутку пожаловался Рогов. — Смотрит и смотрит, прямо иной раз места себе не нахожу...

— Ты самонадеянный, как все старые холостяки.

— Ну, ерунда, жизнь меня не баловала женским вниманием... Я один раз даже спросил у Леночки — это у секретаря — «Что вы на меня так смотрите? Занимайтесь чем-нибудь другим». А она говорит, что это у нее с детства такая привычка, смотреть не мигая в глаза собеседника. Но у нее еще другая привычка, — к месту и не к месту затевать разговор о литературе. Я уж несколько раз вынужден был специально заглядывать в книги, — до того секретарь ушибает меня своей литературной эрудицией.

Бондарчук прищурился.

— Ты что же, по другому случаю не заглядываешь в книги?

— Кроме специальных, за последнее время... — Рогов покайно склонил голову. — Каждый свободный часок забирает диссертация. Посоветовался в этот раз товарищами в Москве, и все заново перестраиваю, переписываю. Защита-то состоится в январе...

— Давай выберем вечерок и ты считаешь, — предложил Бондарчук. — Прямо у меня на квартире, а то тебя иначе не затащишь... И, кстати, познакомишься с женой, а то она говорит, что уже перестала верить в существование Рогова, о котором я ей столько рассказывал...

Рогов помолчал, а потом, отвернувшись, тихо спросил:

— Ты, Виктор, очень счастлив с Люсей?

— Очень... — Бондарчук на секунду закрыл жарко вспыхнувшие карие глаза. — Если слово очень достаточно полно выражает все, чем я живу... Я долго ждал Люсю, десять лет ждал. А у тебя, видно, снова ничего не получилось? Ты извини...

— Нет, что тут извинять-то... Ничего и не могло получиться. Валя это, наверное, сразу поняла, как приехала. И мы больше не возвращались к нашему первому разговору. Я должен был обрадоваться, а я ничего не почувствовал, ты понимаешь; ничего! Это так чертовски тяжело...

Бондарчук поспешил переменить разговор и вскоре уехал.

Через полчаса Рогов зашел в технический отдел и, перелистывая справочники, невольно стал свидетелем чрезвычайно неприятного разговора ответственного дежурного по тресту с Десятой шахтой. Дежурный, а это был снова, как нарочно, Семен

Стародубцев, сидел в соседней комнатке, и в полуоткрытую дверь Рогов мог даже видеть его склоненную лысеющую голову с хохолком и нервно подрагивающее плечо.

— Слушай, слушай, Чернов!.. — Кричал Стародубцев. — Слушай, Елизар Капитонович, да ты пойми, черт тебя подери, пойми, что у меня по тресту не хватает всего полтора ста тонн до плана! Наскреби, пожалуйста, полтора ста тонн, и все будет в порядке... Ну как не можешь? Да я что, маленький, что я не знаю вас! Вы же сегодня положили за кушак про всякий случай не меньше двухсот тонн! Я вижу это по часовым сводкам... Так, договорились? Ну, как же ты можешь не дать! Это же безобразие, ведете себя на шахтах, как помещики: хочу дам, хочу не дам!

Этот крик, это жалкое выпрашивание от имени треста каких-то ста пятидесяти тонн, чтобы «все было в порядке», не на шутку рассердили Рогова, но он ничего не сказал Стародубцеву. Положил справочники на место и прошел к себе.

Добавьте нам, ради Христа, сто пятьдесят тонн! И какой-то Елизар Капитонович с Десятой, напыжившись, отвечает: «Не могу. У меня план тысяча двести пятьдесят одна тонна—я передал на две тонны больше. Точка, товарищ дежурный по тресту. Точка». Действительно, точка! И ведь знал же Рогов про это пресловутое «положили за кушак», знал, что кое-кто из особо «рачительных» руководителей на шахтах прибегает иногда к такого рода «тактическим» запасам еще и по сей день. Перевыполнила шахта суточную программу на две—три сотни тонн, и кто-нибудь из «дальновидных» чиновников перепускает эти сверхплановые тонны в штабеля «про черный день». Значит этими запасами «черные дни» заранее планируются, к ним готовятся и тогда, в тайне сэкономленными сотнями тонн затыкаются прорехи в программе. Знал про это Рогов, но почему-то не придавал большого значения этой отдушине для очковтирателей.

К вечеру, когда была назначена трестовская комиссия для замера угольных штабелей на шахтах, Рогов позвонил на Десятую. По телефону Семькина ответил его заместитель по быту Чернов Елизар Капитонович. Оказалось, сам начальник еще с вечера заболел, а главный инженер Щербачев вот уже десять часов подряд сидит в комбайновой лаве, настраивает машину.

— И что? — спросил Рогов. — Настраивается?

— Она, конечно, настраивается... — нерешительно проговорил Чернов. — Но ведь самая богатая лава на шахте стоит, Павел Гордеевич... Я, конечно, мало в этом понимаю...

— Мало понимаете?.. — задумчиво переспросил Рогов. — Тогда соедините меня с комбайновым участком.

По участковому телефону ответила откатчица. Рогов осведомился:

— Как дела?

— Как сажа бела! — откликнулась женщина. — Время, что ли у вас порожнее, если поминутно справляйтесь о делах?

Рогов кашлянул и назвал себя.

— Извините, товарищ управляющий... — откатчица немного окала и, очевидно, волновалась. — Я сердитая сейчас, товарищ управляющий, поэтому так нехорошо отвечаю...

— А что случилось-то?

— Да горный мастер у нас сегодня сердитый...

— Дела плохо идут?

— Дела идут-идут, да и остановятся...

— Вот так дела! — добродушно подытожил Рогов. — Главный инженер в лаве?

— Где же ему быть...

— И тоже сердитый?

— Тоже. Но он все молчком. Разделся до тельной рубашки и копается с комбайнером в машине.

— Позовите его к телефону. Только скажите, чтобы оделся...

И во время этого разговора с откатчицей, и пока ждал, когда подойдет к телефону главный инженер, Рогов почему-то неотступно думал о своей прошлой встрече с ним, о каком-то особом выражении усталости на полном, плохо выбритом лице Щербачева. Совершенно отчетливо вспомнились такие, казалось, мелочи, как смятый полурасстегнутый воротник косоворотки и крохотный клочок папиросной бумаги, прилипший к нижней губе главного инженера, темная, видать, плохо промытая после шахты складочка на переносе. Помнится, Семькин потом рассказывал о семейных неурядицах у своего главного инженера. Семейные неурядицы... Надо обязательно поговорить об этом с Бондарчуком, он будет на Десятой и, значит, сумеет присмотреться к Щербачеву. Кто его знает, может быть, человеку помочь нужно...

Минуты через три Щербачев подошел к телефону. Было слышно, как он что-то очень долго возился с трубкой, шумно дышал, словно репетировал вступление к разговору, и, наконец, сказал:

— Я слушаю, Павел Гордеевич...

— Здравствуйте... Извините, что отрываю от дела... — начал Рогов. — Как там у вас?

— А знаете что, Павел Гордеевич! — голос Щербачева вдруг налился и загудел в телефоне мелодыми переливами. — Мы ведь эту донбассовскую машину взнуздаем!

— Вы думаете, взнуздаем, Илья Иванович? — невольно подзадорил Рогов, и тут же подумал: «Пожалуй, не потребуются вмешательства Бондарчука».

— Обязательно, обязательно! — торопливо добавил Щербачев. — И плюньте в глаза всякому, кто в это не поверит!

— Прямо сразу и плюнуть?

— Без размышлений.

— Ах, жалко, Илья Иванович, — посетовал Рогов, — не входит это в мои служебные обязанности... Но скажите же толком, как дела?

Дела, окрылившие Щербачева, и по мнению Рогова, выглядели не так уж плохо. Правда, главный инженер около десяти часов не выходил из лавы, но зато машина почти настроена, почти тронулась, все будет сейчас решать организация работы: крепление забоя, транспортировка, профилактика.

— А люди как на это смотрят?

— Люди... — Щербачев подумал. — В комбайновой лаве Павел Гордеевич, за малым исключением, коммунисты... Вышли сегодня на работу с категорическим наказом парторганизации: не отступать!

— И не отступят?

— А вы как думаете? — с вызовом спросил Щербачев. — С вашего разрешения, я вернусь к машине...

— За-ачем? — укоризненно протянул Рогов. — У вас же там люди, не умеющие отступать!

— Я на всякий случай... Неужели вы думаете, что я могу сейчас чем-нибудь другим заниматься!

— Я именно так и думаю! — тоном приказа проговорил Рогов. — Немедленно поднимайтесь на-гора, мойтесь, питайтесь, сколь возможно отдыхайте и командуйте всей шахтой. Слышите? А то у вас делами ворочает какой-то Чернов с купеческими замашками. Проверьте добычу за прошлые сутки и ночью мне доложите. Счастливо, Илья Иванович.

Рогов посмотрел только что доставленные бумаги и сделал пометки в календаре. Извещение: в четыре часа дня сессия городского Совета депутатов трудящихся. Почему в четыре? Ах да, завтра же воскресенье. Ну и влетит завтра от депутатов тебе, товарищ управляющий! Надо сегодня же подготовить материалы о благоустройстве пришахтных участков.

А это что? Заявление. Какой знакомый почерк... «Начальнику отдела кадров... Инженера Вожиной Галины Афанасьевны». Приехала! Уже?! Хотя почему уже, если после ее отъезда прошло больше года. Так нечаянно это тогда случилось: вызвали в министерство, а потом короткое извещение: «Выбыла по служебной командировке в страны народной демократии». Раза

два Афанасий Петрович при встрече передавал привет от нее, и все. Интересно, какая она теперь...

В сопроводительной министерства сказано, что после служебной командировки инженер Вошина, по личной просьбе и семейным обстоятельствам, направляется к прежнему месту работы. Та-ак... А что в своем заявлении пишет инженер? Просит направления в шахту. Начальник отдела кадров каллиграфически вывел на уголке заявления: «Согласен на «Капитальную». Ну, нет, с этим управляющий трестом не согласен. Рогов размашисто перечеркивает первую резолюцию и красным карандашом пишет: «В распоряжение главного инженера треста».

Тут вам, Галина Афанасьевна, будет потруднее, зато интереснее. Только почему вы все же не позвонили? А приехали вы вовремя, будто по заказу. Молодец вы, инженер Вошина!

Рогов отрывается от бумаг и смотрит в заснеженное высокое окно. Льдинки в уголках стекол теплятся шафрановым вечерним светом. Солнца из кабинета не видно, но оно, где-то очень низко, над самым краем дальних гор. Ранний вечер, зима. Застыли реки, тихо в прозрачных по-зимнему лесах. Вечер, гаснут снега в долинах... Походить бы сейчас по заячьим следам, или постоять под березкой, выжидая, не сядет ли по соседству осторожный косач...

Улыбнувшись своему нечаянному охотничьему азарту, Рогов идет в комнату, что у него за кабинетом, умывается, просит стакан чаю и снова садится за работу. Дел оказывается столько, словно сегодня и не подступался к ним.

ГЛАВА 23

Утром Рогов был еще дома, когда ему позвонил из Кемерово секретарь обкома партии Воронов. Как обычно, разговор Иван Леонидович начал издали: соскучился по руднику, вот бы посидеть вечером, молодость вспомнить. А новостей-то, новостей и за неделю не обскажешь... Как погодка?

Рогов насторожился.

— Обыкновенная погодка... кузбасская: днем солнечно даже глазам больно на снег смотреть... Ночами звездысыпают...

— На шахтных копрах?

— На небе, Иван Леонидович.

— Отличная погодка...

И снова все бочком, да с хитринкой. Вот сидел сегодня ночью Воронов в обкоме и занимался текущими делами. По местному было два часа ночи, а в Москве только десять вечера. Благодать москвичам: только-только день заканчивают, а на востоке уже новый начинается, живи во весь размах, работай сразу за двое суток... Вчера вот ровно в три ночи звонил ми-

нистр... Дал справку о погоде в Кузбассе. Далеко живет, а видит. Зарапортовался, говорит, Кузбасс с цикличностью...

— Как ты думаешь, стоило обижаться на такую справку?

— А должность-то, Иван Леонидович...

— Вот то-то же. А у тебя как?

Секретарь обкома притих, и Рогов почти увидел, как он прищурился и ждет. Но руки у него, как всегда, просят какого-нибудь дела. Он, наверное, ставит по привычке коробок ребром на стол и чиркает спичкой, чиркает и щурится.

— У меня что... — Рогов отодвигает стакан с остывшим чаем и поудобнее устраивается в кресле. — Циклом живем. На шахтах народ занят переходом на массовую цикличность.

— Seriously занят?

Рогов помолчал. Если он говорит, что серьезно, значит, оно так и есть.

— А я к чему разговор-то затеял... — Воронов сделал многозначительную паузу. — Хотел узнать доподлинно, что у тебя на прошлой неделе получилось с днем повышенной цикличности? Это не перелицованный день повышенной добычи?

За последнее время Рогов так пристрастно занимался итогами этого «дня повышенной цикличности», столько говорил об этом на шахтах, и в тресте, и на пленуме горкома, что сейчас без особого труда восстановил в памяти всю историю.

Нет, в принципе день повышенной цикличности — это не день повышенной добычи. Последний, когда-то и «планировался» под негласным девизом: «хватай—выдергивай!», лишь бы уголька побольше. День повышенной цикличности — это день строго рассчитанных опытов, когда полному кругу производственных операций в забоях подчинены все шахтные службы, цехи, отделы, когда линия от забоя до погрузочных бункеров должна уподобиться хорошо настроенной струне: тронь ее в одном месте, и звук разнесется по всей шахте.

А что касается дня повышенный цикличности, который провели недавно на двух шахтах треста, так что ж тут оправдываться... Действительно, был такой «повышенно скандальный» день. Последствия ликвидировали, но неприятный осадок остался.

На одном из последних трестовских совещаний Рогов сказал:

— Давайте, командиры, помечтаем!.. Есть теперь у нас с вами все: и техника, и умение, и необходимость, самое главное — необходимость, чтобы переводить шахты на массовую, на сплошную цикличность. Теперь мы уже не за двести пятьдесят, а за пятьсот миллионов тонн боремся — за пятьсот миллионов! А шагаем мелко, дыхания у нас не хватает, вот что. Поду-

майте о массовой цикличности, посоветуйтесь с коллективами. Жду ваших предложений.

Через несколько дней с предложениями явились два начальника шахт — Семькин с Десятой и Кропачев с Восьмой, старый опытный шахтерский командир. И тот и другой были понастоящему захвачены только что родившимся замыслом.

— А то мы все говорим—цикл, цикл, и в приказах, и на заседаниях... — пожаловался Семькин, словно это он затеял разговор о массовой цикличности. — Вон и начальник комбината на прошлом селекторном совещании выговаривал: «Что вы хвастаетесь своей цикличностью? Пробежите лаву из конца в конец и рапортуйте: есть цикл! Вы научитесь давать полновесный рабочий цикл, чтоб уголь валом валил!» Но что такое даже и полновесный в пяти—шести забоях, если у меня на шахте их четырнадцать! Вот мы и завернем во всех четырнадцати, даже в подготовительных сциклуем. Вот вам и осуществленная мечта!

Примерно в таком же духе, хотя и сдержаннее, высказался Кропачев. Что мог ответить на это управляющий? Обрадовался про себя (ага, проняло и вас!), но обрадовался, одобрил. А как же иначе? У командиров на руках четко разработанные графики, таблицы, в которых подсчитано все до единой тонны, до последнего квадратного метра забоя, учтены как будто все непредвиденные случайности. Командиры заручились поддержкой своих коллективов.

Перед днем повышенной цикличности Рогов специально побывал на Восьмой и Десятой, еще раз придирчиво просмотрел графики, поговорил с бригадирами и горными мастерами, обошел основные забои, на Десятой не миновал комбайновую, ста-сорокаметровую, где машина, хотя и медленно, словно наощупь, но все же двигалась.

— И здесь будет цикл? — с сомнением спросил Рогов.

— В обязательном порядке! — Семькин даже зажмурился, отчего лицо его стало очень старым. — В нитку вытянемся!..

— Зачем же в нитку? — без улыбки спросил Рогов. — Еще, чего доброго, оборветесь...

Вернувшись в трест, он позвонил на «Капитальную» Дубинцеву и укорил;

— Что ж ты, Николай Викторович, зеваешь? Смотри, какое доброе дело затевают на Десятой и даже на Восьмой: завтра хотят цикловать всем очистным фронтом, понимаешь, всем очистным фронтом!

— А мы в комбайновой еще не научились цикловать... — угрюмо отозвался Дубинцев. — Мы не можем очковтирательством заниматься.

Следующие сутки (главного-то инженера в тресте все еще нет) Рогов был занят подготовительными работами на шахтах.

Это трудоемкое, кропотливое дело требовало неустанного внимания и, как ни странно, все больше отставало.

Чтобы шахтер-добытчик получил возможность брать уголь, необходимо прежде пройти многокилометровые основные выработки: квершлаг, пересекающие на своем пути угольные пласты и, в стороны от них, непосредственно по угольным пластам — штреки. Главнейшее направление — так шахтеры по справедливости называют проходку основных забоев. А пестрота в организации этих работ царит пока удивительная. Чтобы избежать этой пестроты, необходимо быстрее сводить воедино весь передовой проходческий опыт, разрабатывать новую технологию.

Рогов собирал на шахтах проходчиков, советовался с главными инженерами, руководителями отделов капитальных работ, однако новая технология, которая бы в корне изменила обстановку, прощупывалась слабо.

Все это основательно отдалило Рогова от организации повышенной цикличности. Зная как это важно, он не сумел выбрать времени для инструктирования работников на месте. Но при первом же телефонном разговоре он спросил у Семькина:

— Ну, итоги?..

— О-о... — многозначительно протянул Семькин, — это нас окрылило, Павел Гордеевич!

А на следующее утро, как это обычно делалось, Рогов сам «снял» добычу на шахтах, принимая доклады по телефону.

На его вопросы Семькин отвечал что-то вяло, невнятно, цифры то произносил вполголоса, то выпаливал залпом. Рогов прекратил запись и вежливо осведомился о здоровье, о семье.

— Спасибо, спасибо!.. — торопливо поблагодарил начальник шахты. — Мне страшно некогда, Павел Гордеевич... У меня собрались начальники участков...

Рогов рассердился.

— Вы что, не знаете, когда народ собирать? У вас сейчас время доклада управляющему. Докладывайте.

Записал итоги работы по одному участку, по другому и невольно все выше и выше поднимал брови. Наконец, не вытерпел и бросил карандаш на стол.

— Сколько по четвертому участку? — спросил он тихим, ничего доброго не предвещавшим тоном. — Семьдесят три? А общий итог? По шахте? Де-вя-носто один?! Ого!.. Поздравляю... Значит, не пожалели сил и отрепетировали такую постановочку в день повышенной цикличности! Момент драматический, как в известной песенке: «Не ходи вечер, любимый, на высокую цикличность...»

Семыкин нарочито громко рассмеялся.

— Павел Гордеевич, говорят, хорошего понемножку, а мы этой цикличности хватили через край...

— Послушайте, Иван Ильич!.. — сквозь зубы проговорил Рогов. — Если бы я не уважал вас... Как вы можете говорить так о самом заветном? Вы же пошли на это большое дело по совету своих лучших стахановских бригад! Вы не цикличности, а штурмовщины хватили через край. Не отпускайте начальников участков, я через пятнадцать минут буду у вас.

Ровно через пятнадцать минут Рогов вместе с Семыкиным, на этот раз чрезвычайно сосредоточенным и немногословным, а также со всеми свободными от дежурства начальниками участков ушел в шахту и пробыл там несколько часов. И здесь, в привычной рабочей обстановке, перебираясь из одного забоя в другой, Рогов немного успокоился, хотя чаще обычного повторял, оглядываясь на Семыкина или слушая объяснения одного из командиров:

— Ну, так... — и еще несколько раз добавил: — Но это же «парад-алле», как в цирке — на арене блёск-треск, а за кулисами... конюшня!

Командиры участков давали объяснения, где и почему у них получился «пережим» в день высокой цикличности. Но и без объяснений результаты этой «высокой цикличности» так и лезли в глаза, так и хватали за душу. Захламленный в завале крепежник, груженные породой составы, суетня у погрузочных люков, нервные выкрики в диспетчерских, — все свидетельствовало о том, что прокатившемся штурмовом прибое. Значит, шахта и несколько часов в сутки не работала по графикам цикличности, так умно, с таким рвением разработанным. Перехватило в нескольких местах производственную цепь — сначала на транспорте, на него при организации дела не обратили внимания, потом лесной склад подвел, остановился в самой большой, но пока мало производительной лаве комбайн, и тут нервы у командиров не выдержали, командиры рванули, да так, что шахта встала на дыбы и незаметно соскользнула на самую скучнейшую штурмовщину. Ах, командиры, командиры, драсть нас некому! — сокрушался про себя Рогов. — Теперь, чего доброго, ударимся в другую крайность, и там, где действительно следует приналеж на цикличность, начнем выискивать причины, чтобы обойти ее с испугу сторонкой. А, ведь все дело в том, что не хватило умения, страсти проинструктировать людей на местах: в забоях, на транспорте, в диспетчерских, в единственной на шахте комбайновой лаве.

Машина действительно остановилась в первую же смену — «полетел» вал натяжного барабана. Запасного не ока-

залось под руками, механик бросился туда-сюда, а смена идет, а уголь стена-стеной стоит, а начальство ругается, торопит. Что в такой обстановке делать? Очень просто, несмотря на бурные протесты молодого комбайнера Емельянова, комбайн расторопно убрали в самый низ, к обрезающему штреку, и лаву взяли на отпалку, как это привыкли делать из смены в смену, из года в год. Но, и работая вручную, до того торопились, нажимали, что потом в глаза друг другу смотреть было стыдно. Комбайн после этой «высокой цикличности» целые сутки не мог двигаться: машинную дорожку завалили, линия забоя оказалась искривленной.

Обо всем этом Рогов и сказал, когда они через несколько часов вышли из шахты. А потом попросил Семейкина, не откладывая, объяснить коллективу, почему была сорвана высокоциклическая работа.

— Если вы все вместе радуется победам, имейте мужество честно проанализировать поражение, неудачу... — Рогов внимательно оглядел притихших командиров и медленно, раздумывая, повернулся к понуро склонившемуся над столом Семейкину. — Это необходимо еще и вот для чего... Вам представляется всего десять дней для перевода шахты, всех ее забоев на график: один цикл в сутки! Десятая должна стать первой в тресте шахтой сплошной цикличности. Я даже не спрашиваю: справитесь ли?

Несколько начальников участков сразу затушили нещадно дымившиеся папироски, кто-то сказал озадаченно: — Действительно... Комбайнер Емельянов — широколицый, светлобрый шахтер, ударил ладонями о колени.

— А я бы и десяти дней не дал!.. Еще остынет народ после неудачи.

—... И дело, по-моему, на Десятую разворачивается теперь... как было задумано...—закончил Рогов свой доклад Воронову.

— Очень обрадовала всех нас Восьмая шахта, Иван Леонидович. Там опыт с массовой цикличностью удался, его сумели закрепить. Изучаем постановку дела на Восьмой, я готовлю доклад на бюро...

— Самокритичный, надеюсь? — спросил Воронов. — Срыв на Десятую, как мне кажется, в первую очередь— твоя вина...

После небольшой паузы Рогов ответил:

— Да, доклад будет в основном построен на анализе наших, значит, и моих ошибок... От имени всего треста говорю, Иван Леонидович: добьемся мы настоящей, полновесной цикличности. Пусть в этом обком не сомневается. А у нас еще один праздник... Вчера механизаторы рудника, а за ними проходчики начали писать письмо Иосифу Виссарионовичу. Поздравляют с

наступающим семидесятилетием, заявляют, что годовую программу выполнят к двадцать первому декабря.

— Вот так по всему Кузбассу...—задумчиво сказал Воронов. — Тысячи писем пишут... Если бы ты знал, Павел, сколько силы, бодрости в этих письмах, сколько в них твердой уверенности, что труд, мир на нашей земле — нерушимы. Несокрушимы.

— Да, да Иван Леонидович, — вчера на стахановском слете шахтеры только об этом и говорили...

— И решили?..

— Программу — к двадцать первому декабря!

— Правильно решили, правильно... — Помолчав минуту, Воронов осведомился. — А где сейчас Бондарчук?

— Знаю, что на шахтах, но поймать даже по телефону не могу,—признался Рогов. — С Четвертой сообщили, что он провел там собрания подземных партийных групп, на «Капитальной» присутствовал на занятии кружка по изучению биографии товарища Сталина... Потом уехал на Притаежные уклоны... Вообще, Иван Леонидович, он ведет сейчас очень кочевой образ жизни.

— Ладно, ладно, кочуйте, только с толком!.. — прервал Воронов. — Я тебе позвоню завтра.

Хотел Рогов перед разговором с Вороновым посидеть над диссертацией, а тут глянул на часы и ахнул: половина одиннадцатого! Вот досада какая: к двум нужно быть в тресте, но обещал еще заехать на «Капитальную», посмотреть, как там разворачивается работа по реконструкции режущей части комбайна «Донбасс».

Одеваясь, Рогов все поглядывал на раскрытую папку с диссертацией. Научный руководитель сказал в Москве:

— Свежо и напористо у вас получается. Не замораживайте, форсируйте работу. Исследований по производительности труда в угольной промышленности у нас не так уж много.

Свежо и напористо...—Рогов усмехнулся. Не хватает еще исследований по производительности труда старших командиров в угольной промышленности. А обязательно пригодились бы...

У подъезда стояла машина, а около нее Федор Примаков, недавно вернувшийся со строительства гаража на Притаежных уклонах. Хлопнув желтыми крагами по капоту, он с задором сказал:

— Поехали, Павел Гордеевич? Ну, и прокачу я вас сегодня... Погодка-то, погодка!..

Рогов посмотрел на синее-синее небо, на сверкающие снега, прищурившись, полюбовался заиндевелившим тополем, потуже за-

тянул пояс кожаного пальто и, засмеявшись, махнул вдруг рукой.

— Поезжай ты, Федя Примаков, один... Ну тебя со всем твоим механизмом. Пойду я пешочком на «Капитальную»...

Федя обиженно надулся и сердито захлопнул дверку машины.

...Засунув руки в карманы пальто, Рогов идет то тротуаром, то боковой тропкой, идет, весело щурится, диву дается.

Грянет же над сибирской землей, над ее горами и долами день такого синего солнечного сияния! Вчера еще дули упорные злые ветры, плясала по таежным падам долгогривая метелица, вырастали сыпучие трясины сугробов, — вчера ведь все это было, а сейчас, посмотри вокруг! Все-то залито, украшено, обласкано солнцем, все стало легким, прозрачным. На крышах домов, на ветках тополей, на длинных полотнищах дорог чистые нетронутые снега, и в каждой снежинке ежесекундно вспыхивают, и гаснут, и вновь вспыхивают веселые разноцветные пожары. А ширь-то какая вокруг... Воздух, пронизанный солнечными лучами, хрустально прозрачен. Морозно.

Рогов идет около шахтерских домов, центрального рудничного клуба, и почему-то ему кажется, что он давным-давно не был на этой улице, давно ему в лицо не светило такое праздничное солнце. Несколько минут он стоит у оградки сквера. Сотни мальчуганов высыпали на заснеженную полянку перед двухэтажной школой и такой воинственный гвалт подняли, что с непривычки ушам больно было.

И снова Рогов идет по бетонным плиткам тротуара, смотрит в окна домов и в одном из них замечает зазывно кивающего, с заспаным лицом, Сергея Никитича Хмельченко. Шахтер улыбается и беззвучно шевелит губами. Рогов показывает на солнце, на ручные часы, машет в сторону шахты: рад бы душой, Сергей Никитич, да время-то видишь какое...

Повертывает с главной улицы налево, переходит мост через неугомонную и в зимнюю стужу незастывающую речонку и тут снова останавливается. Не покидал бы в этот час голубой морозной улицы. Дышит так, что ноздри трепещут, сухо во рту становится, а все будто воздуху мало. И вдруг совсем рядом мальчишеский окрик:

— Дядя Паша, здравствуйте!

Кто это? А-а... Павлуныка Вошин! Тезка!

— Здравствуй, Павел Афанасьевич! — говорит Рогов. — Вот не ожидал встретить... Ты же должен быть в школе...

— Я во вторую смену и тоже не ожидал вас встретить... Вы же должны управлять трестом! — отвечает Павлушка и в улыбке открывает все как есть зубы — белые, острые.

Эта случайная встреча с мальчишкой почему-то очень обрадовала Рогова. Он так же, как Павлушка, сдвинул шапку на одно ухо, притянул к себе младшего Вошина за плечи и, наклонившись к его розовому лицу, спросил:

— Отец пишет?

— Да, пишет он... — Павлушка потер мокрой варежкой смешливо вздрагивающий подбородок. — Почти каждый день... У него какая-то болезнь открылась — хандра называется. И еще, говорит, неправильно солнце на земле распределено, к чему, говорит, такие излишки на юге?

Рогов понимающе кивнул.

— Ясно, ясно, отец рационализацией занимается... Ты ему отвечай все же, это помогает от хандры, можешь мне поверить. А сейчас, коли хочешь, пойдем на шахту!..

— Не могу я, дядя Паша... — Павлушка нерешительно оглянулся.

— Понятно, дела у тебя, — усмехнувшись согласился Рогов, но, проследив за взглядом мальчонки, быстро выпрямился. В трех шагах от них стояла Галя Вошина.

ГЛАВА 24

Со станции и почти до самой шахты Георгия Сибирцева подвели в своей машине Вошины. В раскомандировке Георгий первым делом подошел к щиту показателей и через минуту пристынул: посмотри-ка ты — его бригада за несколько последних дней основательно-таки выправилась и числилась теперь по сводкам не на последнем месте, а на четвертом или пятом. Хорошо. Что хорошо, то хорошо, хотя и не совсем. А вот хлебниковская — на первой. Круто ребята забирают, по-комсомольски!

Георгий повернулся, чтобы пройти к главному инженеру и вдруг встретился глазами с самим Хлебниковым. Поздоровались. По всему видать, молодой бригадир собрался в шахту: на нем прорезиненная куртка, такие же брюки поверх резиновых сапог, широкополая шляпа с задорно приподнятым козырьком.

— А я гляжу тебе в спину и признать не могу, — говорит он, приветливо шурясь. — С приездом, Георгий.

— Спасибо, — Сибирцев вопросительно оглядел бывшего напарника и кивнул на большие настенные часы. — Ты что, опоздал на вторую смену или торопишься на третью?

— Тороплюсь на третью, — подтвердил Хлебников. — Нужно кое-что подготовить...

Они прошли вместе до клетевой, и дорогой Сибирцев спросил:

— Не жалуешься на бригаду?

— А что бы мне на нее жаловаться? Работаем...

— Лучше всех?

— И не хуже.

— Очень рад... — Сибирцев замедлил шаг. — Приходи завтра в партком часам к двенадцати... Есть неотложный разговор.

Хлебников хотел что-то ответить, но, заметив вынырнувшую из-под земли клеть, опрометью бросился к ней, прокричав на ходу что-то неразборчивое.

А все же хорошо на своей-то шахте! Каждый уголок чем-нибудь да памятен, каждый закоулок знаешь, как свою квартиру. Заглянул в окошечко отдела статистики — ему улыбнулось знакомое девичье лицо с чуть раскосыми карими глазами. Это Надя Кныш. Она соседка Сони по комнате в женском общежитии. Надя хорошая подруга Сони... Спросить бы...

Но Сибирцев ничего не спросил. Широким шагом, словно боясь, чтобы кто-нибудь не задержал, прошел в приемную начальника и главного инженера.

— Дома командиры? — спросил у дежурного секретаря.

Та показала на кабинет Филенкова.

— Все там.

Сибирцев повернулся к дверям главного инженера, снял шапку и вдруг, передохнув стесненно, сказал вполголоса:

— Соня!..

Соня стояла, прислонившись спиной к дверке конторского шкафа и, стараясь прикрыть рукой мелко подрагивающие губы, делала вид, что заправляет под серую пуховую шаль выбившуюся прядку волос.

— Соня! — повторил испуганно Сибирцев. — Ты что, не видишь меня?

— Вижу... — сорвавшимся голосом ответила девушка, и опять у нее дрогнули губы. Она умоляюще оглянулась на секретаршу, словно попросила поддержать ее.

— Я тебя встречала, Гоша, на станции... — несмело добавила она.

— Так что же ты?

— Я не успела. Ты сел в машину... Здравствуй... Гоша!

Георгий принял в свои ладони маленькие руки девушки, с радостным удивлением заглянул в ее растерянные, смеющиеся глаза и отступил на шаг.

— Соня!.. Как же будем?.. Давай я завтра к тебе утром зайду! Прямо с утра!

Соня пристально оглядела Георгия и раза два качнула головой.

— Нет, лучше сегодня. Я подожду.

— Но я долго...

— Нет, — повторила девушка, — подожду.

Они не заметили, как открылась дверь в кабинет Филенкова и на пороге появился начальник шахты Дубинцев. Он внимательно присмотрелся к молодым людям, поколебался, намереваясь, очевидно, снова уйти в кабинет, но, услышав слова Сони: «Я тебя подожду. Иди», — тронул Георгия за рукав:

— С приездом, Георгий... ты только с поезда?

— Да, да, Николай Викторович, — повернулся Сибирцев к начальнику шахты, — с поезда и прямо к вам!

Дубинцев мельком глянул на Рожкову и посоветовал:

— Лучше ты отдохни, а завтра после утреннего наряда поговорим...

Так же, как за минуту перед этим Соня, Георгий упрямо наклонил голову и коротко возразил:

— Нет, лучше сегодня, Николай Викторович.

— Тогда проходи, — без всяких проволочек согласился Дубинцев, — мы как раз все в сборе.

— Иди, иди, — поспешно напутствовала и Соня, — я ждать буду тебя!

Когда Дубинцев сказал, что они все в сборе, Сибирцев подумал, что он имел в виду, наверно, себя, главного инженера и механика, но в кабинете застал еще и Степана Данилова. Поздоровался с командирами шахты, протянул руку Степану, и в это время Филенков, затаив добродушную улыбку, сказал:

— Познакомься, Георгий, наш новый парторг.

Степан Данилов, бывший ученик Сибирцева — парторг? Вот это новость! Но Георгий внешне ничем не выразил ни удивления, ни радости и только как всегда крепко пожал руку давнему товарищу.

Сообщение свое о поездке в Прокопьевск он постарался сделать короче, говорил о самом главном.

Пробыл он в Прокопьевске четверо суток. За это время в забое у Голованова побывал шесть раз. А вчера полдня просидел на техническом совете у главного инженера шахты.

— Что-нибудь интересное решали? — осведомился Филенков.

— Да, очень интересное. Технический совет шахты имени Ворошилова попросил от Сибирцева полной характеристики Третьего Западного квершлага, где предполагается настроить скоростную проходку. Характеристику эту Сибирцев знал наизубок. Потом совет долго судил и рядил, какой бы технологический режим рекомендовать для Третьего Западного.

— И что же рекомендовали? — с чуть приметной ревнивой ноткой в голосе спросил Дубинцев, а Степан Данилов глянул на него из-под бровей и понимающе усмехнулся.

Георгий посмотрел на двери, за которыми его ждала Соня, вздохнул, выпрямился в кресле, и сказал, что рекомендовали,

кое с чем он не согласен, кое-что им не подойдет, но если судить вообще — все правильно.

— Разрешите доложить все по порядку?

Командиры переглянулись и взялись за блокноты.

Почти совсем без жестов, напряженно сдвинув темные широкие брови, иногда умолкая на минуту, чтобы припомнить какую-нибудь деталь, Сибирцев докладывал около часа. Он говорил глуховато, скупое, говорил и смотрел в широкие окна кабинета, за которыми смутно проступали контуры крутобокой горы, а по горе золотыми бисеринками мерцали цепочки электрических огней к лесоспускным шурфам. И только в самом конце своего доклада он не сдержался, широко раскинул руки и, попеременно присмотревшись к инженерам, сказал с недоумением:

— И почему мы так поздно за все это беремся?

— А может быть, как раз во-время... — подал голос Степан Данилов.

— Я прошу... — Сибирцев встал, но от беспокойства, от нетерпения, не зная, куда девать себя, снова сел. — Я прошу вас... Николай Викторович... Федор Лукич... Степан... Георгиевич! Помогите мне!.. Сейчас дело только за бригадой, за оборудованием, за техническими расчетами... Ох, и подвинем мы проходку! Поверьте мне...

Данилов махнул рукой и досадливо поморщился.

— Зачем ты нас упрощаешь? Ты что, не знаешь, как тебя ждали на шахте?

— Я это к тому, чтобы... — Георгий вздохнул, — чтобы развертывать это дело, ни минуты не медля!.. Так мне в поезде нынче и сказал Афанасий Петрович.

— Он приехал?

— Уже!..

— Вот старик! — одновременно восхитились командиры.

— Он приехал... — подтвердил Георгий. — Он сказал, что подумает и, пожалуй, тоже пойдет в Третий Западный... Лучшего, товарищи, бригадира и не придумаешь.

— Бригадира не нужно придумывать! — немедленно откликнулся Данилов. — У тебя, Георгий, партийное поручение, — ты над этим думай, а с Афанасием Петровичем мы посоветуемся.

Дубинцев медленно закрыл блокнот, так же медленно положил на него цветной карандаш и повернулся к Филенкову:

— Если в двенадцать часов завтра соберем технический совет, управимся к дневному наряду?

Филенков приподнял реденькие брови, подумал.

— Должны управиться, Николай Викторович, времени-то у нас и так в обрез.

Стали прощаться, но Дубинцев вспомнил что-то, заглянул в один ящик стола, в другой и вытащил две тетрадки в синей обложке.

— Вот, Георгий, возьми... Записки Гавриила Семеновича о скоростной проходке. Принесла на днях тетя Ариша. Почитай перед завтрашним совещанием.

Сибирцев осторожно спрятал тетрадки во внутренний карман пиджака, постоял, как будто забыл сообщить что-то важное, потом тряхнул головой и вышел в приемную.

Долго ходили они после этого с Соней по тихим ночным улицам. Падал медленный снежок, пахло дымком из печных труб. Соня тихонько пропела:

...За окном черемуха колышется,
распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится...

Георгий осторожно, боясь спугнуть песню, наклонился над ухом девушки.

— Сонюшка, ты вправду меня встречала?

— Го-о-о-о!.. — ответила она с укоризной. — Какой ты Фома Неверующий! Ведь я же сказала тебе...

Но Георгий хотел знать, как она встречала...

— Как?.. Да обыкновенно. Неудачно.

...Она видела уже мигающий зеленый глазок семафора, слышала далекие, пока на подходе к станции, поездные гудки, а придумать, приготовить для встречи ни одного слова не могла. Ну, не могла и все.

Вокруг суетились люди, тащили, чемоданы, узлы, из открытых дверей вокзала клубами валил пар, за станцией урчали автомобильные моторы, кто-то мимоходом приветливо выкрикнул: «Соня, добрый вечер!..» Соня не ответила и все думала, каким же словом встретить Георгия, чтобы сразу же вдребезги рассыпалось злое недоразумение между ними.

Считала время до прибытия поезда не по часам, а по торопливым ударам сердца. Считала, считала, а поезд все же нечаянно вывернулся из-за груженных углем эшелонов. Пропыхтел, просвистел, просиял мимо огнями и остановился, лязгнув железными мускулами.

Соня отошла из освещенного фонарем полукруга в тень. Так показалось удобнее, а почему, и сама не знала. Думала, долго придется искать взглядом знакомую широкоплечую фигуру в темной форменной шинели, но увидела в первую же минуту. Как нарочно, сразу же увидела. Сделала шаг к вагону и тут же остановилась. Георгий был не один.

Прыгнув с подножки со своим легким саквояжем, он сейчас же повернулся к вагону и принял из чьих-то рук два чемодана и что-то прокричал в тамбур. Через минуту рядом с ним оказались среднего роста женщина, в белых маленьких валенках и котиковой шубе и бородатый мужчина в пальто с поднятым воротником. В перронной толчее Соне не удалось рассмотреть спутников Георгия, она всего лишь заметила, как женщина рассмеялась, сверкнув полоской белых зубов, да еще в походке бородатого мужчины показалось что-то очень знакомое. Взяв чемоданы, они втроем пошли к выходу с перрона. А Соня все стояла на месте, раздумывала, робела.

И вдруг ей стало мучительно стыдно. Это что же она стоит и выглядывает из-за угла? На кого выглядывает? На Георгия! «Охотничья кровушка, комсомольский характер!» — говорит о ней, своей правнучке, деданька Прокоп Митрич... Ничего себе, кровушка... бабья!

Упрямо, гордо приподняв голову, Соня отстранила кого-то с дороги и пошла с перрона все быстрее, быстрее, чуть не бегом.

Сибирцева отыскала опять сразу же. Он стоял у автомашины, укладывая чемоданы в багажник. Помогал Георгию невысокий коренастый человек, в неуклюжей короткой дохе. Спутников Георгия не было видно, они, наверное, сидели в машине. Простуженно кашлянув, человек в короткой дохе сказал:

— Садись, Георгий, а то дома отца заждались. Павлушка уже и окна носом протер...

Соня хотела выкрикнуть, позвать: — Гоша, остановись! Гоша!.. Но выкрикнуть, позвать не успела. Хлопнули дверки, машина зажужжала шмелем, пыхнула дымчком у заднего красного сигнала, и тронулась.

И смешно и горько стало Соне Рожковой. Так она готовилась к этой встрече, так волновалась, столько хотела сказать, еще когда ехала из Учулена с Митенькой...

Георгий замедлил шаг.

— С каким Митенькой?

— Да с нашим, с Голдобиним. Прискакал в Учулени на всех парах и говорит: «Что же это у вас за любовь такая? Георгию сейчас вот как трудно, а ты будто посторонняя...» — Соня помолчала. Сибирцев не заметил, как она лукаво, исподтишка присмотрелась к нему, но лукавинку в ее голосе он разгадал, когда она спросила:

— Гоша, разве у нас любовь?..

— У нас? — он остановился удивленный, растерянный, ничего не понимающий. Неужели он не говорил ей ни одного слова о своей любви? Не говорил? А ведь и в самом деле... не говорил!

Но теперь-то пришла эта долгожданная минута. Он почувствовал с неиспытанной силой, что пришла эта пора, что должен он сказать единственный раз в жизни, единственное слово, от которого бы дрогнуло и заколотилось, заколотилось сердце. Вот и звезды на высоком зимнем небе, и далекая цепочка огней на горе, тишина в улицах, легкое поскрипывание снега под ногами, и синие, красные, оранжевые очаги пожаров на террикониках, и сама Соня, ее затаенное дыхание, тихое мерцание ее глаз — все-все приготовилось услышать единственное слово Георгия. А он все не мог выговорить его, он не знал, как нужно его сказать: тихо или чтобы голос раскатился по всей улице. Медлил, медлил, а потом словно рванулся навстречу ветру и сказал не тихо и не громко, сказал так, чтобы услышала подруга:

— Соня, давай поженимся!

— Гоша, Гоша... — быстро полупшепотом заговорила девушка, потянувшись к нему, обвила его шею руками, подышала ласковым, родным теплом в глаза, в щеки, в губы. — Гоша, миленький, миленький мой... Зачем ты... Я не могу. Нельзя.

Он сжал ее руки, притянул к себе, потом испугался, что это ей больно, и отпустил.

— Но почему? Почему? У меня голова кругом!

— Еще шесть месяцев нужно... Понимаешь, Гоша? Мне только семнадцать с половиной.

— Семнадцать с половиной?... — не понял он в первое мгновение. — С половиной? — переспросил он, но тут же притопнул, засмеялся, сбил на затылок шапку, легко, как перышко, подхватил Соню на руки, вихрем покрутился с ней, притихшей, покоренной, бессловесной, потом осторожно разжал руки и заговорил, заговорил, забыв и о звездах, и о пылающих террикониках.

— Ты сказала, шесть месяцев? — снова переспросил он. — Шесть месяцев для целой-то жизни! Сонюшка, крохотная моя, соловушко мой, я буду нянчить тебя, как малое дитя! Сонюшка...

Она снова потянулась к нему, прижалась смеющимся прохладным лицом к его пересохшим горячим губам.

А потом он сидел в своей комнатке, курил, думал, улыбался, вздыхал неизвестно почему: на сердце-то был ясный полдень. Но как только успокоился, сразу же сел к столу и развернул перед собой синенькие тетрадки Гавриила Семеновича Некрасова. Долго в эту ночь беседовал Сибирцев со старым проходчиком.

Переносил на отдельные листочки угловатые чертежики забоев, опять читал записки Некрасова, опять думал над ними,

иногда удивленно приподнимая брови или с сомнением пожимая плечами.

И все это время, все эти долгие часы сидел с ним рядом, прикасался к его руке Гавриил Семенович, — не такой, как был недавно в больнице, а во весь свой нестигаемый рост, с пепельной, по-шахтерски коротко стриженной головой, с тихой, все обнимающей улыбкой, в которой невольно так и угадывалось: — Эх, голубь ясный!.. Да ты посмелее, время-то не ждет!

И уже была глубокая ночь, уже тишина сонная стояла в коридорах шахтерского общежития, когда Сибирцев обмакнул перо в чернила и написал:

«О скоростной проходке основных выработок. Предложения Гавриила Семеновича Некрасова».

ГЛАВА 25

Как и было договорено накануне, технический совет начался ровно в двенадцать. Против обыкновения собралось много народа — не меньше пятидесяти человек, — командиры почти всех проходческих бригад, начальники участков, работники отдела нормирования и даже непричастные к делу забойщики, как вон Митенька Голдобин (ах ты, скорая помощь! — подумал о нем с теплой усмешкой Сибирцев), или комбайнер Алешков и его новый помощник Черепанов. Этакое собрание, вместо обыкновенного технического совета, почему-то обеспокоило Сибирцева. Он сказал об этом сидевшему рядом Степану Данилову. Но тот подмигнул:

— Так надо.

Пришел Афанасий Петрович Вошин. Его встретили слитным приветственным рокотом голосов. Сам главный инженер, Федор Лукич, вышел навстречу и почтительно пожал руку старому проходчику. Афанасий Петрович долго здоровался со всеми и каждому что-нибудь сказал. Черепанову поправил лацкан пиджака и, кивнув на Алешкова, спросил:

— В помощниках? Слышал. Любопытно.

Сибирцеву проговорил вполголоса:

— Много, брат, думал о вчерашнем разговоре в поезде... Не робей. — Сказал и сел неподалеку и еще раз огляделся: дескать, со всеми ли поздоровался, не забыл ли кого.

А вон и управляющий трестом Павел Гордеевич входит, за ним маленький-маленький человек в меховом треухе и форменной шинели, с нашивками инженера третьего ранга. Рогов сделал общий поклон, а с Сибирцевым поздоровался отдельно, потом познакомил его со своим спутником:

— Главный инженер треста, Тихий.

— Тихий... — повторил главный инженер, подавая Сибирцеву круглую мягкую ладонь, и посмотрел на проходчика выпуклыми зеленоватыми глазами.

— Ты понимаешь, ну бесчувственно посмотрел, будто я предмет какой, — почти пожаловался потом Сибирцев Соне.

Но вообще-то, Сибирцеву, может, только показалось, что главный инженер на него так посмотрел. Сегодня он был склонен замечать за людьми такое, на что в другое время и внимания бы не обратил. Это, наверное, от того, что сам-то он, то и дело ловил себя на непривычно порывистом движении, на нечаянно громком слове, на рассеянной улыбке, на том, что очень невнимательно прислушивается к собеседникам.

— Вы знаете, для чего мы сюда собрались... — сказал обычным, ровным тоном Филенков, поднимаясь за столом. — Я считаю, что обойдемся без вступительных речей. Начнем с самого главного...

— А мой запрос?.. Что вы, товарищ... Федор Лукич! — испуганно выкрикнул кто-то от дверей. — У меня же через полчаса семь групп начинают занятия... Я не могу в таких условиях!

Это был директор комбината рабочего образования, руководитель всей курсовой сети на шахте. На него с досадой оглянулись. Филенков вопросительно взглянул на начальника шахты, но тот сделал неопределенный жест и наклонил голову к плечу, очевидно, сказать хотел: — «Как знаете, Федор Лукич...»

— Докладывайте, — попросил Филенков директора. — Только покороче.

Директор коротко и доложил. Дело касалось курсантской группы комбайнеров. По штату должны обучаться шестнадцать человек, в соответствии с этим подобрано помещение, учебные пособия, преподаватели. Но на первое же занятие явилось около двадцати человек сверхштатных, назвавших себя вольными слушателями. С двадцатью еще мириться так-сяк можно было, однако день ото дня люди все прибывали и прибывали, и теперь количество «вольных слушателей» перевалило за сорок. При чем, то, что они «вольные», — только для красного словца, а на самом деле это ужас какой беспокойный народ, это такая публика, которой все в один раз вынь да положь, так что эти «вольные слушатели» затолкали уже и «не вольных». Что делать в такой обстановке? Нужно срочно перестраивать учебный режим, пополнить курсы оборудованием, преподавателями или...

— Или отчислить вольных слушателей! — закончил директор. — Иначе мы сорвем всю учебную программу.

— Не надо отчислять... — тихо сказал парторг Данилов.

— Правильно, — быстро согласился Филенков. — Ваше заявление о комбайнерах мы примем к сведению и... сегодня же что-нибудь придумаем. — Повернулся к Сибирцеву: — Слово имеет бригадир Сибирцев.

— Проходи сюда, Георгий Георгиевич, — пригласил Дубинцев. — Вот схема, документы...

Стиснув от непривычного волнения зубы, Сибирцев пошел по кабинету, пересек посреди него желтоватый солнечный луч, косо падавший из окна, и, остановившись у стола, случайно увидел знакомые глаза парторга Данилова. Парторга... Да, Степану-то теперь в десять, в двадцать раз труднее, чем ему, простому бригадиру проходчиков, а вот смотри, какой у него взгляд: спокойный, ободряющий. Еще через мгновение Георгий заприметил в самом дальнем углу, за чьими-то спинами лицо Сони, и в груди стало до невозможно-сти тесно, горячо, даже воротник пришлось расстегнуть. Соня, несовершеннолетняя ты девчурка, а как хорошо, если ты посмотришь вот так — открыто, ласково, если ты, не скрывая своего волнения, пригладишь маленькими руками свои светлые, колечками завитые прядки волос у висков.

Сибирцев почти успокоился. А как только он развернул схему многоциклической работы, и слова сами собой нашлись.

Он сказал, что восемьсот метров Третьего Западного за два месяца пройти можно, — в этом он убедился на примере шахтеров Прокопьевска, этому его учит наказ Гавриила Семеновича Некрасова. Что нужно? Нужно осуществить четырехсменный восьмициклический график, то есть совместить производственные операции во времени, в результате небольшого приспособления в четыре раза сократить сроки обмена вагонов в забое, установив только что сконструированный мощный вентилятор «Прходка-500», почти в шесть раз увеличить скорость проветривания после отпалки.

— Вот такие четыре условия, товарищи. Просто ведь? — Сибирцев оглядел собрание, и губы его тронула добродушная и немного выжидательная улыбка.

— И все это ты будешь делать только своей бригадой? — спросил в наступившей тишине Хлебников.

— А как же? Только своей. Но бригаду придется... как это, Федор Лукич? — повернулся Георгий к Филенкову. — Реконструировать?

— Переформировать. Пополнить.

— Да, пополнить. Вот, например, ты со своей бригадой целиком вольешься в мою скоростную...

— Можно... — без особого энтузиазма откликнулся Хлебников.

— Ради такого дела действительно можно поступиться своим суверенитетом! — засмеялся Рогов, а за ним засмеялся и главный инженер треста товарищ Тихий.

Сибирцев почему-то решил, что им уже все сказано, но только он хотел пройти на свое место, как на него со всех сторон посыпались десятки вопросов. Этим по существу и началось обсуждение его проекта.

К трем часам, когда шахтный гудок позвал в забой дневную смену, технический совет успел разработать общий план мероприятий. Всеми делами в скоростном забое поручено было командовать главному инженеру шахты Филенкову.

После совещания Сибирцев совсем уже собрался покинуть кабинет, но тут его позвал Рогов и, словно советуясь сам с собой, задумчиво сказал:

— Вот что, Георгий... завтра у тебя и здесь будет дел по горло, но ты все же постарайся выкроить часочка два... Я тебе устрою настоящую творческую встречу на Десятой. С проходчиками. Здорово должно получиться!

— Но я же не успею!.. — запротестовал Георгий.

— Должен успеть!

Сибирцев вышел в коридор, поискал взглядом Соню и только тут подумал: чудно как-то, раньше он и не замечал, что, если Рогов на чем-нибудь настаивает, глаза у него становятся узенькими, пронизывающими, голову он вскидывает высоко, задорно, а нос у него оказывается курносым. Не совсем курносим, а почти.

ГЛАВА 26

Вот и в последний вечер затеяли разговор об этом.

Вот уже и целая неделя прошла после технического совета на «Капитальной». Третий Западный готовился к работе, к невиданному еще на шахте размаху. Устанавливали оборудование: породопогрузочную машину — маленький бойкий экскаватор, подвешивали прорезиненные брезентовые трубы для нового вентилятора, перестилиали откаточные пути, в механической мастерской общими силами, по чертежам, оставшимся от Гавриила Семеновича Некрасова, изготавливали маневровую плиту-разминку для обмена вагонеток в забое. Главный инженер Филенков вместе с механиком и работниками технического отдела сидели часами над графиками — сменными, суточными, над маркшейдерскими материалами. Начальник шахты Дубинцев и парторг Данилов десятки раз черкали и перечеркивали список с новым составом скоростной бригады Сибирцева, советовались

с каждым проходчиком отдельно, наладили с ними семинарские занятия по технике. Советовались, перекраивали нозый состав бригады и не один раз поспорили.

Однажды Дубинцев отложил в сторону список и задумчиво покачал головой.

— Сомневаюсь я, Степан, — сказал он, — не ущемляем ли мы старого Вощина, определяя его помощником к Сибирцеву... Может, лучше бригадиром? Все же опытный проходчик, член бюро партийного комитета, Герой!..

Степан устало расправил плечи и прошелся вскруг письменного стола.

— Может, ущемляем? — повторил вопрос Дубинцев.

— Нет, не ущемляем... — отозвался Данилов, думая, очевидно, о чем-то другом. — Я говорил с Бондарчуком, он посоветовал обратиться к самому Вощину. А Воцин, знаешь, что мне сказал?

— Ну...

— Ущемить меня, говорит, нельзя. Я не по найму работаю. Налаживайте все так, чтобы дело не ущемить, а для этого самое верное — поставить бригадиром Сибирцева. Он молодой, горячий, скорый на руку, он вон как любит работу... А если что не сумеет — я тут как тут.

Продолжая свою мысль, Дубинцев снова заговорил:

— Вспоминаю одно стихотворение, и все не могу вспомнить... Но там от начала до конца есть хороший боевой переключик: «Коммунисты, вперед, коммунисты, вперед!».

— Вот мы и ставим коммунистов вперед — в бригаде ведь их одиннадцать...

— Но Воцин... — это же старейший коммунист. А Сибирцев пока...

— Вот именно — пока! — перебил Данилов. — А через полторы — две недели и его будем принимать. Пусть освоится с делом. И не надо больше об этом — все ведь решили.

...Третий Западный... Кто теперь на «Капитальной» не знал, не думал о Третьем Западном. Шахта работала как обычно — смена за сменой, сутки за сутками спускались в забой люди: и те, кого знал весь Кузбасс — прославленные, знаменитые; и те, кто пока работал потихоньку, незаметно, но кому обязательно предстояло выйти и в прославленные, и в знаменитые. День и ночь, утром и вечером вихрем крутились копровые шкивы — многометровые колеса, перематывая стальные канаты, замирая, словно в раздумье, и снова крутились, поднимая многотонными железными скипами бесконечный поток груза на «дневную поверхность». Как всегда, двигалась, шумела, работала, не за-

сылая, шахта. Забойщики, проходчики, комбайнеры и врубмашинисты делали свое дело каждый на своем месте, в свое время, но каждый из них помнил о Третьем Западном, беспокоился. И не только потому, что проходкой этого кпершлага решалась судьба плана на будущий год, не только потому, что Третий Западный вспарывал новые угольные поля — дело это обычное, — настораживала людей, даже очень далеких от проходки, совершенно новая постановка дела в этом глухом двенадцатиквадратном забое.

В непрерывных хлопотах провел эту неделю Георгий Сибирцев.

— Сонюшка, если бы ты знала, как мне трудно!.. — говорил он девушке в редкие минуты свиданий. Говорил, а не жаловался, глаза его при этом светились дерзко, с вызовом. Соня почти пугалась этого их неудержимого, непрестанного блеска. И весь-то Георгий как-то подобрался, казалось, каждый мускул его молодого могучего тела так и переливался, так и играл.

Ему нужно было поспеть всюду. Иногда он только оглядывался и мысленно восклицал: «Смотри, какой день-то нынче!» или: «Уже ночь?». Просыпаясь на рассвете, пружиной взвивался с кровати: «Утро! Смотри-ка ты, утро! Опять проспал!»

Он каждый день бывал по несколько раз в механической мастерской, у инженера Филенкова, в техническом отделе, обязательно в Третьем Западном — особенно подолгу в Третьем Западном. Спорил со слесарями, монтажниками, участковым механиком и, не веря на слово, сам опробовал породопогрузочную машину, включал вентилятор и стоял, блаженно улыбаясь, когда в лицо, в грудь ударяла мощная волна свежего воздуха.

Со всеми новыми членами своей скоростной бригады он уже не однажды переговаривал, каждому, как он думал про себя, постарался заглянуть в душу, не замечая, что своя-то душа всегда нараспашку.

С Хлебниковым на первых порах побеседовал сухорато. Сказал, что упомянул он о его бригаде на техническом совете не случайно, что, как тут ни крути, ни верти, а объединяться нужно, так что пусть бригадир подготовит своих людей к этому. Приказ шахтоуправлением уже заготовлен.

Хлебников что-то неопределенное поворчал себе под нос, потом вскинул упрямые, широко поставленные глаза на Сибирцева и сказал:

— Если приказ, так нечего и говорить... Но имей в виду, Георгий Георгиевич, мы теперь все, как один, на курсах комбайнеров. Слышал, как директор КРО жаловался на «вольных слушателей», которые срывают учебную программу? Это мои

проходчики ему кровь испортили. А что он может поделывать? Право на образование. Так что ты имей в виду... проходчики мы на короткий срок.

Второй раз, в тот же день, они поговорили душевнее, взволнованнее. Сибирцев увидел Хлебникова у окошечка кассы, подошел к нему, взял за плечи и сильно, круто повернул к себе лицом.

— Что ж ты, Гоша? — спросил он полушепотом. — И ни слова мне!..

Хлебников заморгал, осторожно снял руки Сибирцева со своих плеч и даже отступил немного.

— Я не пойму... Ты о чем?

— Так ведь пока я был в Прокопьевске, ты у меня в бригаде три смены провел. Большое тебе, Гоша, спасибо... Вон и мой напарник говорит: «Спокойный, дельный мужчина. Очень помог нам».

Уши у Хлебникова стали розовыми, он сдержанно рассмеялся:

— Какой я мужчина... А насчет спасибо... Мы же, бригадир, одной заботой живем.

— Ты назвал меня бригадиром...

— А кто же ты мне?

— Значит, говорил с ребятами?

— Говорил. Как закричали, как замахали руками...

Сибирцев на секунду плотно сжал губы и потупился.

— Отказываются?

— Почему отказываются... Он, говорят, совсем нас забыл, мы, говорят, кость от кости, плоть от плоти, мы же с ним не один год работали, а он о нас когда вспомнил? Он что нас почти на готовенькое зовет? Мы, говорят, ему это припомним. Так что... — Хлебников подошел к Сибирцеву, взял его за борт пиджака и с жаром проговорил:

— Бригадир, ты шевели там народ! Поскорее бы!..

И никогда, наверное, Георгию Сибирцеву не забыть двух последних вечеров перед началом работы в Третьем Западном. Эти вечера они с Хлебниковым провели в доме Воиных. Вчетвером — Григорий Вошин, Афанасий Петрович, Хлебников и сам Сибирцев должны были командовать звеньями во всех четырех сменах, и теперь заново, до мелочей «обговаривали новую технологию снизу доверху» — так однажды заметил Афанасий Петрович.

Подолгу, целыми часами обговаривали. Сядут за угловой столик в горнице, развернут перед собой график, вычерченный на ватмане, и кто-нибудь начинает с привычного вопроса:

— Ну, а если?..

Ох, и много всплывало этих надоедливых «если». Но четверо шахтеров терпеливо, по косточкам, разбирали каждый положительный случай, каждое «если».

Екатерина Тихоновна приносила чай, иногда отложив тетрадки с уроками, к шахтерам подходил Павлушка, прислушивался, чуть-чуть приоткрыв пухлые губы.

Говорил чаще всего Афанасий Петрович, а возражал ему обыкновенно Григорий. Григорий за последнее время почему-то решил отпустить себе усы, — они были у него пока короткие, топорщились во все стороны, от чего лицо его казалось всегда сердитым и очень похожим на отцовское.

Десятки раз возвращались к организации буровзрывных работ. Сибирцев привез из Прокопьевска небольшую схему расположения шпуров в головановском забое, но она явно не годилась для Третьего Западного. У Голованова забой пробивался на три четверти по углю, а тут целиком по породе. Афанасий Петрович предлагал бурить двадцать одну скважину глубиной в два с половиной метра каждая. А Григорий настаивал только на семнадцати.

Вот и в последний вечер затеяли разговор об этом.

— Скважин можно натывать и полсотни, чтобы не мешать Павлушке готовить уроки, вполголоса говорил Григорий отцу. — Ты не забывай основное: КПД! На этом мы можем выгнать по сорок — пятьдесят сантиметров за цикл! Ты же сам знаешь, папаша, как важно правильно расположить скважины... Вот эти четыре средних мы забуриваем конусом на два с половиной метра и в первую очередь их взрываем, тогда боковые породы пойдут...

— Гриша, что такое КПД? — заинтересовался вдруг Павлушка.

— Коэффициент полезного действия, — ответил Хлебников за Григория.

— Значит, есть и бесполезное?

— Есть-есть, — повернулся к сыну Афанасий Петрович. — Вот то, что ты нас слушаешь, а не уроки выполняешь, — это уже бесполезное действие. Нажимай, брат, на КПД.

Павлушка обиделся и старательно заскрипел пером.

Часов в десять вечера Афанасий Петрович поднялся из-за стола и пристально оглядел своих молодых собеседников.

— Заканчиваем? — спросил Григорий.

— Начинаем! — поправил его Афанасий Петрович. — Эх, сыны, не уставать бы, не стареть... каждый бы день начинать, что-нибудь новое, раскрасивое!

— Дядя Афанасий... — просительным тоном заговорил Сибирцев. — Я что думаю... Может, лучше тебе со своим звоном завтра выйти на первую смену... Может, это солиднее?

Старый Вошин махнул рукой.

— Не выдумывай. Как решили, так и останется: я тебя смеяю, меня Гоша Хлебников, а в четвертую смену Григорий со своей легкой кавалерией. Все, сыны.

— А теперь можно и спать! — распорядился Афанасий Петрович! — Да крепче спите... Холостежь... — вздохнул, оглядел Сибирцева с Хлебниковым. — Пора уж и о семье вам подумать, — видишь, какие вымахали.

Проходчики переглянулись.

— Все присматриваемся, Афанасий Петрович!.. — засмеялся Хлебников. — Не подберем по сердцу...

— Не подросли наши невесты, — подтвердил и Сибирцев.

Распрощались с хозяевами и вышли. На ближнем углу Хлебников спросил:

— Ты, конечно, домой?

— Нет. — Сибирцев ускорил шаг. — Я зайду к Соне.

— А-а... — Хлебников тоже заторопился и, поравнявшись с бригадиром, спокойно заметил: — Тогда нам по пути.

Несколько минут шли молча. Потом Сибирцев со сдержанным раздражением обронил:

— Слушай, не пора ли нам кончать эту игру в прятки?

— А для меня это не игра, это судьба моя! — Хлебников нервно передернул плечами и, хотя было сравнительно тепло, поднял швейковский воротник пальто. — Знаешь, Георгий Георгиевич, суди меня как хочешь, а не могу я забыть ее... Вот какая моя судьба.

— Так ты бы поговорил со своей судьбой окончательно...

— Я подумаю.

— Можешь опоздать.

— Жениться?

Георгий промолчал. У каменного жилого корпуса, где находилось общежитие девушек, они расстались.

ГЛАВА 27

Сегодня с севера косым темным крылом поднялись облака, но заслонить солнце у них, видать, сил не хватало. С утра солнечные лучи играли желтовато-синими переливами в нагорных снегах, слепили глаза, сердце радовали. Хорошо жить под таким вот привольным сибирским небом.

Выйдешь из шахты, окатишься горячей водицей в душевой, дохнешь первой папиросной затяжкой, ступишь через порог на

улицу и зажмуришься — до того светло, до того празднично над родимой землей! Даже домой, под крышу не манит, и сон после смены не берет.

Пройдешь по городу, поздороваяешься со знакомыми, постоишь на перекрестке двух новых шахтерских улиц у репродуктора и слушаешь: вон, какой радиопереклик над Кузбасом!

Шахтеры Ленинска тревожно спрашивают у анжерцев: «Что ж вы, земляки, делаете после праздника? Пора завершать годовую программу, а за прошлую пятидневку вами недодан почти эшелон угля! Мы покрыли ваш долг перед государством, но это не успокаивает, ведь наш эшелон мог быть и сверхплановым. За чем у вас остановка? Какая помощь требуется?»

Выступает скоростник-проходчик из Прокопьевска Иван Селиверстович Голованов. Откашливается, шелестит бумажками и, наконец, говорит:

«Георгий Георгиевич... Товарищ Сибирцев, ты меня слышишь? Хочу перед тобой отчитаться за первую половину месяца. Что у меня за истекшее время произошло... — Голованову, очевидно, не понравились слова «за истекшее время», и он поправился: — Вот что у меня в забое произошло, Георгий Георгиевич...»

Это неожиданное обращение (вчера получил письмо от Голованова) застало Сибирцева на крыльце дома. Он удивленно приподнял голову и, забыв застегнуть шинель, постоял, потом сел на ступеньку, закурил. Голованов уже закончил свое короткое выступление, свой радио-отчет, а Георгий все сидел. Здесь его и застал вывернувшийся из-за угла Митенька Голдобин и тоже очень удивился:

— Ты что прохлаждаешься?

Сибирцев бросил папироску и быстро встал.

— Понимаешь, Митя, Голованов из Прокопьевска сейчас говорил мне по радио о своих делах. У него получается почти триста пятьдесят метров в месяц, но он идет по углю. А у тебя, говорит, Георгий, породный, и ты смело можешь замахиваться на двести метров. Видишь, что получается: на двести, когда мне нужно четыреста двадцать! Неужели мы просчет сделали?

— Э-э... э-э!.. — замахал руками Голдобин. — Какой может быть просчет? Идем сейчас же на радио, и ты там во весь голос, на весь Кузбасс скажешь, что не двести, а именно четыреста, да еще с хвостиком! Мол, всей шахтой считали! Пошли, отвечать будешь!

— Отвечать придется, — успокоившись, согласился Сибирцев. — Только не сегодня. Нечего пока отвечать Ивану Селиверстовичу.

— Но у тебя же на лад дело идет?

— Не идет, а только начинается, я же отправляюсь на первую смену в Третий Западный?

— Сегодня?

— Сейчас.

— О-о!.. — Митенька снял шапку и, чтобы скрыть внезапное волнение, церемонно поклонился. — Завидую, Гоша... От всего моего забойщицкого сердца... успеха тебе! И знаешь, что? Я как раз иду в редакцию, я там это мигом проверну!

— Дмитрий! — строго прикрикнул Сибирцев. — И не думай. Ни одного слова!

— Эх, Георгий Георгиевич... — деланно вздохнул Митенька, провожая бригадира до калитки. — Я же рабкор, понимаешь? Рабочий корреспондент!

— Знаешь что, рабочий корреспондент, — попросил Сибирцев, — потерпи до завтра.

Митенька с сомнением пожал плечами.

— Если, конечно, вытерплю...

— А ты попробуй...

— Да, ладно, чего там... — Митенька расхохотался.

Слегка потолкали друг друга в грудь и разошлись.

Тихо сегодня под зимним сибирским солнцем, а Сибирцев себя чувствует так, словно идет навстречу сквозному шквалистому ветру. Рвется он навстречу ветру, а впереди у него дальние-дальние горы, ну точь-в-точь как вот на горизонте сейчас — голубые, со снежными отвесными кручами, и должен он добраться до этих гор, взойти на них. Да что там говорить, у каждого в жизни есть свои дальние горы. Должны быть!

А на шахту он сегодня пошел минута в минуту, только чтобы поспеть к наряду. Хватит бегать, совещаться, хлопотать, начинается обыкновенная работа, он идет на обычную смену.

В раскомандировке сразу же нашел свое звено в полном составе: Мину Измаилова, Саньку Лукина и прежнего напарника, девятнадцатилетнего Ивана Ивановича.

Санька Лукин тоже увидел бригадира и немедленно подбежал, размахивая электрической лампочкой. Подбежал и заговорил, заторопился:

— Гоша... Ты что же? Осталось десять минут до наряда! Сам главный инженер сегодня командует... А мы еще и не посоветовались!

— О чем?

— Ну... вообще.

— Вообще не о чем советоваться. — Сибирцев осмотрел снаряжение Лукина. — Инструмент в порядке?

— О чем разговор...

— Только об инструменте — все также спокойно отозвался Георгий. — Я сейчас переоденусь и — за нарядом.

— Но ты посмотри! — остановил Лукин. — Почти вся наша бригада собралась и тоже налаживается с нами в шахту...

Сибирцев оглянулся, и на самом деле у дверей участковой комнатки увидел почти всю свою бригаду: в спецовках, с лампами и даже с инструментом. Сердце у бригадира заняло от обиды. Подошел к проходчикам постоял и тихо спросил:

— Вы это куда? На пожар?

Выступил вперед Юрий Саенко и, заикаясь сильнее обычного, сказал:

— Георгий... П-первая с-смена — это з-запелка. В случае чего, п-поможем для р-разбега!

Сибирцев отрицательно покачал головой.

— Вы мне сами предоставили право сделать запелку. Будьте же шахтерами, не смешите народ. Я прошу...

Медленно, нехотя, провожаемые настойчивым взглядом бригадира, проходчики мало-помалу разбрелись.

Сибирцев торопливо вышел в гардеробную, переоделся, взял в ламповой аккумуляторный светильник и, отмахивая сразу по три ступеньки, поднялся на второй этаж. И здесь, прямо на лестничной площадке, в толпе девчат, увидел Сою. Она, наконец, поджидала его, потому что тут же бросилась навстречу, но остановилась шагах в двух, торопливо запахнула серебристую беличью шубу, каким-то ищущим, беспокойным взглядом, присмотрелась к Георгию, спросила:

— Гоша, ты на смену? Гоша, а ты не обиделся за вчерашнее?

— Нет... Не было обиды, Соня... — он замялся на секунду.

— Я виноват, Соня.

— Только ты будь всегда... обыкновенным, — сказала Соня.

— Это так хорошо...

Густая краска залила щеки, шею, уши Сибирцева. Он шагнул к девушке, наклонился и впервые при людях поцеловал ее в мягкие, испуганно дрогнувшие губы.

Наряд сегодня, как наряд — дело обыкновенное. В просторной комнате, со скамьями у стен, собрались начальники участков или их помощники, мастера, бригадиры. Сибирцев сел рядом с горным мастером Зулиным, который вместе с бригадой перешел в Третий Западный. Зулин сразу же сделал пребольшие глаза и зашептал:

— Ты знаешь, какой нам сегодня наряд на смену вкатили?

— Метра?

— Не километра же. С ума можно сойти!

— Все можно, — без улыбки подтвердил Сибирцев. — И с ума можно, и с умом можно... смотря по характеру. Но ведь ты не вправду удивляешься-то насчет четырех метров?

Зулин охотно согласился:

— Оно, может, и неправда, но я такой уж...

Вошел Федор Лукич Филенков и занял место за столом. Начался наряд. По вызову вставали начальники участков, командиры смен, врубмашинисты и, получив задание, а кое-кто и выговор за работу в прошлую смену или ободряющую похвалу, уходили в забой.

Филенков назвал фамилию начальника комбайнового участка.

— Кто сегодня комбайн ведет?

— Помощник Алешкова—Черепанов.

Филенков оглядел нарядную.

— А где Черепанов?

— Он уже в лаве,—виновато заговорил начальник участка.— Очень беспокоится Михаил Зотыч. Решил заранее под нагрузкой опробовать машину...

Главный инженер выбил пальцами дробь по столу и кивнул:

— Передай, что я вместе с ним беспокоюсь... И еще передай, что он с сегодняшнего дня не помощник, а водитель. Приказ сегодня подписан. Сколько берете за смену?

— Я не знаю, Федор Лукич... — командир замаялся. — Вчера ведь установили новый бар к машине... Как еще пойдет...

— Ты командир и обязан все знать о своем участке! — чуть повысил голос Филенков. — О людях, о машине, о забое... Возьмите за смену шестьдесят метров — полцикла, остальные шестьдесят пять — в ночную. Счастливо.

Перелистав сменные рапорты, он снова медленно оглядел нарядную и, не называя фамилии, обратился к Сибирцеву:

— Четыре метра на смену. Постоянное крепление, с полной затяжкой бортов. Вопросы будут?

Сибирцева почти обидела такая нечаянная скуповатость главного инженера. Он встал, невнятно сказал, что вопросов не будет и, жестом позвав за собой Зулина, тронулся к дверям. А Филенков, затаив в глазах задумчивую улыбку, подождал, пока бригадир подойдет к дверям, и окликнул:

— Гоша!..

Сибирцев повернулся.

— Я слушаю, Федор Лукич...

— Недавно звонил из горкома Виктор Петрович... От своего имени, а также от имени Павла Гордеевича... Ты знаешь, что они тебе пожелали...

Сибирцев сглотнул комок, подкативший к горлу.

— Знаю, Федор Лукич...

— Я тоже тебе желаю самого доброго.

На памяти Георгия, это было самое молчаливое путешествие к забою. Шли вчетвером: впереди Лукин с двумя бурильными штангами, за ним Сибирцев, тоже со штангами и топором, а позади Мина Измаилов с Иваном Ивановичем. Мелодично позванивали подвешенные к петлицам курток победитовые буровые коронки бледно-голубого закала, иногда тоненько запевала стальная поперечная пила, ударившись о боковую стойку, и опять слышен был только размеренный звук шагов. Далеко еще до забоя — километра полтора. Сибирцев успевает о многом передумать. Вспоминает и ночной разговор с Соней, о котором она упомянула сегодня при встрече.

Вчера вечером он все же зашел к ней. Подруг соинных не было. Сели у окна, не сдерживая улыбок, посмотрели друг на друга, потом Георгий от чего-то расхрабрился и одним духом выпалил:

— Придется тебе, Соня, переходить на работу ко мне в забой!

Соня перестала улыбаться и с недоумением посмотрела на него.

— Почему придется! Что ты говоришь?

Откинувшись на спинку стула, Сибирцев пространно объяснил:

— Потому что обстановка у меня в забое заставляет...

— У вас в забое...

— Да, у нас в забое. Налаживаем дистанционное управление на откатке груза — это раз. Будут работать два нососа — водищи, как в потоп, хотя я точно не знаю, сколько ее было в потоп, — это два, а там найдется три и четыре, значит, нужен квалифицированный, высококвалифицированный моторист. А потом... — он сделал многозначительную паузу. — А потом, в конце концов, я хочу, чтобы ты была поближе ко мне. Имею я право хотеть?

Глаза Сони потемнели, а на тоненькой загорелой щеке быстро забила синяя жилка.

— Не имеешь права!.. — сказала Соня раздельно. — Что это у тебя за хозяйские замашки?

— Но я же хозяин своего дела! — попробовал свести все на шутку Георгий.

— Но мне-то ты кто? Хозяин или друг? Не говори больше так никогда! — она провела ладонью по лицу и слабо улыбнулась. — Ой, я даже вспотела от испуга... Ты мне показался таким чужим.

...Вот скоро уже и Третий Западный. Сибирцев незаметно для себя убыстряет шаг. Идут мимо диспетчерской второго района. В дверях стоит девушка. Машет рукой.

— Скоростники? Счастливо, ребята!

У разминовки встречаются с запальщиком.

— Георгий Георгиевич! — окликает он Сибирцева. — Тро- нулись? Ни пуха, ни пера! Ровно через тридцать минут, по графику, буду заряжать ваш Западный. Ни пуха, ни пера!

Сила, сила какая подхватывает Сибирцева! Не идти, не бе- жать, а лететь бы, лететь туда, где упрямо, безмолвно каме- неет стена Третьего Западного. А ну, расступись, раздайся, мертвый камень!

И вдруг Сибирцев замедляет шаг. Только сейчас, вот сию минуту, ему совершенно ясно представилось, что не один ведь он сегодня начинает свое новое дело. Не один.

Где-то в далекой пустыне гидротехник убрал стальную пе- ремычку, и в новый канал хлынула прохладная живая вода. Полные пригоршни ее зачерпнула старая узбечка и задумчиво смотрит, как падают на горячий песок светлые капли. Жизнь.

А вот еще дальше, в неведомой для Сибирцева Молдавии, юный садовод посадил свое первое дерево, и голые, тонкие ве- точки послушно закачались на утреннем ветру. Жизнь!

Новобранец-солдат, вскинув винтовку на руку, только что стал на свою первую сторожевую вахту. Взгляд у солдата зор- кий, шаг такой, словно каблук припечатывает.

На другом конце государства, в тишине маленькой студен- ческой комнатки, черноволосый парень придвинул к себе чистый лист бумаги и сверху написал: «Во имя жизни. Повесть». Пер- вая в жизни повесть.

А настанет вечер и миллионы миллионов огней вспыхнут по городам и селам Родины. Угля, больше угля, чтобы во веки веков не гасла эта необозримая россыпь огней.

Через полчаса горный мастер Зулин, задержавшийся по делам транспорта в диспетчерской, торопливо пробежал по лужам к Третьему Западному. Метрах в двухстах от забоя он остановился и, наострив уши, прислушался. Тишина-а... Тиши- на. Булькает где-то поблизости струйка воды, колотится сердце. Тишина. Но вот совершенно отчетливо по выработкам разнесся протяжный предостерегающий крик:

— Э-э-э-й... Береги-и-сь!..

Через секунду каменные стены Третьего Западного дрог- нули от взрыва.

ГЛАВА 28

Сессия началась почти без опоздания, если в это «почти» укладывалось двадцать минут.

Председествовал депутат от восемнадцатого избирательного округа комбайнер Михаил Зотыч Черепанов. Секретарем избрали, как нарочно, тоже комбайнера — с Десятой шахты Емельянова Севастьяна Емельяновича. Члены исполкома заняли места в президиуме и среди них — Рогов с Бондарчуком.

Рогов шепнул секретарю горкома:

— Крутой у меня сегодня денек... два новых комбайна пустили. В голове шумит, а какая шахта шумит — понять не могу.

Бондарчук показал глазами в сторону Черепанова, который в это время поднялся за своим председательским столом, и, немного ссутулившись, позвонил в колокольчик.

— Посмотри-ка... комбайнеры нынче в какой моде! Вот парень вымахал! Как он теперь на машине управляется, не слышал?

— Слежу, — ответил Рогов. — Грудновато ему. Да ведь, когда же бывает легко, если в гору...

О выполнении наказов избирателей докладывал председатель исполкома городского Совета Ефанов. Фигура у председателя немного полная, представительная, голова, гладко выбритая, сидит на плечах красиво, нос орлиный, глаза навывкате, влажные. Дельный работник, но любит фразу.

«Обязательно будет трест ругать, — решил про себя Рогов. — Что ж, он, пожалуй, прав. Порядочно прорех у треста. Ну, ничего, я и сам об этом скажу».

Да, председатель и на самом деле начал с того, что план жилищного и культурно-бытового строительства трестом недо- выполнен.

Бондарчук наклоняется к Рогову:

— Ты что, оправдываться будешь?

Рогов шевельнул бровью: зачем оправдываться?

Сам-то он сделал бы доклад немного иначе, во всяком случае горячее. Вот только что у самых окон горисполкома прогремело два эшелона с углем, добытым избирателями. А десять километров асфальтовых дорог кто проложил за лето? Избиратели. А водопровод на Десятую, разве не вывели методом народной стройки? Или зеленый парк на берегу реки! — Все избиратели! Что ж он об этом не говорит?

Бондарчук снова шепчет, словно подслушав мысли управляющего:

— Вот что стадион осенью засыпали шахтной породой — за это стегать надо, да так, знаешь, стегать!..

— Безобразие... — соглашается Рогов. — Но ты же сам видишь: некуда деть породу, горы кругом... И, кстати, по генеральному плану...

Бондарчук перебивает:

— Не поместится футбольное поле на твоём генеральном плане.

— Весной соорудим.

— Весной... А каток, где будешь сооружать? Взгромодили на молодежный стадион целую гору породы, а теперь диву даемся: «Как же это нас угораздило?!».

Рогов внимательно слушает доклад и в то же время с любопытством следит за поведением председателя сессии, присматривается к депутатам в зале.

Движения у Черепанова медленные, смуглое лицо с высоким чистым лбом, карими задумчивыми глазами сосредоточено. Вот Черепанов что-то шепчет секретарю, смотрит на часы, на докладчика, читает очередную записку из зала и, отыскав кого-то из депутатов глазами, клонит голову. А записки — белые квадратики — все плывут и плывут по рядам в президиум. Бурными должны быть сегодня прения.

Рогов смотрит в глубину зала. Много знакомых лиц. Депутаты. С кем из них и о чем он говорил за последнее время? Вон главный инженер Десятой — Щербачев. Ну, с ним-то Рогов разговаривает, как правило, каждый день. Каждый день, а все не может раскусить человека: то он вспыхивает у какого-нибудь нового дела, загорится, заторопится, а то вдруг непонятно отчего заскучает, увянет и почти никакой возможности нет растормошить его. Не далее, как вчера Рогову рассказали, что на последнем заседании партийного бюро шахты Щербачев высказал совершенно ошеломляющее, дикое предположение. Он сказал, что сплошная цикличность, хотя бы этого товарищи или нет, связывает по рукам и ногам стахановскую инициативу. Связывает по рукам и ногам! Крупный у Рогова разговор с этим инженером, срочный разговор. Вот «теоретик»!

Скрестив руки на спинке переднего стула, Рогов прислушивается к докладу, а сам все смотрит и смотрит в глубину зала, потом взгляд его нечаянно останавливается на первом ряду и сердце вдруг не то чтобы сделало перебой, а просто, по-юношески горячее, погнало кровь по жилам. Между Афанасием Петровичем и Григорием, опустив голову, сидела Галя, до удивления маленькая, юная. Да, юная... Как он раньше этого не замечал. А может замечал?

— Ты чем-то взволнован?.. — опять шепчет Бондарчук, и глаза у него... Ох, какие у него понимающие глаза!

Нет, Рогов не взволнован, просто он немного досадует по поводу второй части доклада. Скучновато. Лучше уж Ефанов показал бы план реконструкции центрального района: — вот как будет выглядеть рудник через полтора — два года?

Рогов снова повертывается к залу и взгляд его невольно останавливается на первом ряду. Вот они Воишины. И вот Галя...

Нет, он ее впервые видит такой. Какой? Юной? Не впервые. И в прошлый раз, когда они встретились в морозный ясный полдень — впервые встретились после полутора лет — Галя была такой же: глаза открытые, спокойные, лицо с мягкими линиями около небольшого рта, как и у отца немного курносое.

Рогов вспоминает, как он тогда удивился их встрече, как Галя засмеялась тихонько и укорила его в шутку, что он не желает узнавать старых знакомых.

— Что ж вы глаз не кажете в трест? — в свою очередь, деланно начальственным тоном спросил Рогов. — Приказ заготовлен, работа ждет... А какая работа! Специально для вас придумал.

— Ей-богу, виновата... — призналась Галя. — Но ничего не могу поделать. Мама меня попросила побыть дома, пока папа не вернется с курорта. И вот я сижу дома... Соскучилась я, Павел Гордеевич, и о своих книгах, и о рассказах мамы, и о бесконечных павлушкиных «почему»... И о городе нашем соскучилась... — после короткого раздумья добавила Галя.

Они прошли полквартала и остановились. Рогову нужно было возвращаться. Девичий ломкий голосок по радио пропел:

Услышь меня, хороший мой,
Услышь меня, красивый мой...

И, словно в ответ на этот бесхитростный песенный призыв, Галя сказала:

— Вот, Павел Гордеевич... Больше года я пробыла у наших друзей на Западе. Видела, как тракторы с маркой «ЧТЗ» перепашивают частые крестьянские межи, слышала русские песни на многих языках, любовалась книгами Пушкина, Тургенева, Шолохова, изданными в Польше, Болгарии, Венгрии. Меня до слез волновали очереди у кинотеатров, в которых демонстрировались советские фильмы... Я видела шахтеров Польши, называющих себя стахановцами, пастухов на горных пастбищах Албании, девушек-ткачих в Софии и... Я столько с ними говорила о нашей Родине, что сама до слез, до головокружения соскучилась, истосковалась по ней. Хожу вот сейчас по городу, и у меня

руки тяжелеют от... Я не знаю от чего, наверное, от желания работать, жить... Еще лучше, умнее жить! Это так теперь много значит... Особенно теперь. Уезжала вот недавно из Румынии и, не поверите, заплакала на вокзале... И девушки, провожавшие меня, заплакали. Мне жалко было расставаться с моими новыми друзьями — в них столько молодого огня, такая теперь мечта ведет их по дорогам. А во мне они видели... частичку нашей жизни...

Голос у Гали перехватило. Рогов пожал ей руку и снова, присмотрелся к ее лицу. Русская, курносая...

Договорились, что скоро должны увидаться в тресте и расстались. А теперь, значит, опять...

— Да ты что, не слышишь? — тормошит сбоку Бондарчук. — Стихи что ли сочинишь на старости лет? Перерыв!

На самом деле перерыв. Проворонил. Вон и Вошины уже идут к дверям. Рогов снова бессознательно отмечает про себя: Галя в длинной синей юбке в белый горошек, кремовой блузке с узенькими манжетами на запястьях, и на голове венец из пепельных кос. Нет, Рогов ее никогда такой не видел.

А Бондарчук стоит рядом и смотрит, и смотрит на управляющего, вытаскивает пачку папирос, раскрывает, подает.

— Закури, горный директор, это, знаешь, иногда совершенно необходимо. Прогуляемся?

Вышли в вестибюль. Но царю было так много, что ничего другого не оставалось делать, как постоять, прижавшись к стене. Сотнеголосый густейший рокот плыл под просторными потолками вестибюля. Мимо Рогова и Бондарчука, часто осматриваясь, чтобы пожать им руки, проходили депутаты. Разговоры все больше о докладе, о предстоящих прениях. И если судить даже по этим отрывочным разговорам — настроены депутаты по-боевому.

— Ох, и взбучка будет строителям! — горячо говорит молодой безусый депутат. — Уж мы выскажемся!..

— Да, они выскажутся! — с удовлетворением подтверждает Бондарчук и повертывается к Рогову. — Ты будто немного не в себе? Или мне показалось?

— Показалось... — успокоил Рогов — Это тебе показалось. Я же говорил, что в голове у меня до сих пор шумит, а какая шахта шумит — понять не могу...

— А сердце?

— Сердце... как сталь!

— Ишь ты!.. — усмехнулся секретарь. — Приятно иметь рядом человека с таким... индустриальным сердцем.

Их полушутливую пикировку прервал, заведующий клубом, выкрикнув через головы гуляющих депутатов:

— Виктор Петрович! К телефону! Срочно!

Бондарчук погоревал:

— Опять к телефону!.. И кто это изобрел такой беспокойный аппарат?..

После ухода Бондарчука Рогов искал, искал глазами Воиновых, но так и не мог найти, зато совсем рядом увидел Черепанова с секретарем сессии, комбайнером Емельяновым, на вид мрачноватым, черноволосым парнем с маленькими, пронзительными глазами. Рогов знал о их давней, еще со школьной скамьи, ревнивой дружбе, и сейчас невольно заинтересовался: о чем же дружки комбайнеры беседуют? Подошел.

Михаил и Севастьян в одно время оглянулись на управляющего и оборвали беседу на полуслове.

— Уж не спорите ли, товарищи руководители сессии? — спросил Рогов.

Руководители сконфуженно рассмеялись.

— Нет, не спорим... — ответил Черепанов. — Только я понять не могу: откуда у Севастьяна всегда такой ершистый зазор или не зазор, а зазнайство...

— А может зазор? — баском проговорил Емельянов.

— В чем же зазор? — полюбопытствовал Рогов.

— Да вот хотя бы и в нашем комбайновом деле... — спокойнее, рассудительнее продолжал Черепанов. — И это не зазор, а зазнайство. Я Севастьяну говорю, что ты присматривайся к тому, как мы осваиваем машину, мы это раньше начали, у нас кой-какой опыт. А он что мне? «Такого опыта и у нас хоть отбавляй. Я подобрал группу парней...»

— Да, подобрал, рукастых, с талантом! — подхватил с вызовом Емельянов и покосился на Рогова. — С талантом, Миша!

Спор, очевидно, продолжался бы в том же духе, если бы к ним быстро не подошел секретарь горкома...

За несколько лет совместной работы большой, душа в душу жизни, Рогов так изучил повадки Бондарчука, так безошибочно научился читать на его лице малейшие душевные движения, что сейчас с первого же взгляда понял: случилось что-то очень неприятное, тяжелое.

Чуть разомкнув перед этим строго сжатые губы, Бондарчук обронил:

— Поезжай, Павел, на «Капитальную»... Комбайновая там... Сразу же позвони.

Ни слова не сказав, Рогов повернулся и крупно зашагал к раздевалке. Он не мог видеть, как Черепанов, с мгновенно су-

жившимися глазами, стремительно подался к Бондарчуку и сухим хрипловатым шепотом спросил:

— Комбайновая, Виктор Петрович?... Тогда мне.. немедленно туда же!

— Тебе... — Бондарчук оглянулся на депутатов, группами входивших в зал заседаний, и спокойно посоветовал:

— Тебе, Михаил Зотыч, надо руководить сессией. Иди, Михаил Зотыч...

ГЛАВА 29

Три часа, которые Черепанов провел за председательским столом, показались ему мучительно длинными, бесконечными. Но нужно было не только выждать, когда сессия закончит работу, нужно было этой работой руководить, советоваться с членами президиума, с самими депутатами, принимать решения, нужно было многое делать, чтобы не ощущалось ни малейшей заминки. И Черепанов делал все, что мог, но от желания поскорее оказаться на шахте весь так и напрягался. Он оглядывался на Бондарчука и, даже не оглядываясь, чувствовал по легкому движению в президиуме, когда секретарь выходил, очевидно, к телефону. Он возвращался, и Черепанов снова оглядывался, но по лицу, по выражению глаз Виктора Петровича, чуть прикрытых темными короткими ресницами, так и не мог понять, что же происходит в двадцать второй комбайновой.

В первый же перерыв после ухода Рогова, он сам кинулся к телефону. Из кабинета Данилова не отвечали. Позвонил дежурному по шахте.

— Двадцать вторая, как будто работает, Михаил Зотыч... — скороговоркой пробормотал дежурный. — Не беспокойся. Михаил Зотыч...

— Но что там, что? — попробовал допытаться Черепанов. — Лава или машина?

— Лава в порядке.

— А машина? Кто ведет, Алешков?

После небольшой паузы, дежурный сказал:

— Насчет Алешкова я справлюсь. Ты позвони позднее...

Окончательно расстроенный Черепанов положил трубку. Позвони позднее. Что же он сразу не мог сказать, кто ведет машину? Алешков, значит, Алешков, если нет.. Что за загадки?

Снова сел в президиум и, слушая выступление очередного оратора, добросовестно старался сосредоточиться.

— На тебя уже поглядывать начали... — шепнул Емельянов. — Возьми себя в руки. Если бы что серьезное, разве Бондарчук сидел бы здесь...

В президиум подают еще одну записку. Черепанов читает: «Миша, на шахте есть командиры. А оратор вот уже десять минут сверх регламента говорит. Вошин».

Значит, и старик знает про историю в комбайновой. Михаил смущенно, с благодарностью кивнул Афанасию Петровичу, потом сам написал и переправил ему записку: «После сессии подвезите меня на шахту».

Молодая учительница, с беленьким лицом и гладкой девичьей прической, сама скорее похожая на ученицу десятого класса, умно, напористо критикует городской отдел народного образования.

— Мы целые миры перед нашими детьми открываем! — звенит голос учительницы. — Каждый урок, каждая беседа — это маленький отрезок большого пути, по которому ребенок должен выйти в большую жизнь, в светлый, бескрайний мир нашей Родины. Надо, чтобы каждый такой отрезок, весь этот путь был выверен разведан педагогами с максимальной точностью. Нельзя около этого святого дела терпеть ни малейшего равнодушия. А инспектор горно, о котором я сейчас говорила, если и не равнодушен, то во всяком случае работает без огонька.

Молодая учительница разволновалась, тербит тоненькие кружева на рукавах коричневого платья и, передохнув немного, заканчивает:

— Товарищи депутаты, какое это счастье... Входишь с утра в класс и так тебе хорошо становится. Вот они, ребята!.. Встают... Садятся, смотрят на тебя, и в глазах у них... Такое у них в глазах нетерпение: что-то им сегодня скажет учительница, о чем поведает? А у тебя есть план урока, конспекты, но часто стоишь и думаешь, и мучаешься: с чего бы необыкновенного начать, какое бы первое слово найти, чтоб оно осветило, согрело весь урок? Вот в такие моменты особенно остро ощущаешь, как тебе необходим не ревизор-инспектор, а инспектор-методист, умный, душевный советчик.

Черепанова трогает выступление учительницы. Он соглашается с тем, как бывает трудно найти первое слово в беседе с учениками. Теперь у него и у самого есть кой-какой опыт на этот счет. Правда, он человек без высшего образования, а всего только с незаконченным средним, но все равно первое слово — это первое слово.

Вот уже полтора месяца ведет Михаил специальную дисциплину в группе врубмашинистов местного ремесленного училища. О первых-то уроках прямо жутковато вспомнить, столько он намучился, столько раз с горечью признавался себе, что не получается из него преподаватель. А потом все как-будто нала-

дилось. Не все, конечно, но самое-то трудное позади. Теперь директор даже похваливает, а ремесленники, если им верить, просто влюблены в свой специальный предмет. Пока еще очень робко, со всяческими оглядками, но все же полюбилось новое дело и Черепанову, недаром он теперь чуть ли не разрывается на две части между комбайновой и ремесленным. Да и то сказать, давно ли сам был учеником ФЗО.

Черепанов смотрит на часы. Одиннадцать. Все чаще поступают записки от депутатов с просьбой освободить от дальнейшего присутствия на заседании — пора на смену. Забой ждать не может. А желающих выступить еще около пятнадцати человек. Черепанов советуется с членами президиума и, наконец, обращается к сессии: что делать?

Сессия единогласно решает перенести заседание на следующий день.

Поздоровавшись в машине Воиных с Галей, Михаил снова почувствовал сосущее беспокойство. Что же случилось в двадцать второй комбайновой?

— Мало ли что... — словно отвечая на его мысли, заговорил Афанасий Петрович. — Затерло где-нибудь...

— Если бы только затерло, Рогов бы вернулся на сессию! — нетерпеливо возразил Черепанов.

— Ну, что там говорить о Рогове... — ворчливо заметил Вошин. — У него за каждым углом дела — зацепился за одно, а потом за другое...

Но сам-то Афанасий Петрович, когда они остановились у подезда шахтоуправления, почему-то не поехал домой, а вместе с Черепановым вышел из машины и мимоходом сказал Григорию:

— Ты езжай, а я ненадолго забегу в партком...

— И я, папа, с тобой, — решительно заявила Галя. — Передай там, Гриша, чтобы мама ужин готовила.

А Черепанов уже бежал по многочисленным переходам шахтоуправления, мимо кабинетов, ламповых, моек, бежал, придерживая сползающую на затылок шапку, и ног под собой не чувствовал. Но до дежурного по шахте он так и не сумел добраться. На одном из крутых поворотов слету наткнулся на Саныку Лукина. Тот ухватил Черепанова за пальто.

— Ты куда, Миша? В лаву? Опоздал. Уже увезли.

Так и похолодела спина у комбайнера.

— Кого увезли? Куда? — с усилием он выдавил из себя.

— Как кого?... — изумился Лукин. — Ты что, с неба свалился? Вся шахта уже знает...

— Я с сессии.. Говори! — резко перебил Черепанов.

— Алешкова и мотористку Рожкову... В больницу! — одним духом выпалил Лукин. — Рожкова-то отказывалась, а вот Алешков... Ему потруднее.

Почему увезли в больницу Алешкова и Сеню, что случилось на шахте — об этом Черепанов и спрашивать не стал. Он только горестно развел руками.

— Ну что же это за безобразие! Ну что же это за безобразие!.. — повторил он и, не замечая, не слушая больше Лукина, повернул к раздевалке.

Что-то пыталась ему рассказывать пожилая уборщица, потом кондуктор пассажирского электропоезда и, наконец, на подходе к лаве, все об этом же происшествии затеял разговор старичок-газозамерщик. Но Черепанов отмалчивался, отмалчивался и ни о чем не выспрашивал. Нужно было своими глазами все увидеть — в этом дело.

И он увидел... Что же особенное увидел? Нормальную машинную лаву: погрозхатывал вдалеке моторный привод конвейера, поскрипывая ползли по дну длинного железного желоба стальные гребешки скребков — на них от обрезного штрека медленно проплывали стойки, короткие обрезки досок, — материал для крепления рабочей части лавы; приглушенно звенели топоры, и над всеми этими близкими и далекими звуками, чад погромухиванием и шорохом конвейера, над звоном топоров и чьим-то невнятным говором навстречу Черепанову наплывал ширился, наступал властный гуд работающего комбайна.. Да, горный комбайн, — приземистый, зубастый — работал. Но это не удивило, а обрадовало Черепанова, удивило его, когда он подошел ближе, другое: комбайн вел управляющий трестом Рогов! А рядом с ним в напряженных позах — Данилов, Филенков, Дубинцев, механик Трохов — все шахтное начальство.

Рогов словно ведет машину за собой по чистой забойной дорожке на под'ем. Руки его на рычагах, он прислушивается к ровному шмелиному звону моторов, к незатихающему скрежету когтистых зубков бара, вспарывающих угольную целинную голшу и в то же время что-то говорит командирам шахты, не то объясняет, не то сам спрашивает.

Идет, идет машина и, обгоняя ее, ровной матово отсвечивающей бесконечной грядкой плывет по конвейеру уголь. Хорошо! Поработаешь вот так часочка два-три, даже просто побудешь рядом с такой работой и обо всем забываешь — и что десятки, сотни метров породы над твоей головой, что сразу же за конвейером, по ту сторону отсекающих крепежных кустов, тяжело оседает кровля, что справа от тебя целики, которые нужно еще крушить да крушить. Вот уже пройдены два, три метра и

можно приблизительно подсчитать, сколько это тонн угля — десять, пятнадцать... Через несколько часов в шахтоуправлении или в тресте, какая-нибудь незнакомая девушка-статистик берет чернильными пальцами обыкновенную конторскую ручку и в графе: «22-я комбайновая» записывает: 250 тонн.

А эти двести пятьдесят тонн уже на поверхности, в бункерах или, еще лучше — в железнодорожных вагонах. Вспыхивает зеленый глазок семафора, голосисто запекает локомотив... Только представить это нужно, и обо всем забудешь.

И Черепанов, действительно, прислушиваясь к слаженному рабочему ритму лавы, чуть ли не забыл, зачем прибежал сюда. И в такое-то время, когда с товарищами что-то случилось, когда, может быть, каждая минутка дорога, недаром же управляющий сам ведет машину. Но почему сам?

Обходя завалы и стойки, Черепанов два раза с трудом перелез через двигавшийся по конвейеру поток угля и сказался чуть позади Рогова. Тот сразу же заметил его по лучику света, оглянулся через плечо и двумя короткими движениями выключил моторы комбайна. В лаве сразу стало удивительно тихо, грохот и шмелиное пение моторов будто отсекли, и они канули без всякого отзвука где-то в дальних глухих забоях. Через несколько секунд в этой тишине тоже необычайно громко прозвучало восклицание Дубинцева:

— Я же говорил, что он сразу явится! Полюбуйтесь!

Рогов вытер влажный лоб под сдвинутой на затылок каской и, присев к стенке забоя, спросил:

— Закончилась сессия?

— Не закончилась, перенесли на завтра.. — начал Черепанов и тут же перебил себя:—Но что же такое случилось, Пазел Гордеевич? Почему их в больницу?.. Ведь это же первый случай в комбайновой...

— И последний... — без всякого нажима, ровным тоном сказал Рогов. — Неизвестно у кого, у Алексея ли Платоновича Алешкова или у его помощника оказался горячий характер не к месту... Мы в этом разберемся как следует, но это потом... А сейчас смена-то идет, берись-ка за дело, Михаил.

Командиры вскоре ушли, а минут через пять Черепанов тронул машину в недалекий, но трудный путь вверх по лаве.

Но выпросить Черепанов все же кое-что сумел у навалокрепильщиков, у дежурного электрослесаря, который сейчас заменял ему помощника на машине. Впрочем, и этого было вполне достаточно, остальное он уже без труда мог представить себе. Причиной несчастья оказалась самая элементарная и тем

более возмутительная небрежность. Это за Алешей Алешковым, при всей его преданности делу, водилось.

Вот и на прошлую смену он явился чрезвычайно возбужденным и сразу же высказал намерение «жать сегодня на все педали, так, чтобы искры из глаз! Хватит потихоньку, да с оглядкой!»

Ходко смена шла. И все большее возбуждение охватывало работников лавы, а в первую очередь самого Алешкова.

— Жми, жми, ребятки! — выкрикивал он, пересиливая машинный гул. — Крепильщики, не отставать! Эй, кто там! Зачищайте дорожку!

Крепильщики и без того шли вслед за грузчиком машины — освобождалось место для очередного крепежного круга и он, как по мановению волшебной палочки, уже стоял, подхватывая кровлю забоя поперечным верхняком и двумя коренастыми прочными стойками. Грузчик машины — маленькая стремительная катапульта — непрерывно извергал на транспортер черный фонтан угля.

Низкорослого Алешкова почти не видно за машиной, он весь ушел в работу, он захвачен стремительным темпом. Вторая скорость — метр двадцать в минуту! Включить бы третью! Эх, если бы включить третью! И Алешков пробует повести комбайн на третьей скорости, но сейчас же слышит условный сигнал помощника и вообще выключает ходовую часть, поджидая, пока грузчик не перекачает излишек угля на транспортер. Потом снова первая скорость, вторая... Если бы все время на третьей!

Но вот скоро уже и упорная стойка, с прикрепленным к ней стальным блоком, в которой продет натяжной канат. Канатом этим комбайн и подтягивает себя по забойной дорожке. Такая досада, что нельзя избежать остановок для переноса упорной стойки, что натяжной барабан может намотать всего до тридцати метров каната. Алешков решает подготовкой к переноске заняться сам, а на несколько оставшихся метров управление машиной передать помощнику. Не велика беда, что это молодой парень, что он всего месяц на практике, — он смывленный, бойкий, а какой это для него праздник — впервые взяться за рукоятки управления! Да еще в такую боевую смену!

Алешков резким свистом подзывает к себе помощника и, когда тот подходит, весело посверкивая белками глаз, говорит:

— Вася! Берись за управление!... — и заметив, как Вася невольно отшатывается, прикрикивает: — Ну-ну, гвардия, не трусы!

Отчаянно, тряхнув головой, помощник молча присаживается перед машиной.

Захватив кайло, чтобы заранее приготовить прямочек для установки упорной стойки, Алешков торопливо идет вверх по лаве. Вот и сама стойка, а около нее кто-то маленький, в неуклюжей ватной спецовке, задрав голову, внимательно рассматривает кровлю. Кто же это? А-а, Соня Рожкова, мотористка!

— Соня, ты что, кровлю не видела? — окликает Алешков.

— Стойка ползет!... — не оборачиваясь отзывается Соня. — В первый раз вижу...

— Как ползет? — недоверчиво спрашивает комбайнер и почти в ту же секунду издает два резких свистка — сигнал на машину: «Стоп!»

Помощник, видимо, растерялся, ничем иным нельзя объяснить, что вместо того, чтобы остановить машину, он включил вторую скорость. Алешков услышал это по звуку моторов. Услышал и со всей силой вытолкнул Соню из-под стойки. Однако, на какое-то мгновение они опоздали. Почти опоздали. Стойку вырвало, она с тупым стуком повалилась на почву.

...Вот что узнал Черепанов о происшедшем несчастье. Он крепче сжимает рукоятки управления. Только бы все обошлось с товарищами благополучно. — думает он. — Ох, и разговор же они устроят на шахте! Да, Черепанов прямо так и скажет:

— Алеша, дело тут не только в твоём характере, — в знаниях, Алеша, дело! Для нашего горного комбайна нужен не просто водитель, а техник... учиться нам надо, Алеша. Вот в чем дело!

ГЛАВА 30

В гранитных расселинах, среди темных таежных зарослей, с юга на север, через весь Кузбасс стремит свои горные воды Томь. Смотрятся в голубые зеркала ее километровых заводей, дремуче-старые камни, снега с хребтов, корпуса заводов, башни шахтных копров, ажурная вязь мостов. Ночами в ее неиссякаемых струях трепетными бликами отражаются огни электростанций, тысячеоконные города, тихие в этот час села... Течет неукротимая бурливая Томь день за днем, из века в век. Крутятся на ее просторах глубокие водовороты, гремят в скалистых щеках ревуны-водопады.

Склонись к ней жарким летним днем и услышишь каменный шорох, словно обточенную гальку кто-то изо всех сил перетирает в огромных ладонях. Течет кузбасская река с юга на север, падает в необозримую громаду Оби, и вместе с ней — в океан.

Это на берегах Томи почти два с половиной столетия тому назад, беглый крепостной Михаил Волков, впервые нашел го-

релую гору — черный горячий камень. Сколько его найдено нынче в Кузбассе!

Это недалеко от Томи, в давние-давние времена, на отрогах Салаирского кряжа, из поколения в поколение трудились казенные заводские крестьяне — «бергальи» — выжигали древесный уголь, плавил серебро и железо. Это десятки тысяч квадратных верст по берегам Томи, когда-то назывались «землями кабинета его императорского величества...» В вечность, в ничто кануло «императорское величество», а земли Кузбасса... Посмотри-ка ты, посмотри, что делается нынче на этих землях!

В 1928 году совсем недалеко от дряхлой Кузнецкой крепости раскинулись первые палатки кузнецкостроителей — землекопов, плотников, каменщиков. Не зря теперь города Кузбасса пересекают проспекты Энтузиастов. А выйдешь ночью из шахты, глянешь на север — зарево выше гор, в половину неба, — над городами зарево, над Томью.

— Одним словом, река местного значения! — с улыбкой говорит Степан Данилов, закрывая тетрадь с конспектом и географический атлас. — Много еще увидят берега Томи — это пока очень молодая река!

— Что ты говоришь, Степа? — выглянув из кухни, спрашивает Мария Тихоновна.

Степан машет над головой атласом.

— Это я по должности, мама, мечтать учусь. Специальное задание.

— Ну мечтай, коли по должности... — всерьез соглашается Мария Тихоновна и, немного погодя добавляет: — Тоня что-то забегалась на работе.

На самом деле, Тони все еще нет. Что же это она, скоро семь. Опять прибежит замерзшая, голодная и с тихой виноватой улыбкой будет отогревать холоднющий нос в ладонях у Степана. А потом скажет: — накорми. А потом: — почитай газету, я же ленивая!.. И уже когда спать пора, попросит: — расскажи, Степа, обо всем, что делал, слышал, о чем думал с кем встречался...

Жена, жена, неужели ты не понимаешь, что рассказать можно всего какую-нибудь сотую долю из всего, что слышал, думал, делал. Никакого времени не хватит рассказать обо всем, что переполняет душу.

— И вот еще что.. — спохватывается Степан, — никаких, Тоня, рассказов ты сегодня не услышишь. Полтора часа, которые твой парторг выкроил на подготовку беседы с агитаторами, истекли. Вот тоже неуклюжее слово: истекли! Лучше сказать пролетели, промелькнули. А теперь на шахту. Нет, Бондарчук

наказывал обязательно заглянуть в горком. Значит, — и в горком.

Степан пишет записку: «Где ж вы, где ж вы, очи карие? Я ушел в горком, а потом в шахту. Спи». Написал и на минуту задумался: проведет он сегодня беседу с агитаторами? Проведет. Но как? Вот именно! Чтобы только ни одного равнодушно-го слова, ни одной путаной тягучей мысли, как вон у партгруппорга пятого участка Фоминых. Степан побыл у него на беседе один раз, потом заинтересовался и второй раз заглянул. Фоминых беседовал с шахтерами по текущим делам на участке... Говорил как будто все правильно, но тон у него был такой скучнейший, что у шахтеров, наверное, скулы ныли от зевоты. Фоминых, глядя в листочки, называл фамилию, делал паузу, которая соответствовала тире в его записи, и зачитывал процент. Если цифра переваливала за сто, он молча оглядывал слушателей, если, после чьей-нибудь фамилии значилось меньше ста, партгруппорг не очень бодрым тоном подбадривал:

— Подтянуться надо бы как-то...

Обо всем этом Степан и сказал Фоминых. Тот, видимо, не обиделся на молодого парторга, но сказал с явным недоумением:

— Я же не оратор, а проходчик, я больше работой агитирую.

На самом деле, Фоминых не оратор, но двадцать семь лет его работы на шахтах — сами за себя ораторствуют. Это такой агитационный «материал», которому и цены не подберешь. Человек он немного гордый, но вида не показывает, а партгруппорг дельный. Дельный, когда дело касается организации каких-нибудь мероприятий но... без'языкий.

Подумал Степан, что же предпринять и, наконец, поговорил с Георгием Сибирцевым, бригада которого как раз в такую гору зашагала, что после каждой смены у людей на «Капигальной» глаза разгорались.

И вот не дальше, как вчера Сибирцев выступил на раскомандировке. Сначала доложил, что за первую неделю его бригада прошла шестьдесят четыре метра квершлага. Это, конечно далеко недостаточно, показатели улучшатся, но... в одиночку даже и целой бригадой, скучновато будет, еще зазнается кто-нибудь. Хорошо, если бы их скоростную поддержала бригада, где партгруппоргом товарищ Фоминых.

Больше с Фоминых Степан не говорил. Оратора из этого рядового партгруппорга, конечно, не получится, что и не обязательно, но должны же у него найтись простые человеческие слова, хотя бы для того, чтобы ответить на призыв Сибирцева. Интересно, как дело обернется.

Пока Степан прибирал бумаги на столе, Мария Тихоновна принесла стакан густейшего наваристого чаю. В это время за скрипели ступеньки крыльца.

— Ну вот и попрыгунья наша жалуется! — обрадовался Степан. — А я ей целое послание накатал...

Но это была не «попрыгунья», а привычный, желанный гость — Митенька Голдобин. Вид только у него сегодня не праздничный, не гостевой. Это Степан сразу заметил по лицу Митеньки, по тому, как тревожно расширены его глаза, как он сказал отрывисто:

— Здравствуйте. Не помешаю?

— Что это ты сегодня такой? — почти обиделась Мария Тихоновна. — Чем же помешаешь? Раздевайся. Пуговицы все целы?

— Пуговицы? — рассеянно переспросил парень. — Не считал, тетя Маня... Я к Степану.

— Знаю, что не ко мне, — охотно согласилась пожилая хозяйка. — Чаем-то все равно напою. Проходи.

Митенька сел против Степана, медленно расчесал волосы, вставшие от этого совсем торчком, сказал: — Опять, значит, пришел... — но глаз на хозяина все почему-то не поднимал. Это Степана заинтересовало. Он пододвинул гостю сахарницу, хлеб, вазочку с маслом, Мария Тихоновна принесла чай. Митенька как будто оживился на минуту, однако Степан понял, что это натяжка, игра. Ну что ж, не такой человек Голдобин, чтобы долго таить про себя бушевавшие его чувства. Нужно подождать немного, все само собой откроется. Степан подождал, пока забойщик, он же и временный секретарь комитета комсомола (Барков уехал в отпуск), зачерпнул чуть ли не десятую ложку сахара и жестом остановил его.

Митенька заглянул в стакан, понял, очевидно, что выдал свое состояние и на этот раз невольно поднял взгляд на Данилова. Ух, какая злющая тоска была в его, обыкновенно ясных глазах!

— Комсорг, комсорг, душа у тебя — хоть смотрись в нее... — серьезно сказал Степан.

— Правильно, комсорг, только временный! — подхватил Голдобин. — И все равно зря, даже временно я не справлюсь... Бывают такие обороты в жизни, против которых я... против оборотов...

— Проще, Митя, — попросил Степан.

— Не могу проще! — Дмитрий даже головой замотал. — Вот читай...

Он сунул руку во внутренний карман пиджака, выхватил оттуда грубоватый желтый конверт и положил на стол.

Степана заинтересовал не адрес комитета комсомола, а приписка под ним: «Если не справится комсомол, ввиду авторитетности ответчика, передать в партию». И заинтересовала и покорила эта приписка, явно рассчитанная на эффект.

В конверте оказалась осьмушка бумаги, а на ней крупным форсистым почерком значилось: «Заявление родителей Черновых на бывшего стахановца-врубмашиниста, а ныне учащегося на горном комбайне Черепанова в нижеследующем разложении семьи».

Ниже следовали пункты а, б, в, г, и т. д. После и т. д. «Примечание: срочно примите меры к обузданию распустившегося человека, иначе мы вынуждены писать в высшие инстанции! Черновы».

— Да-а.. — Степан одним пальцем отодвинул заявление на средину стола. — Значит, комсомол не справился с этим делом?

Митенька возмущенно взмахнул руками.

— Да я и не хочу справляться! Это же грязница! Это же на голову Михаилу!..

— Грязница... — раздумывая сказал Данилов и взгляд у него стал неподвижным, отчужденным. — И ты правильно заметил: грязница на голову Михаилу Черепанову. Но это же заявление... Значит, требуется разобраться.

Будто прицеливаясь к чему-то далекому, Голдобин прищурился, даже указательный палец вперед выставил и почти тоном наказа произнес:

— Степан Георгиевич, только понять это надо! Ой, как понять!..

Это уж обязательно, — согласился Степан. — Но что нужно понять?

— Жизнь ихнюю, любовь, ведь это чистая беда с любовью, Степан Георгиевич! Шура же красавица из красавиц — это только на первый взгляд маленькая, да черненькая, а как присмотришься... Тут любой голову потеряет.

Сдержав улыбку, Степан спросил:

— Но ты же не потерял?

— Я что... — Митенька допил густой сахарный раствор и поморщился. — Я, Степан Георгиевич, этому не подвержен.

Данилов громко расхохотался.

— Ты смешной, Митя!.. — выговорил он, наконец. — Ну, прямо глаза щиплет!

— Нет, я без смеха, Степан Георгиевич, про ихнюю любовь! Ты же знаешь, какой он, Михаил, когда говорит о своей Шуре,

у него и голос меняется, будто он стихи читает. Это у него на всю жизнь. А вот ей не живется, а чего она хочет — понять нельзя. Обидно вспомнить: такая была запальщица, активистка, плясунья, а стала женой и сразу выпряглась, как подменили ее...

— Бываешь у них?

— У кого же я не бываю? У всех помаленьку. И у Михаила тоже. Придешь, а он, как всегда, один. Где жена? У родителей. А как жизнь? Ничего. Все же? Да так, говорит, по-ложительно... Прямо так по слогам и скажет, это чтобы его не расспрашивали больше. Ну и не расспрашиваешь. Но это «по-ложительно» здорово мне не нравится!

— Ладно, будем считать, что комитет комсомола с разбором заявления не справился, — утвердительно проговорил Данилов. — Ты оставь эту цыдулю у меня. Посмотрим.

ГЛАВА 31

Проводив Митеньку, Степан собрал в папку бумаги и, одевшись, вышел на улицу.

Какое все же неприятное впечатление произвело это заявление Черновых. Не зная Михаила Черепанова, можно было бы сказать: убедительное заявление, все в нем на месте, все обозначено пунктами а, б, в, г, д. Но ведь это же дичь — сказать такое о Черепанове, сказать, что он умышленно разваливает свою семейную жизнь, что он целыми сутками не является домой, а потом устраивает жене сцены. Это Черепанов-то?

Степан вспоминает, как около двух месяцев тому назад Михаила принимали в члены партии. Вот он поднялся перед собранием, и коммунисты как будто впервые его увидели — такой он был праздничный, тихий, взрослый. Да, вот именно, взрослый, мужественный.

Но семейная жизнь у Черепанова что-то не ладится — это Степану ясно и без заявления. А допускать этого нельзя. Но как не допускать? Что предпринять? Следует, конечно, в первую очередь поговорить с родителями Шуры Черновой.

Вот досада какая от всей этой истории.

Данилов спустился с горки к нижней части поселка и только тут как следует огляделся.

Ой-ей, ночь-то, ночь выдалась! Небо, что твой темносный шелковый шатер, так, по крайней мере, оно в стихах называется. Счень высоко, как и положено в зимнюю пору, среди звездного безмолвья плавает тоненькая лодочка месяца. А звуки на земле чистые, ломкие, оттеняющие всесветную тишину.

Почему-то хочется верить, что тишина и покалывающий морозец в этот час распростерлись над всей Сибирью — от исто-

ков великих рек на Алтае до гигантских нагромождений льда в Северном океане. Верится, что уgomонились нынче бесшабашные ветры, спокойно улеглись снега, и тоненькая лодочка месяца одинаково ясно видна, посмотришь ли на нее через задымленное окошечко таежного зимовья или с асфальтовой звонкий площади в Новосибирске.

По очереди, с востока на запад, как велит упрямое время, засыпают города, засыпают села... Кончается день. Принимает сводки Москва...

Да, Москва принимает сводки. Сегодня редакция «Комсомольской правды» просила сообщить по телеграфу, как разворачиваются дела в скоростном забое Сибирцева и в комбайновой лаве. А в комбайновой лаве теперь Черепанов, а у Черепанова вон какая неприятность. Зато дела в комбайновой всерьез налаживаются. Не просто налаживаются. Сибирцев с Вошиным, Алешков с Черепановым прокладывают сейчас для шахты такие широкие пути к новым успехам, что переоценить этого невозможно.

Степан учащает шаги. Ему вдруг представляется, что вот и Тоня, наверное, так же спешит, но домой. Степан почти видит как смутно белеет ее лицо в сумерках, а если подойти ближе, разглядишь темные глаза, услышишь быстрое дыхание.

Нет, не встретить Степану жену в этот вечер. Чтобы сократить путь до горкома, он идет не по улицам, а узенькими тропками, через огороды и строительные площадки. Идет, идет и когда до горкома остается рукой подать, натывается на глубокую траншею — ни конца ей, ни краю. Не обходить же, не искать мостков. Степан отступает на несколько шагов, разбегается—р-раз! и он на другой стороне. Отряхивает колени, оглядывается: не видел ли кто, какие номера выкидывает парторг.

Торопливо сдав пальто гардеробщице, Степан приоткрыл белую дверь с табличкой: «Секретарь ГК ВКП(б)». Просторный зеленоватый кабинет. Людно. Очевидно, только что закончился совещание.

Партийный комитет... Кто из нас с открытым сердцем не переступал порог партийного комитета, кто не приносил в партийный комитет самые дерзкие свои замыслы, самые высокие мечты, кто не покидал партийного комитета окрыленный надеждами, что все в твоей жизни свершается, как было загадано! Партийный комитет...

Когда-то Степан впервые переступил порог партийного комитета, несмело приподняв плащпалатку над входом в тесный ротный блиндаж. Посредине блиндажа маленький досчатый

столик на вбитых в землю кольях, на нем тусклый бензиновый светильник с плоским колеблющимся пламенем. За столом трое офицеров — дивизионная партийная комиссия. Обратившись к маленькому подполковнику с бритой шарообразной головой, Степан доложил:

— Товарищ подполковник, сержант Данилов явился по вашему приказанию!

Ответ председателя парткомиссии Степан угадал только по движению его губ, так как в то же мгновение блиндаж дрогнул от оглушающих взрывов. Начался обычный в это время артоналет. С жиденького перекрытия посыпалась земля, стены, заструганные березовыми жердочками, заколебались, пламя в светильнике вытянулось, метнулось в одну сторону, в другую, со стола соскользнула железная кружка, и молоденький капитан, приготовившийся перед этим писать протокол, подхватил ее на лету.

Подполковник поморщился, прикрыл свою бритую голову выгоревшей фуражкой и махнул Степану рукой, приглашая садиться.

На этот раз артоналет длился без малого десять минут, и все это время нельзя было вымолвить ни одного слова. Выпрямившись, положив руки на колени, Степан сидел у входа, на железном бидончике из-под бензина, члены комиссии занимались всяк своим делом: капитан, вооружившись карандашом и гладко выструганной палочкой, линовал лист бумаги, часто сдувая с него сыпавшуюся с потолка земляную крошку, подполковник, повернувшись боком к огню, читал газету.

Но вот где-то поблизости раздался последний взрыв. Подполковник отложил в сторону газетный лист, снял фуражку и, словно не было десятиминутного перерыва, проговорил:

— Расскажите нам, товарищ Данилов, о себе подробнее...

Степан долго рассказывал. Как? Он теперь плохо помнит. Беспорядочно, наверное, путанно. Но его не перебивали. Потом он ответил еще на два-три вопроса о своей работе полкового разведчика. Что это были за вопросы, он тоже забыл, зато в памяти совершенно отчетливо запечатлелась последняя минута. Так все получилось волнующе просто.

Подполковник молча переглянулся с членами комиссии и, после того, как те так же молча, одновременно кивнули, подошел к Степану, взял его за обе руки и сильно встряхнул их.

— У вас трудное, благородное дело, товарищ Данилов, — сказал подполковник. — Воюйте, как воевали, победа — вот она, не за горами. Вы приняты, товарищ Данилов, кандидатом в члены партии. От всего сердца поздравляю!

Много раз после этого, особенно в мирное время, доводи-

лось Степану бывать в партийных комитетах, но всякий раз ему неизбежно сопутствовало какое-то очень праздничное, приподнятое настроение.

Вот и сейчас, на что, казалось бы, проще, он открыл дверь и переступил порог зеленоватого кабинета, он видит знакомых людей — работников шахт, инженеров, парторгов, со многими встречается не однажды в день, а все равно, то же самое праздничное чувство, ожидание самых ответственных поручений наполняют все существо Степана.

Народу много, все уже встали со своих мест, но расходиться не спешат. В кабинете сдержанный говор.

Бондарчук первым заметил Степана и показал на стул рядом с собой.

— Посиди, минут через пятнадцать народ разойдется.

Степан поздоровался с Роговым, хотя они сегодня утром и виделись в комбайновой лаве, потом заметил неподалеку от себя Галину Вошину, с ней хотел поговорить, но его перебил Рогов, присевший на диван рядом с девушкой.

К Бондарчуку по очереди подходили те, кому требовалось о чем-либо договориться «в рабочем порядке».

В ответ на какую-то просьбу начальника стройуправления секретарь покачал головой и решительно возразил:

— Нет-нет, горком больше ничего в главк писать не будет, нянек не жди. О специалистах сам договаривайся — я имею в виду старших и средних специалистов, а младших, в конце концов, мы обязаны готовить на месте.

Степан подумал, что и на шахтах не мешает всерьез подумать о подготовке младших горных специалистов. С Роговым все не удастся перемолвиться на эту тему, вечно летает по шахтам. Побеседовать бы сейчас, пока Бондарчук занят, да Павел Гордеевич так увлекся разговором с Галиной Афанасьевной, даже вон взмахивает руками, словно отрубая ими слова. Посмотрел вопросительно на Вошину, но та покачала головой и отвернулась. После небольшой паузы Рогов снова что-то стал объяснять, но уже без единого жеста, при этом его скуластое лицо слегка отвердело.

Люди малотомалу разошлись. Ушел, простившись, и Рогов, медлила одна Галина. Степан подошел к ней, сказав, что надо бы посоветоваться кое о чем. Но Бондарчук, только что ответивший на телефонный звонок, спросил у нее.

— Значит, отпуск ваш заканчивается? Отдохнули, Галина Афанасьевна?

— Отдохнула, Виктор Петрович... — согласилась Галина.

— Отец вон говорит, что меня теперь опасно к деликатной работе допускать, надо, говорит, сначала заставить железо гнуть...

— Да, вот кстати, деликатный вопрос о деликатной работе: какие же планы?

Вощина осторожным прикосновением пальцев разгладила складки коричневого платья на коленях, подумала.

— На «Капитальную» я прошусь, Виктор Петрович...

— А что вы думаете о предложении управляющего?

— Боюсь, что это нецелесообразно... И даже немного обидно...

Степан заметил, что лицо у Галины и на самом деле стало обиженным, взгляд она опустила и, очевидно, уже машинально продолжала разглаживать складки на платье.

Бондарчук посоветовал:

— А вы подумайте, взвесьте.

— Да я же думала, взвешивала! — быстро ответила Галина. — Две недели этот разговор продолжается, поэтому я сейчас и заявляю, что предложение Рогова... что предложение это не подходит, не по душе мне. Только поймите меня правильно, Виктор Петрович. Хотят меня определить инженером по рационализации и изобретательству, — это же, мало сказать, тихая, — это заштатная должность, а мне действительно впору железо гнуть... Мне, Виктор Петрович, чтобы людей побольше вокруг... — после небольшой паузы тихо закончила она.

Бондарчук вышел из-за стола, открыл в окнах две форточки, у второй подышал морозным воздухом и когда снова повернулся к Степану и Вощиной, лицо его было свежим, взгляд прояснился. Он сказал весело, напористо:

— Все же пойти вам, Галина Афанасьевна, придется на эту тихую, заштатную должность! Хотя бы для того, чтобы она была и не тихой и не заштатной! Вот что получается! Если я вам скажу, что только в этом году рационализаторы треста сэкономили государству два с половиной миллиона рублей — это вас, очевидно, не убедит, мы ведь привыкли мыслить миллиардными масштабами, — тогда я могу прибавить, что на руднике в настоящее время насчитывается восемьсот с лишним рационализаторов — это живые, думающие, активные люди. Организуйте, поднимите их, поговорите с каждым. Честное слово, я уверен, что через год вас и за шиворот не оттащишь от этой работы.

Провожая Галину до дверей, он сказал на прощание:

— Это мнение горкома, Галина Афанасьевна. А что касается до старых взглядов на такую должность... Что ж, нам не впервые ломать установившиеся мнения о человеческих должностях на земле.

Вернувшись к столу, он сел, медленно закурил, повертел в пальцах обгоревшую спичку и, повидимому, думая все еще о разговоре с Вощиной, оглянулся на Степана.

— Тебе ведь на шахту надо, а я задерживаю, — сказал он.
— Ну ничего, задерживаю я тебя для важного разговора.

Пересел на диван к Степану, положил ему ладонь на колено.

— С праздником тебя, Степан... С завтрашним.

Данилов не понял.

— Я говорю о первом твоём партийном собрании...

— Трудный праздник... — после минутного молчания проговорил Степан. — Я и думать не мог, что подготовить партийное собрание... так трудно. Может потом будет легче...

— Потом еще труднее будет, — успокоил Бондарчук. — Тут всякая, на первый взгляд, мелочь вырастает в политическое принципиальное дело. Ты следи, чтобы тебе мелочи, черновая работа не надоедали...

Степан откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и улыбнулся.

Вот насчет этого слова: надоело или не надоело... Может быть, и не к месту пример, но я расскажу... — заговорил он. — В сорок втором году заняли мы одну деревушку, дворов так на двадцать. Немцы хотя и ушли, но вот-вот готовы были броситься в контратаку. Их оборона для нас не годилась, ее нужно было выворачивать наизнанку. Показал мне командир взвода место недалеко от взорванной школы, дескать, оборудуй. А место голое — ни кустика, ни кочки. Значит, надо зарываться в землю-матушку. А как в нее зарываться, если она от мороза закаменела, если от нее и бомбы-то отскакивают. Однако зарываться все же надо. Долблю. Час долблю, два. Руки у меня заостенели. И тут подходит ко мне девчурка лет пятнадцати — худенькая, синяя. Где-то в подвале пряталась при немцах, а услышала своих и выползла на зимнее солнышко. Постояла она, постояла, посмотрела на меня и спрашивает:

— Дяденька, вам не надоело?

— Надоело, — говорю, — терпения нет!

— Как же так? — спрашивает она снова. — Вы же Родину защищаете...

— Вот, говорю, потому и долблю, что Родину защищаю.

Бондарчук с Даниловым проговорили с восьми до одиннадцати. Это, впрочем, не мешало секретарю заниматься еще целой дюжиной дел. Он беседовал с парторгам, звонившими с шахт, принял заведующего горно, написал и отправил несколько телеграмм, составил список книг, которые нужно было захватить в парткабинете на завтрашний день, и всякий раз, когда он возвращался к Данилову, тот все хотел поведать о

заявлении Черновых, но почему-то не решался. Наконец, случай представился.

Бондарчук спросил, как настроение у работников в комбайновой лаве после случая с Алешковым и Соней Рожковой.

— Хорошее, злое! — ответил Степан. — Там один Черепанов чего стоит. Механик вчера только мне рассказывал: «Что, говорит, за человек? Ни одного дня не проходит, чтобы не заглянул ко мне, и обязательно с какой-нибудь новостью — то ему зубки заводского изготовления не нравятся, то зазор между ведущей частью комбайна и грузчиком нужно уменьшить, и так без конца!» Вот такое настроение! Соня Рожкова вышла на работу в следующую же смену после происшествия, а самого Алешкова пока не допускают к машине — он немного прихрамывает. Живет у Черепанова... Организовали что-то вроде холостяцкой коммуны!

— А где же супруга у Михаила? — заинтересовался Бондарчук.

— Как будто на Десятой шахте, у родителей гостит... — нарочито безразличным тоном сообщил Степан.

— У родителей? — переспросил Бондарчук и, потупившись, с минуту что-то припоминал. — Я уже не первый раз слышу об этих родителях. Мне и сам Черепанов упоминал о них... Это что, случайность или на самом деле неблагополучно?

Степан подал секретарю заявление родителей.

Бондарчук прочитал заявление, несколько строчек в нем подчеркнул и, ни слова не говоря, позвонил на квартиру парторга Десятой. Извинился, что беспокоит поздно и попросил передать его просьбу помощнику начальника шахты по быту Чернову: секретарь горкома желает с ним побеседовать завтра в двенадцать часов. Вот и все. Положив трубку, он повернулся к Данилову.

— Давно, Степа, кончилось время, когда нам мешали жить по-человечески сплетники, мещане, крохоборы и прочая хищная мелкота. Ну их к черту, на самом деле! А Михаилу нужно помочь, и девочку выцарапать оттуда необходимо. Я дазненно знаю ее — своенравная, с «воображением», но это по молодости. А теперь, Степан... основное!

Степан, собиравшийся было уходить, несколько удивленно глянул на Бондарчука: что же еще может быть основное? А Бондарчук встал, походил, походил по кабинету, опять постоял у открытой форточки и, заметив на себе выжидательный взгляд Данилова, заговорил спокойно, с необычной для него медлительностью:

— А теперь, Степан, основное! Шагай сейчас на шахту и сообщи там товарищам вот какую новость... От нашего рудника скоро поедут делегаты в Москву. Будут они в Москве к двадцать первому декабря. Письмо порезут Иосифу Виссарионовичу. Кто поедет, кто увидит его в день семидесятилетия — это сами шахтеры решат.

— Да, да... — Данилов быстро встал и пошел по кабинету рядом с Бондарчуком. — Виктор Петрович, по этому случаю такие митинги развернутся!.. А дела!..

— И дела! Но почему ты говоришь: развернутся? Они уже развернулись. Ты присмотришься-ка к нашему руднику... Сколько у нас таких, как Черепанов, Вошин, таких, как Сибирцев! Разве их рабочая походка — не разворот? Э-э, Степан, поехать бы в Москву нам с тобой! Люди-то туда съедутся со всех концов земли, из всех-то, наверное, из всех стран!.. Даже в Москве тесно будет... Как ты думаешь — кого на «Капитальной» выберут?

Степан усмехнулся:

— Человек сто, не меньше...

— Пойду я, Виктор Петрович, посоветуюсь на шахте с народом. Дело-то какое!

...Погода на улице немного изменилась. Похолодало. Степан постоял на крыльце горкомовского дома и почему-то вспомнил ночь после недавнего бюро, на котором был рекомендован парторгом «Капитальной».

Народ тогда уже разошелся, а он все стоял на заснеженной приступочке. С мутного, еле видимого неба сыпалась снежная крупа, свет уличных фонарей угасал, не достигая земли. Это всегда так, перед рассветом или на свету — зари не видно, а огни блекнут.

Степан не знал, что делать? Идти домой, к Тоне, вот таким взволнованным, с пылающим лицом? Нет, надо погодить немного, разобраться в своих мыслях. И чтобы разобраться, Степан пошел на шахту, призывно манившую огнями сквозь мутную снежную пелену. Шел и как будто со стороны присматривался к себе.

Да, в тот вечер он вдруг увидел всю свою жизнь, он словно стоял на высоком холме, а годы его короткой жизни расходились кругами в просторных долинах. Годы жизни Степана Данилова... Каждый день, как на ладони.

Он помнит Новосибирский детский дом за Ельцовкой с его незатейливым бытом, летние дни на Оби, зимние вечера в классах. Тогда Степан, прозванный своими сверстниками Ершиком, почему-то очень часто, к месту и не к месту называл

руководительницу их группы, тетю Клаву — мамой. Хотелось да и только произносить ему это ласковое короткое слово.

После детского дома — ремесленное училище, тяжелая болезнь, основательно подточившая организм, и по чьему-то совету несколько месяцев работы в парикмахерской. Война...

Самая заурядная, самая простая жизнь. Но отчего тебе, Степан, постоянно казалось, что ты не мог не родиться, что ты всегда нужен людям, как участник в их трудах, радостях, тяжких бедах? Почему? Не потому ли, что твоя жизнь так проста и незатейлива. Незатейлива? Нет, это не то слово, скорее всего широка, просторна.

Бондарчук, в памятную для Данилова ночь после бюро горкома, сказал:

— Степан, партработник должен все знать, видеть, он должен уметь предугадывать!

А что знает, видит и предугадывает Степан Данилов? Много, Степан Данилов, тебе не хватает, чтобы все знать, все видеть, да еще и предугадывать. Вот припомни-ка сейчас, сколько шахтеров нынешней ночью работают под землей на «Капитальной», припомни их лица, подумай о жизни каждого. Трудно ведь, правда? А как все эти люди будут жить через два — три часа, когда вернутся со смены, чем ты сможешь каждому из них помочь? Трудно ведь, правда? Но если бы тебе взамен всего этого предложили беззаботное, бездумное существование, ты согласился бы на это? Нет! Тысячу раз нет.

Морозная сибирская ночь, светятся звезды на небе, а навстречу им с земли поднимается миллионоокий электрический свет, потому что, несмотря на ночь, на мороз, земля не хочет засыпать. Она живет.

Идет парторг Степан Данилов на шахту, а в душе его прорастают добрые, простые слова, с которыми ему хочется сегодня обратиться к людям, к сотням своих близких родных людей.

— Шахтеры, вот что мы должны решить с вами... Давайте выберем делегатов в Москву, к Иосифу Виссарионовичу и вместе подумаем, что они от нас передадут Москве, вождю, какие слова скажут...

ГЛАВА 32

Вечером на «Капитальной» состоялся концерт художественной самодеятельности. Вдоволь было пляски, гимнастических упражнений, отрывков из пьес, но особенно полюбилось шахтерам пение. Маленькая мотористка из комбайновой лавы Соня Рожкова с под'емом исполнила русскую народную песню «Ро-

дина». И так глубоко в душу западала эта знакомая песня, что уже много спустя после концерта, ее слова, ее проникновенная мелодия, как отзвук, как эхо раздавались то в одном углу шахты, то в другом.

Вот идет группа забойщиков, все они только что обмундировались для спуска в шахту, взяли светильники в ламповой, и кто-то из них высоким тенором заводит:

«Это русское раздолье, это родина моя!».

— Это родина моя! — повторяет про себя Георгий Сибирцев и нетерпеливо оглядывает помещение раскомандировки: где же Соня, что же она не идет?

Нет-нет, идет, вот она! Идет! Ух, ты, маленькая, ясная!

Соня подходит, садится рядом с Георгием и по привычке кладет ладонь на его руку, спрашивая этим жестом: ну, как, Гоша, все хорошо?

Он согласно кивает головой и смотрит на девушку с гордостью, немного с удивлением. Никогда-то, никогда он не привыкнет к Соне, никогда не устанет смотреть на нее. А смотреть всегда будет вот так — удивленно, с гордостью.

Сидят и смотрят друг на друга.

— У тебя выходной? — спрашивает Соня.

Он опять молча кивает.

А мимо проходят шахтеры, поглядывают на них и добродушно, понимая, усмеваются. Пусть усмеются, от этого даже еще лучше становится.

— Любуетесь? — раздается рядом голос Михаила Черепанова. — Если не имеете секретов, я посижу рядом.

Черепанов садится, но Соня сразу же встает.

— Разговаривайте, разговаривайте. — успокаивает она, заметив протестующий жест Георгия. — Я в комитет комсомола. Попадет мне опять от Митеньки — строгий он у нас стал, прямо невозможно: вынь да положь ему хоровой кружок в женском общежитии.

Черепанов смотрит ей вслед и говорит:

— Поет и работает от сердца... И любит, наверное, так же.

— Это правильно, — соглашается Георгий. — Ты бы, Миша, откомандировал ее из комбайновой в мое распоряжение...

— Но в комбайновой-то она нужнее, — серьезно возражает Черепанов.

— В комбайновой!.. Она мне нужнее!

— Я понимаю, что тебе. Ты уж с ней об этом и говори.

— Говорил я, сколько уже раз говорил, особенно после этой аварии. Заворожила ее комбайновая, очень, говорит, умно все придумано, никуда из комбайновой не пойду.

— И не пойдет, — подтверждает Черепанов. — Она строгая. Сибирцев в упор смотрит на товарища, медлит, но все же спрашивает:

— По-моему, у тебя, что-то очень трудное с семьей получается? Слухи всякие... Только не подумай, что навязываюсь с этим... с сочувствием...

— Трудно, Гоша, — просто отвечает Черепанов. — Выкрал сегодня жену у родителей на Десятой, привез домой... Эх, ты, говорю, запальщица!

— Да, она у тебя запальщица... — рассеянно говорит Георгий, потом осененный какой-то мыслью, быстро повертывается к Черепанову. — Вот здорово, а ведь она у тебя и вправду запальщица!..

— А ты что удивляешься?

— Какое удивление... Просто ты мне напомнил про одну штуку. Ты мне лучше скажи, как дела у Алешкова? Обсуждали его на комитета комсомола? Я все с бригадой, некогда.

Черепанов рассказал, как дела у Алешкова. Работает, но очень уж нелюдим, глаза у него такие, что и не подступись — искры мечут. Сам он это объясняет тем, что злой на себя, рассердился на себя и надолго. На комитете комсомола обсуждали происшествие в комбайновой, но этим и ограничились пока, — комбайнеру ведь и без того не легко.

— По правде сказать, и остальным не легче, — закончил Черепанов. — Вчера получили четыре вызова на соревнование от комбайнеров: с Притаежных уклонов, с Восьмой и Десятой, — особенно задиристый с Десятой, от Савоськи Емельянова: пять тысяч на машину в месяц и ни килограмма меньше!

— Пять тысяч, это много? — полюбопытствовал Сибирцев.

— Это как раз половина того, что мы дадим к концу месяца! Я сообщил об этом Савоське, а он засмеялся, да еще при Алешкове. Вы, говорит, даже с упорной стойкой не можете справиться, а еще туда же — на десять тысяч замахиваетесь!

Время было около одиннадцати, и народ в раскомандировке с каждой минутой прибывал. Вот мимо пробежал Митенька Голдобин, с непокрытой головой, с какими-то листочками в руках, с развевающимися концами зеленого шарфа за плечами. И лицо у него как обычно взволнованное. Вечно волнуется.

— С какой-то новостью бегают... — заметил Сибирцев.

Хотели они расходиться по своим делам, но тут на небольшую сцену, что в глубине зала, взошел парторг Данилов и, призывая к тишине, поднял руку над головой.

Кто на «Капитальной» не знал Степана Данилова — Героя Советского Союза — стремительного, прямолинейного, кто при

случае не заслушивался его немногословными рассказами о войне, не любовался открыто его работой, когда он был еще забойщиком, потом горным мастером и, наконец, помощником начальника участка. Но в качестве парторга Степан Данилов выступает перед шахтерами недавно. К нему невольно присматриваются, его слушают с напряженным вниманием. И втайне, многим хочется в чем-нибудь помочь новому парторгу, — ведь трудное же, очень трудное это дело. И только, пожалуй, Георгий Сибирцев был совершенно спокоен за Степана Георгиевича, которого первым и обучал шахтерскому ремеслу. Степан Георгиевич человек большого, кремневого характера. Что-то он сегодня скажет шахтерам?

А шахтеры в зале уже притихли. Говори, парторг, тебя слушают.

— Сообщение, товарищи, хочу сделать. Очень важное... — сказал Данилов и оглядел выжидательно примолкнувших слушателей. Вот какое сообщение... Ровно через месяц от нашего рудника в Москву поедут делегаты. Повезут от нас письмо в Москву и приедут туда к двадцать первому декабря, чтобы лично вручить его Иосифу Виссарионовичу Сталину. О чем мы в этом письме напишем: давайте подумаем.

Уловив быстрый взволнованный говорок в зале, Данилов снова сделал небольшую паузу, которой кто-то из молодых и воспользовался, спросив:

— Товарищ Данилов, а кто же эти делегаты? Неужели с «Капитальной» ни одного?

— Кто эти делегаты, я не знаю, — откровенно признался Данилов. — Только уверен, что будут и от нас делегаты, должны они быть, а кто — решите сами...

Его перебили сразу несколькими вопросами:

— Когда, Степан Георгиевич?

— А какие личные показатели нужны?

— А если не делегатом, по своему желанию?

Пока Данилов отвечал, Сибирцев с Черепановым, попрежнему сидевшие рядом, разочка два украдкой посмотрели друг на друга, потом в открытую посмотрели и невольно усмехнулись, — так явно было их обоюдное желание, что-то немедленно же сказать.

Сказал первым Черепанов:

— У тебя положение легче... Твоя скоростная по многоциклическому графику — единственная на руднике...

— Единственная!.. — засмеялся Сибирцев. — Ты со своим комбайном столько за последнее время сделал... Пять проход-

ческих бригад уже организовано в тресте. Хотя я согласен с тобой: мне как-то способнее будет поехать, я не возражаю.

— Уже не возражаешь? — Черепанов улыбнулся. — Тебя пока не выбрали, а ты в кассу за билетом...

— А если выберут, Миша? — Сибирцев чуть прищурился.

— Выберут? Тогда дай-ка сюда руку! И мы еще посмотрим, кого выберут!

— Давай посмотрим, — охотно согласился Сибирцев. — Я люблю, когда рядом со мной кто-нибудь поспешает.

Они поднялись со скамьи. Сибирцев застегнул теплый ватный пиджак, приладил на голове как следует шапку и, почему-то припомнив недавно слышанную песню, нараспев проговорил:

— Это родина моя!

Через пятнадцать минут его, уже одетого для похода в шахту, встретила Соня и удивилась:

— Гоша, но ты же выходной, мы же в кино собирались?

— Я на часок! — торопливо объяснил Сибирцев. — В забое сейчас смена Григория Вощина, мне нужно предупредить их кое о чем...

— Но уже двенадцатый час, а последний сеанс в двенадцать.

— Вот неувязка! — погоревал Сибирцев. — Тогда придется кино перенести на завтра.

— А завтра я буду на смене.

— Тогда на послезавтра.

Соня рассмеялась.

— Гоша, ну какой ты неорганизованный! Какая же у нас любовь, если в кино сходить не можем...

— Какая любовь? — переспросил Георгий. — Вот она какая! Мне сейчас Михаил знаешь что сказал? Тебе, говорит, не удастся в Москву поехать, можешь успокоиться. А я не успокоюсь, не-ет! Моя бригада и так передовая по уходом, по методу, но она должна стать передовой из первых! Вот как будет! Я же, Соня, не видел Сталина. Как же так можно? Я должен поехать. Это меня, как светом обдало. Я пойду, Соня. Я тороплюсь!

ГЛАВА 33

В кино они все же пошли, но лишь через четыре дня, и, очевидно, только потому, что получилось это нечаянно. Встретила вечером Соня Сибирцева прямо на улице и всерьез посетовала:

— Что же ты? Ни слуху, ни духу. Я очень беспокоюсь... Все ждала, что зайдешь.

— Так дела-то какие, Соня! --взволнованно проговорил Георгий.

— Знаю, какие дела, поэтому и ждала, — настойчиво, с нотками обиды продолжала Соня. — Что ж мне и места рядом с тобой нет, если у тебя такие дела? У нас в комбайновой тоже как в праздник, а я скучаю по тебе.

— Тогда вот что, — заявил Георгий. — Сейчас девять, у меня два часа специально для тебя припасены, пойдём в кино.

Хотя Соня сказала, что двух часов, пожалуй, очень мало, но что ж поделаешь, и это уже хорошо.

Пошли в кино, и в зрительный зал попали перед самым началом сеанса. Отыскивали свои места и разочарованно переглянулись. Соня даже укорила:

— Как же это ты...

А Георгий и сам pokrивился от досады. Места оказались разделенными проходом. Что ж теперь, порознь сидеть и переглядываться? Этого еще не хватало, после четырех дней невольной разлуки! Но справа, рядом с одним из их мест, еще одно свободное кресло, правда, на нем лежит газета, но неизвестный зритель где-то бродит и по счастливой случайности может опоздать. Все это Соня и высказала Георгию и даже взяла в руки газету, но тут за ними раздался очень знакомый голос:

— Гражданочка, а место ведь занято!

Оглянулись, как по команде. Перед ними стоял Хлебников и в обеих руках у него по вафельному стаканчику с мороженым. Все втроем на какую-то секунду растерялись. Первым вышел Хлебников.

— Соня!.. — сказал он. — Вот так гражданочка... Что ж вы стоите?

— У нас места разные... — пожаловалась Соня. — Не сидеть же нам порознь.

— Ясно не сидеть, — согласился Хлебников. — Садитесь оба направо, а я на ваше...

— Что вы, что вы, молодые люди! — заботливо заговорила пожилая женщина, что сидела по соседству от Хлебникова. — Коли встретились — садитесь все рядом, а я все равно одна. — Сказала и перешла направо.

Сибирцев кисло вато улыбнулся и кивнул Хлебникову: проходи. Потом сам хотел сесть рядом с ним, но Соня опередила его и устроилась между двумя Гошами. Пусть, если интересно. Хлебников повертел в руках лишний стаканчик с мороженым, искоса глянул на Сибирцева и вдруг предложил один Соне.

— Кушай, а то оно уже тает...

— Ты как будто специально взял...

— Нет, это в буфете сдачи не оказалось. Кушай.

Картину смотрели, пожалуй, с преувеличенным интересом, — по крайней мере Сибирцев и Хлебников. Соня же, как всегда, была искренне взволнована, она то вздыхала и брала Сибирцева за руку, то говорила Хлебникову: «Подержи платок, мне что-то жарко...»

Парни насилу выбрались из кинотеатра. Даже Соня вздохнула с видимым облегчением, когда они с Сибирцевым остались вдвоем:

— Ну вот, — сказала она, — а теперь мы с тобой погуляем, потом зайдём ко мне... и я тебя угощу... медом, нашим таежным!

— Нет, Соня, времячко мое истекло, — с сожалением признался Сибирцев. — Погуляем мы в другой раз, а теперь мне нужно, если по правде сказать, на свидание спешить. На свидание, Соня! — повторил он и, поцеловав девушку прямо в нос, повернул к автобусной остановке.

Интересно, как за последнее время события складываются! Жизнь ли это вообще такая, или в характере Георгия, человека с виду спокойного, есть какое-то беспокойное начало, но не может он теперь усидеть на месте. Это, наверное, от того, что он оказался вдруг нужен очень уж многим людям. Может быть, и раньше так было, но он не замечал этого.

В делах бригады, правда, постепенно, но все же уверенно, твердо приобреталась необходимая скорость. Много вопросов пока не было решено, но на маленькие как будто открытия наталкивала сама работа, обстановка, непрестанные коллективные поиски более совершенных приемов. Так, например, Афанасий Петрович Вошин предложил борты забоя между стойками крепить не метровыми, а двухметровыми плахами, обуривание забоя стали производить не одним, а двумя сверлами, ежедневные занятия членов бригады по изучению новой техники, хотя и не легко, но все же наладились, и это снова значительно подвинуло дело. Плохо пока прощупывалось наиболее экономичное расположение скважин для взрывания, но тут даже товарищи из научно-исследовательского института не могли чем-либо помочь. Надо искать.

А потом обязанности Георгия Сибирцева вышли далеко за пределы Третьего Западного. Вот и сегодня утром, зашел в забой главный инженер треста Тихий и, как обычно, минут тридцать производил хронометраж, а потом отозвал в сторону Сибирцева и спросил, не может ли бригадир побывать на некоторых шахтах рудника, например на Десятой на Восьмой, там

тоже организуются скоростные бригады. Афанасий Петрович уже дал согласие съездить на Четвертую, на Притаежные уклоны. Сибирцев подумал и решил заглянуть к соседям, но вместе с главным инженером.

Побывал сегодня Георгий на Десятой, и как ему потом сказал инженер Тихий, не плохо объяснил проходчикам существо своего многоциклического графика, побывал он потом в техническом отделе треста, беседовал с корреспондентом областной газеты, два часа занимался с преподавателем математики, потребность в которой возрастала, буквально, по часам и минутам, — все как будто переделал, но основное задание свое на сутки все еще у него оставалось невыполненным.

Дело опять-таки касалось отпалки в забое. С отпалкой что-то нужно было делать немедленно же. Пожилой запальщик, работавший в смену Георгия, уже несколько раз говорил:

— Мы из этого дела ни одного сантиметра больше не выжмем. Все, что могу, сделал!

А Георгий видел, что на каждом цикле его бригада теряет несколько десятков сантиметров, незаметно, но теряет. Нельзя этого допускать. Частые споры по этому поводу в бригаде пока не принесли желаемых результатов. Но время не ждет! На щитах показателей все чаще стали появляться цифры, написанные красной краской — итоги работы передовых бригад. Но скоростная Георгия Сибирцева не могла позволить, чтобы ее обогнали, на то она и скоростная. Афанасий Петрович часто теперь повторяет:

— Придет время и нас обязательно кто-нибудь обгонит, чтобы мы, в свою очередь, обгоняли. Но сейчас соревнование поведем мы, сейчас наш черед!

Прав Афанасий Петрович. А какое соревнование-то. Соревнование за право поехать в Москву, увидеть вождя в день его рождения, и не просто увидеть, а доложить от имени всех шахтеров Кузбасса, что к двадцать первому декабря они добыли государству — для мира, для счастья почти полмиллиона тонн угля сверх плана, — полмиллиона — это пятьсот железнодорожных эшелонов!

Сегодня в областной газете опубликованы предварительные итоги — четыреста с лишним тысяч тонн. Четыреста тридцать или четыреста сорок тысяч. А если точнее? Георгий обращается к пожилому соседу по автобусу:

— Вы не помните, сколько Кузбасс дал сверх плана? В газете сегодня опубликовано...

— Четыреста тридцать семь тысяч, — отвечает сосед и, немало приославшись, добавляет: — Но это уже устарелая

цифра. Сегодня одна наша Четвертая дала триста тонн сверх плана, так что надо плюсовать.

На очередной остановке Георгий выходит из машины и медленно направляется к домику Черепанова. В окнах свет, в огорадке чисто, на крыльце, под небольшим шатровым навесом, ни одной снежинки, — Михаил — рачительный хозяин. Георгий осторожно, стараясь не шуметь, входит в сени, потом в кухню. В комнатах тишина. В переднем углу горницы, на диване, свернувшись калачиком и свесив руку почти до самого пола, спит Алексей Алешков.

— Кто там? — раздается голос из спаленки. Это Александра Елизаровна Черепанова. Шура. А вот и сама она появляется на пороге. Маленькая, почти такая же, как Соня. Зато глаза у нее большие, синие, под темными крутыми дугами бровей, смотрят холодно, отчужденно. На приветствие Георгия Шура слегка наклоняет голову и говорит:

— Его нет дома. Не знаю, где.

Сибирцев кивает.

— Вижу, что нет его, но я ведь не к нему, я к тебе, Шура...

Глаза Шуры становятся еще холоднее и отчужденнее, она слегка наклоняет голову к плечу и некоторое время, словно впервые, рассматривает непрошенного гостя.

— Ко мне? — спрашивает она равнодушно. — Что же у тебя может быть ко мне?

— Я как раз и хочу объяснить...

— Об'ясняй.

— Тогда я лучше разденусь, — с нарочитой простоватостью усмехается Сибирцев, — и пройду в комнату, а то у порога неудобно как-то...

На это последовало короткое разрешение:

— Проходи.

Сели за круглый обеденный стол, прямо друг против друга. Шура взяла в руки какое-то шитье и склонилась над ним, Георгий вытащил было пачку папирос, но курить раздумал. Хозяйка ни одним словом, ни одним движением не выразила желания начинать беседу. Начинать пришлось самому Сибирцеву. Он говорит как можно мягче:

— Расхрабился я сегодня, Шура, и зашел к тебе...

— Чего же храбриться, я не кусаюсь... — не поднимая головы, отвечает Шура. — Зашел, и зашел...

— А я не просто зашел, я поучиться у тебя кое-чему...

На этот раз хозяйка мельком поглядела на собеседника и чуть приметно повела темной крутой бровью.

— Чудно что-то ты говоришь...

— А чудного как раз ничего и нет, — с легкой укоризной поясняет Георгий. — Ты, наверное, слышала, что я теперь команду скоростной проходческой, — дело это кругом новое, не испытанное, люди у меня опытные, но все равно постоянно мы за какой-нибудь пенек зацепляемся...

— Ох, господи!.. — нервно выпрямляется Шура. — Ну, что ты, Георгий, ко мне со своими скоростными? Что мне за дело до того, за что вы там цепляетесь? Ты что, смеешься надо мной?

Георгий искренне удивляется:

— Смеюсь?! Но мне некогда этим заниматься! И почему ты так говоришь: «Что мне за дело?..» А разве у тебя никакого дела нет до нашей жизни?

— У меня пока никакой жизни нет! — гневно выкрикивает Шура, встает и отбрасывает в сторону свое рукоделье. — Никакой жизни! Вы все там знаменитые и не знаменитые заняты, чего-то делаете... Ну и делайте, как вам на душу ложится, не касайтесь меня! Я знаю: ты специально... Тебя специально Михаил научил, чтобы ты пришел, чтобы говорил мне всякие слова. А что я могу?

Георгий на несколько секунд невольно залюбовался Шурой, этой вспышкой в ней. Какая же она красивая. Жалко, что вздорная. И что ему оставалось делать? Уходить? Не-ет, не за тем он сюда явился, даже не посоветовавшись с Михаилом. В конце концов семейные дела Черепановых в какой-то мере и его дела, но у него нынче за плечами интересы целой бригады, шахты, рудника, и кто знает, — может быть, даже больше.

Одну и две минуты Сибирцев сидит потупившись, а когда невольное раздражение в нем улеглось, он раскрывает папиросную коробку и на внутренней ее стороне быстро набрасывает карандашную схему своего забоя в разрезе. Висячая, лежащая стороны, веер скважин, легкая штриховка целиковой глубины. Все. Он пододвигает папиросную коробку поближе к Шуре, которая снова было взялась за свое рукоделье. Он говорит:

— Ты была когда-то лучшей отпальщицей на руднике... А у нас как раз плохо с отпалкой. Посмотри схему. Я от имени всей бригады, Шура. От имени комсомольской организации. Если хочешь, от имени всех шахтеров. Помогии.

— Помогии... — Шура снова кладет на соседний стул рукоделье и рассеянно смотрит в темное заснеженное окно. — Помогии... Чудно все же... Вот уже два года почему-то все старались мне помочь, в чем помочь, я не знаю... А ты от меня помощи просишь...

Георгий еще ближе пододвигает к Шуру свою папиросную коробку и молча ждет.

...Алексей Алешков проснулся. Немного болело ухо от жесткого диванного валика, но глаз открывать не хотелось. Такой чудесный сон видел только что комбайнер. Будто он ведет свою машину на третьей скорости, а рядом с ним стоит очень почтенный, седой человек и говорит:

— Алексей Платонович, я пятьдесят лет работаю в шахте, а такого еще не видел. Я сегодня же всем шахтерам нашего государства расскажу о вашей работе, Алексей Платонович!

А сам Алешков будто бы делает вид, что не замечает похвалы, будто она ему в привычку, он безостановочно, на третьей скорости ведет свою послушную горную машину, он крушит угольные целики и будто он еще видит, что у шахтных бункеров стоят километровые составы железнодорожного порожняка. Нет не стоят, а тоже, как его горный комбайн, безостановочно двигаются под погрузочными люками, наполняются дробленным, отсортированным углем и уходят, уходят, а на смену им все новые, и нет им ни конца, ни края.

Не хочется открывать глаза, хочется досмотреть сон, но какой же это сон, когда Шура так громко, раздраженно говорит. Кого же это она стыдит? Неужели Михаила? За что? Ведь у него сегодня такая должна быть смена, к ней столько готовились, такие на нее надежды возлагали! Неужели какая-нибудь неудача?

Нет, разговор у Шуры не с Михаилом. Она говорит:

— Как вы думали, с кем вы думали, я не знаю, я просто удивляюсь: ведь дело не только в расположении скважин, но в силе заряда, в очередности взрыва, в том, как заряд затрамбован!

— Вот ты и приходи к нам хотя бы на часок... — слышится знакомый голос.

Алешков открывает глаза и видит Георгия Сибирцева. Тот стоит у дверей, и медленно, явно в ожидании ответа, застывает свою неизменную шахтерскую шинель. Шура сидит за столом, смуглое лицо ее покраснелось, она с сомнением качает гладко причесанной головой.

— Не знаю я, Гоша... Помощник из меня плохой.

— Тебя шахта просит, Шура, — тихо говорит Георгий.

«Шахта просит... — думает Алешков. — правильно, Георгий. Давно нужно было растормошить Шуру. Верный способ ты придумал, Георгий!»

А Шура все еще молчит. Георгий рывком надевает шапку и уходит. И снова тихо, до звона тихо становится в бревен-

чатом домике Черепановых. Алешков видит, как Шура клонит голову к столу, как у нее опускаются и вздрагивают плечи. Он садится на диван и спрашивает:

— Шура, ты о чем?

ГЛАВА 34

Они теперь всегда вместе — начальник шахты и парторг — и от этого особенно заметно их сходство. Ростом и возрастом одинаковы, оба молоды, пытливы, порывисты. Дубинцев, правда, вспыльчивее, но зато быстро отходит, смягчается. Данилов же в своих действиях прямее, резче, постоянное, что, впрочем, не мешает ему очень внимательно выслушивать людей, не устывая советоваться с ними.

— Посоветуюсь, поговорю с одним, с двумя, а если требуется, то и с добрым десятком товарищей, и на сердце у меня яснее, и землю под ногами как-то прочнее чувствую! — повторяет постоянно Данилов.

Вечерами, когда работает вторая смена, они привыкли встречаться в кабинете у Дубинцева. Особенно необходимо это стало за последнее время, даже за последние дни. Кабинет начальника десятками проводов связан со всеми уголками шахтного хозяйства, кажется, отсюда можно услышать малейший шорох в самом далеком забое. А прислушиваться сейчас ох, как необходимо к размеренному дыханию огромного шахтного организма. Вообще-то, такая необходимость никогда не исключалась, но особенно остра она сегодня. С утренней смены «Капитальная», впервые за свою историю, начала работать по единому графику цикличности. Это уже цикличность не только в некоторых забоях, а единый производственный поток, захвативший все хозяйство, со всеми его промежуточными звеньями. Трудно все это настраивалось, да и сейчас не легко дается, но уже сделан первый приступ.

Данилов сидит на диване с газетой, Дубинцев за своим столом и время от времени поворачивается к селекторному аппарату, чтобы вызвать очередной подземный участок и спросить:

— По графику?

Голоса отвечающих сегодня по селектору одинаково отчетливы, взволнованы, доклады по-военному коротки. Если же Дубинцев разговаривает не по селектору, а по телефону, Данилов по выражению его лица почти безошибочно угадывает ответы. Губы у Дубинцева плотно сжаты, отчего в уголках рта образовались тугие мускулистые узелки. С виду начальник спокоен, Данилов видит, что это только внешне, немного показьсе, а внутренне он все равно, что натянутая струна. Что ж поделаешь волнение законное.

Сегодня в шахте лучший горный надзор, сегодня в забоях стали на трудовую вахту в честь годовщины со дня рождения Вождя самые искусные мастера угля.

Дубинцев звонит в Третий Западный, выслушивает рапорт начальника смены, беззвучно шевелит губами, а лицо у него при этом светлеет, становится почти юношески моложавым. Положив трубку, он сообщает Данилову:

— Зулин говорит, что идут минута в минуту... Второй цикл начали. Я, говорит, устал немного, волнуясь.

— А сам-то ты? — осторожно осведомляется Степан.

— Что сам? Сам я крепко себя чувствую...

— А душа?

— На месте.

— Будто-бы...

— Не будто-бы, а так точно. И ты, парторг, на всякий случай не расшатывай ее... Давай-ка поговорим о новой комбайновой бригаде. Через недельку машина придет.

— И о завтрашнем партсобрании поговорим.

— И о партсобрании.

— Аннушка-то пишет?

И они почему-то стали говорить не о комбайновой бригаде и не о партсобрании, а об Аннушке, которая учится в Томске, о дочке Дубинцева, потом о Тоне — жене Данилова, о времени, которое летит, что твой горный поток.

Давно ли война кончилась, как будто недавно, но если как следует подумать, да присмотреться к жизни, к тому, как теперь люди дышат, какими силами полнится каждый уголок земли, то, пожалуй, что война-то и давненько кончилась — четыре года — это не четыре дня.

— Сколько нам с тобой лет, если считать вместе? — полюбопытствовал Данилов.

— А тебя что мои годы интересуют? — засмеялся Дубинцев.

— Нет, почему специально твои?

Оказывается, оба-два и до шестидесяти не дотянули. Маловато для руководителей, для учителей, но повзрослеть они еще успеют.

— Если бы еще без войны, если бы не замахивались на нас... — задумчиво говорит Степан. — Очень уж хорошо жить, Николай-свет-Викторович...

— Отвык от военной-то страды?

— Почему отвык? Привыкнуть к этому нельзя. Дело не в привычке, а в необходимости. Привыкнуть, значит полюбить, а полюбить можно только жизнь, труд, песни...

— Вот поэтому люди у нас и работают нынче так... Сибирь

пев вон, Черепанов, Афанасий Петрович... Хорошо! Ох, черт, и хорошо же!

Степан не совсем понял, что собственно хорошо, но по тону товарища догадался, что ему просто хорошо дышится, думается, хорошо будет уходить нынче домой полным до краев желаниями, силами.

Посоветовал ему:

— Позвонил бы, Николай Викторович, соседям... Как там у них?

— Идея! — в глазах Дубинцева блеснул азартный огонек. — Это идея, ведь наступаем-то сегодня всем рудником!

Первой ответила Восьмая. У телефона начальник шахты Кропачев.

— Как у тебя дела сегодня, товарищ Кропачев?

— А кто это о моих делах беспокоится? — прогудел в ответ начальник Восьмой.

— Дубинцев беспокоится.

— А-а, Дубинцев! Приятно. Что ж дела... Того и тебе же ласк!

— Хороши?

— Так хороши, что я даже беспокоюсь...

— О чем же?

— Непривычно. Спокойная жизнь у нас наступит скоро, Николай Викторович, не придется взнуздывать каждый забой в отдельности — управлюй шахтой в целом, да и только.

— Спокойная? В целом? — с сомнением усмехнулся Дубинцев. — Этого я не знаю... А что работать будет легче... просторнее — это правильно, к этому все идет.

Дубинцев прервал разговор с Кропачевым. Вызвали по сектору с четырнадцатого очистного. При отпалке, в самом верхнем уступе получилась осечка, — не взорвался один из зарядов. Запальщик говорит, что подвел капсюль-детонатор.

— Детонатор! — Дубинцев со сдержанной злостью приступает обоими кулаками по столу. — Детонатор вас подвел, а вы — целую шахту, весь трест!..

Но даже на выговор сейчас времени нет. На участок немедленно же посылается заместитель главного инженера, вызывается горнотехнический инспектор, а когда как-будто все меры приняты, Дубинцев опять стучит кулаками по столу и обращается к парторгу:

— Вот что такое сплошная цикличность, поток! — нужно все, буквально все предусмотреть!.. По поводу этого капсюля я завтра соберу настоящий митинг... — успокоившись немного, подытожил он.

И снова они прислушиваются к шахте, к ее дыханию, по-ступи.

Дежурный по шахте сообщает, что гражданка Черепанова, жена комбайнера, просит разрешения побывать в Третьем Западном.

— Еще жен у меня сегодня в шахте не хватало! — слегка раздражается Дубинцев и переглядывается с парторгом. Тот быстро, поощрительно кивает.

— Пускай идет... Это по моему совету Сибирцев ее пригласил, это необходимо.

— Разрешаю, — говорит Дубинцев в микрофон. — Обмундировать и дать проводника, а то еще заблудится.

Разговаривая же с двадцать второй комбайновой, он попросил передать Черепанову, что жена его в полном здравии проследовала в Третий Западный. Пусть не беспокоится.

И вот так, час за часом шло время. Окна вздрагивали под напором швалистого ветра. А на командный пункт шахты непрерывно притекали все новые сведения.

Потушив верхний свет в кабинете, Дубинцев и Данилов на минуту подошли к широкому окну и постояли там молча, плечо к плечу.

В сумраке, позади их, кто-то открыл двери и воскликнул:

— Ого, да тут темень крошечная! А где же наши молодые генералы?

«Генералы» по голосу узнали Рогова. Вот неугомонный, третий раз на дню пожаловал. Никак не скажешь, что он невнимателен к «Капитальной». Дубинцев поспешно включил свет, и Рогов рассмеялся:

— Ага, сумерничаете, шепчетесь, секретничаете!.. Ах, молодежь!

Подошел к Данилову в заиндеветшей на морозе дохе, с веселыми карими глазами и сильно тряхнул за плечи.

— Парторг, парторг ты мой гвардейский!

Так же тряхнул Дубинцева.

— Начальник!.. Холостые мы с тобой единицы, и поздравить-то нас некому с первым успехом. Давай друг друга — я тебя за шахту, ты меня — по скромности характера, — за трест!.. Поздравляю! — И чего никогда не было, поцеловал Дубинцева, неловко, по-мужски. Поцеловал и, быстро шагая к двери, сказал:

— И за то, что вы умеете так работать, — получайте персональную премию. Да еще какую!

Открыл двери, и порог кабинета сейчас же переступил пожилой, сутулый человек, с продолговатым морщинистым лицом и удивительно знакомой близорукой прищурочкой маленьких

глаз. Данилов с Дубинцевым смотрели, смотрели на него и в один голос вскричали:

— Герасим Петрович! Товарищ Хомяков!..

— Он, он! — подтвердил Рогов. — И Герасим Петрович и он же товарищ Хомяков, долгожданный, желанный и не единожды тайне изруганный. Только что с вокзала и прямо к вам. Вы, товарищи, счастливики, в сорочке родились!

Хомяков стоял у порога и тихонько посмеивался, протирая очки. Поздоровались, но садиться никому не хотелось.

— Ну как же вы, Герасим Петрович?.. — не вытерпел, наконец, Дубинцев. — Как... чувствуете себя?

— Как чувствую? — Хомяков понимающе откашлялся, но речь повел издадека. — Здоров, соскучился... Имею неплохую мускулатуру, вообще, я деятельный еще старик...

— А это, это... — нетерпеливо перебил начальник шахты.

— Ах, вы про это!.. — Хомяков переглянулся с Роговым. — Что ж, попрошу у вас какую-нибудь заваливающую лаву, метров так на... на сколько, Павел Гордеевич?

— Метров на восемьдесят...

— Да, не меньше. И чтобы угольное поле было по возможности...

— Бесконечным, — посоветовал Рогов.

— Да, бесконечным. Практически и теоретически.

— Значит, комбайн наш кузбасский вы привезли — допытывается Дубинцев, и у него все ярче разгорается румянец на щеках.

— Не привез, товарищ начальник шахты, но его везут — это все же четыре железнодорожных вагона. Везут наш кузбасский!

Степан Данилов оглядел собравшихся, потом сказал, обратившись к Дубинцеву:

— Николай... Но ведь это же новый набор скоростей! Это же счастье!

Хомяков почему-то заново принялся протирать очки и подозрительно долго откашливался. Рогов погрозил пальцем:

— Но... смотрите, генералы, не завалите под это счастье квартальную программу! Комбайн монтируйте самым срочным образом, но цикл в сутки, но поток — статья попрежнему главная! А теперь давайте-ка послушаем шахту, как она, матушка, дышит...

...Шахта дышала мерно, глубоко, шахта развertyвала свои силы.

...Докладывает заместитель бригадира скоростной проходческой Афанасий Воцин. В Третьем Западном только что начали второй цикл.

— Слышите? — спрашивает по телефону Афанасий Петрович. — Слышите, Павел Гордеевич?

Да, и Рогов и остальные командиры услышали в селекторном репродукторе далекий взрыв.

— Слышите? — переспрашивает Вошин. — А как дела на шахте, в Кузбассе? Что мне передать членам бригады?

— Я только о Кузбассе скажу, — сообщает Рогов. — Последние сведения по Кузбассу... Сегодня добыто еще десять тысяч тонн сверх плана. Всего, значит, полмиллиона! Обрадуй там, Афанасий Петрович, своих проходчиков, — это же целых полмиллиона к дню рождения Иосифа Виссарионовича! На миллионы теперь замахиваемся.

Дубинцев, заменив Рогова у микрофона, сообщил, что почти во всех добычных забоях работа идет по графику. Цикл непременно будет по всей шахте.

— Одним словом... — Дубинцев сделал многозначительную паузу. — Одним словом, Афанасий Петрович, «Капитальная» сегодня угольком голосует за своих делегатов в Москву. Успеха тебе большого.

И снова Дубинцев, а вместе с ним Рогов, Данилов и пришедший, с просветленным лицом Герасим Петрович Хомяков внимательно, метр за метром, узел за узлом обследуют каждый уголок на шахте, от вентиляционных шурфов на окружающих снежных горах до самого дальнего забоя.

Бесшумно летают сверху вниз и опять вверх многотонные металлические скипы, скользят ленты транспортеров, бегут по главным штрекам электрические поезда, вызванивая пронзительными голосами сигналы: «Открывай, диспетчер, дорогу! Освобождай грузовую!»

...Рогов вздыхает.

— Вам хорошо, вы на месте, а мне ведь в путь! Да и вы выходите в шахту — пощупайте все своими руками.

Рогов уехал. Дубинцев с Даниловым одновременно посмотрели на часы и хотели уже проститься с Хомяковым, но тот обиженно насутился.

— Что ж вы меня одного оставляете? — спросил он, поднимаясь с дивана. — Или я не хочу побывать в шахте? Пойдемте, я уже и запах «Капитальной» забыл.

Пошли вдвоем.

Пассажирского поезда на запасном пути не оказалось. Дубинцев предложил подождать, пока он вернется из поездки, но тут вдруг Хомяков опять заупрямился и предложил тронуться пешком и по пути кое-что осмотреть.

— Это же далековато, около пяти километров... — с сомнением покачал головой Данилов.

— Ничего, ничего, я как-нибудь...—стоял на своем Герасим Петрович. — Я не одну тысячу километров исходил по шахтам.

Ну, ничего так ничего. Тронулись пешком. И вот диво: как ни старались парторг с начальником выравнивать свой шаг, а старик все оказывался впереди, будто какой-то особый секрет в шахтерской ходьбе знал. Наклонился всем своим маленьким телом влево, правое плечо приподнял и понесся, поплыл по штрекам, по узеньким досчатым стежкам. Хороший задорный старик, не без чужинки в характере — чуть что не по его, сейчас подбородок выпатит и шагом марш в сторону. Вот если бы еще машина его поскорее пошла на штурм угольных целикоз.

Машина! Парторг с начальником-могут гордиться, что новую машину министерство заслало на «Капитальную», да еще в такую боевую пору.

На одном из участков Дубинцев показал Хомякову только что подготовленную к работе лаву. Герасим Петрович остался очень доволен, языком пощелкал:

Забой сказочный. Отбираю его под комбайн. Не вздумайте противиться, я ведь очень воинственный.

— Действуйте, о чем разговаривать... — Дубинцев невольно крикнул.

Хомяков вдруг засмеялся и доверительно посетовал.

— В других, не наших, условиях из вас, Николай Викторович, и сквалыжный же хозяин получился бы...

— Ну вот и слава богу, что я не в других условиях, — миролюбиво согласился начальник шахты.

Они как раз спустились по лаве к нижней обрезной просеке. Было очень глухо, как всегда в запасном или заброшенном забое. Лица чуть приметно обдувала воздушная струйка, звонко, вперебой ударялись частые капли о железную секцию транспорта. Дубинцев присел на обрубок стойки, рядом с ним опустился Данилов, а Хомяков внезапно махнул рукой, вскарабкался снова вверх по лаве, что-то там обмерил, что-то поговорил про себя, потом крикнул в глубину забоя:

— Э-эй, кто там?!

— Я, Герасим Петрович!—немедленно же отозвался голос Дмитрия Голдобина. — Бежал, бежал и догнать вас не мог, вы как на крыльях... Спрашиваю в одной диспетчерской, говорю, что минуту назад как прошли, спрашиваю во второй—опять минуту назад! Упарился! Дождался я вас, Герасим Петрович...

— Дождался? Но ведь не ты один! — подзадорил парня Хомяков.

— Ясно не один, но ведь я персонально ждал! — не заду-

мываясь ответил Голдобин. — Пусть уж теперь это станет моим кровным делом. Чтобы на всю жизнь!

Дмитрий с Хомяковым спустились в просеку к начальнику и парторгу. В это время еще ниже их в основном штреке прохотал поезд с грузом.

— Идет, товарищи, уголек-то...—заметил Данилов.— Давай-те-ка поближе к действующим лавам.

— Эх, и идет, уж так-то идет сегодня уголек! — подхватил Дмитрий.—Побывал недавно в камбайновой. Цикл заканчивают начисто! Как ножом лаву обрезали!

Да, уголь сегодня лавиной катился на-гора, направляемый умной волею коллектива, которая развернулась подобно стальной пружине.

...Тихо в зеленоватом кабинете секретаря горкома, но это деловая, почти торжественная тишина. Рогов и Бондарчук стоят за столом. Они молчат и строго смотрят в глаза друг другу. В руках у них листки бумаги с только что принятыми сведениями о работе шахт.

Бьет двенадцать ночи... В эту минуту секретарю горкома и управляющему совершенно отчетливо, зримо представилось, как в нескольких забоях на «Капитальной», на Десятой, на мощных пластах Притаежных уклонов грянули последние за смену взрывы, как Черепанов в комбайновой лаве выключил моторы своей машины, а в Третьем Западном Афанасий Вошин, сложив инструмент, сказал проходчикам:

— Шабаш, соколы! На-гора!

Люди в забоях складывают инструмент. Но на смену им уже спешат сотни, тысячи других. Не затихать шахтам.

Глаза у Бондарчука задумчивы, глубоки, излучают мягкий, ласковый свет.

— Так я буду докладывать в комбинат,—решительно потрянув темнорусой головой, говорит Рогов. — Это будет самый короткий мой доклад — цикл по руднику.

Бондарчук кивает.

— Докладывай. Я звоню в обком Ивану Леонидовичу. Мой доклад будет не очень коротким... Расскажу о сталинской вахте шахтеров.

...Да, в эту студеную декабрьскую ночь на сталинскую вахту стали тысячи шахтеров Кузбасса. И полетели уже добрые вести о их делах через всю советскую землю в Москву, в Кремль.

М. НЕБОГАТОВ.

Знаменосец мира

Как привет далекий из столицы —
Свежий номер «Правды» предо мной.
Прямо в сердце входит со страницы
Слово нашей партии родной.
За окном огнем электросварки
Синий снег вечерний озарен...
Пишет «Правда»: Сталину подарки
Шлют народы, шлют со всех сторон.
Вижу я: в Москве, в просторных
залах

Ясный свет струится на дары
Сталинградских воинов бывалых,
Хлеборобов мирных, детворы.
В эти дни все дали стали ближе,
Нити дружбы всех людей свели.
Дети Праги, скульпторы Парижа
Шлют вождю реликвии свои.
И значимость каждого подарка, —
Кто бы ни прислал его, — одна:

Точно в чистом зеркале, в нем ярко
К Сталину любовь отражена.
Той любви неведомы границы.
Из-за дальних, дальних рубежей
День и ночь летят к нему, как птицы,
Телеграммы, письма от друзей.
С ним живя стремлением единым,
Погостить зовут к себе домой.
Всей земли Почетным Гражданином
Выбран он Историей самой.
Верный мудрым ленинским заветам,
Знаменосец мира на земле.
В коммунизм ведя страну Советов,
Вождь про всех нас думает в Кремле.
...Вечер тих. Шуршит в руках газета.
До Кремля отсюда —тыщи верст.
Добрым другом вождь глядит
с портрета,
Как солдат—спокоен, прям и прост.

А. КОЗЛОВ.

Сталинский закон

Днем и ночью, и зимой, и летом
Из Москвы, с Кремлевской стороны,
Льется счастье животворным светом
В каждый дом моей родной страны.
Наше счастье — вечная свобода,
Право жить, учиться и творить,
Чтоб в лазури яркой небосвода
Голубь мира мог всегда парить.
Только нам даны права такие,
Погляди вокруг — живут они,
Мирно зреют нивы золотые,

Средь пустынь в ночи горят огни,
Вырастают мощные плотины,
Навсегда меняя русла рек.
Здесь природы новые картины
Создает советский человек.
И за радость нашу и за вечность
Этих слов, что вписаны в Закон,
Шлет народ
сыновний и сердечный
Сталину великому
поклон.

☆

☆

Чудесная земля!

В. ЗУЛИН.

Песня шахтеров

Слышен грохот в комбайновой лаве,
Блещет уголь под ярким лучем,
Мы к шахтерской немеркнувшей славе
Через толщи земные идем.

Припев: Споемте про золото наше,
Про черные слитки споем.
И жить стало лучше,
И жизнь стала краше,
Мы мир укрепляем трудом.

Чтобы небо цвело голубое,
Чтобы пела в садах детвора,
Полноводной рекой из забоя
Уголь мира течет на-гора.

Припев:

Крепнут силы советских шахтеров,
Много в мощных забоях угля,
Чтоб твои и поля и просторы
Мы согрели, родная земля.

Припев:

Нам открыты бескрайние дали.
И куда бы ни кинули взор,
С нами всюду любимый наш Сталин,
Наш великий, почетный шахтер.

Припев:

В. БОРИСОВ.

Г о л у б и

Слетаются на утренней заре
К окошку голубу веселой стаей.
Бросая им зерно, я замечаю,
Как все светлеет на моем дворе.

Приветливей шумит листвою вяз,
И кланяется вишня молодая,
И дочь моя, про куклы забывая,
Спешит к любимцам-голубям, смеясь,

И я им улыбаюсь из окна,
Как будто этим птицам легкокрылым
Завидная живительная сила
Всех радовать природою дана.

Но не природе благодарен я:
Народы дали силу им такую.
С тех пор, как голубь мира
существует,
Сильнее любит голубей земля.

В. АФАНАСЬЕВ.

Перед сменой

Правый берег солнечной Томи.
Я стою над Томью, на скале.
Подо мной, внизу, река шумит,
Как она шумела сотни лет.

И отсюда, с этой высоты,
Ясно вижу Сталинск, город-сад:
Тополя по улицам, мосты,
В дымке заводские корпуса.

Крепости останки за спиной.
Мох, как пыль седая, на камнях.
И от них далекой стариной,
Древностью пахнуло на меня.

Люди шли сюда из дальних мест,
Оставляя позади кресты.
И болота видели окрест
С этой оголенной высоты...

Синева светлеет надо мной,
А вокруг цветет мой город-сад.
И его, как будто часовой,
Бережет Кузнецкий комбинат.

Смотрю на город с высоты.
Преданьем растревожен,
И город юной красоты.
Мне стал еще дороже.

Я размышляю на ветру
О молодости смелой,
О том, что сделали вокруг,
О том, что будем делать.

И дни и ночи напролет
Пурга в лицо швыряла лед,
Дожди нас били градом,
Когда мы строили завод
И строить были рады.

Нас комсомол прислал сюда
Со всех концов Отчизны.
Мы видели еще тогда
Сиянье коммунизма.

Как и тогда, нас вновь зовет
К труду, к победам новым
Всегда простертая вперед
Рука вождя родного.

Скоро мне на смену. Я с охотой
Засучу по локоть рукава,
Ждет нас небывалая работа.
Счастье — на нее иметь права.

И везде во имя нашей жизни.
Ради мира в мире на века
Нас ведет дорогой коммунизма
Сталина простертая рука.

С. СОКОЛОВСКАЯ.

Раймонда Дьен

I.

Клубится пар горячий по откосам,
Вихрится черный дым по сторонам,
И выговаривают грозные колеса:

Вьетнам, Вьетнам!

Вьетнам, Вьетнам!
Глядят с платформ разинутые жерла
И громоздятся танков корпуса.
Казалось:

смерть разящий меч простерла,
В простор весенний

жадно взгляд кося.
...Ты слышишь вой сирены

над Сайгоном
И горький плач вьетнамских

матерей...
...Стучат, стучат безумные вагоны:
Скорей!

Скорей!

Скорей!

Скорей!

И паровоз гудит страшногласный,
Мелькают шпалы, насыпи и рвы,
А сердце бьется, бьется в такт
колесам:

Оста

но-
ви,

оста-

но-
ви!

Как две змеи —
слепащие две рельсы—
Как два холодных, два ножа
стальных

Дрожат и стонут под чугунным
весом...

...И ты

с разбегу

падаешь
на них,

II.

К суду готова ты, как воин к бою.
Лицом к лицу перед тобой — они.
Но ты стоишь не подсудимой,
а судьбою.

Ты

судишь поджигателей войны.

— Не я, а вы передо мной в ответе
За мой народ и за мою страну.
Лети, мой клещ, лети по всей

планете:

Долой войну!

Долой войну!

III.

Твое окно — железная решетка.
Сковали дверь тяжелые замки.
Но и в тюрьме ты слышишь,

слышишь четко,
Что говорят французы-земляки:
— Раймонда,

мы горды тобою.
Ты — дочь великой Франции своей,
Твой героизм и мужество святое
Зовут вперед,
к борьбе,

сердца людей.
— Раймонда, —

говорят вьетнамцы, —
Благодарим за смелый подвиг твой.
Еще упорней будем мы сражаться
И отстоим в боях мы край родной.
..Ты сердцем слышишь гимн
счастливой жизни —

Поют часы Московского Кремля.
И говорит с тобой моя Отчизна,
Моя родная, русская земля:

— Раймонда,
девушка Парижа!

— Раймонда,
девушка-боец!
Грядущий день лучами солнца выжжет
Два гневных слова: «Палачам конец!»
И сколь ни ездят в Вашингтон

де-голли,
Холопью спину перед ним согнув, —
Встанут стеною люди доброй воли.
Долой войну!

Долой войну!
Друзья с тобой,
они к тюрьме подходят..

И хлынул свет в распахнутую дверь.
Раймонда Дьен, ты снова на
свободе!

И ты еще страшней врагам теперь.
По всей земле народы вместе с нами
Идет, идет победы светлый день.
Еще смелей ты поднимаешь знамя
борьбы за мир.

Раймонда Дьен!

В. ЛУБУШКИН.

Карылгаш

Открылся занавес шурша,
И сразу зал весь ожил.
Горячий воздух задрожал
От хлопанья в ладоши.

И заиграл шахтер-чуваш
На виолончели,
И о казашке Карылгаш
Два паренька запели.

Они запели на своем
На языке родимом,
Но нам казалось, что поем
Мы сами о любимых.

Поем и видим вдалеке
И яблони, и груши.
И Карылгаш, рука в руке
Идущую с Катюшей.

Казалось, что мы с ними шли
Смеялись и шутили,
Как будто вместе все росли,
Как будто рядом жили.

И эта сцена нам и им —
Певцам и гармонисту,
Казалась берегом крутым
Над речкой серебристой..

И любо было паренькам
Свою же песню слушать
И знать, что русскому близка
Казахская Катюша.

И никакая злость врага
Преградой не послужит
Для дружбы той, что навека
Запала людям в души.

Г. МОЛОСТНОВ.

В американском городе

Р а с с к а з

Учитель Джон Бассар бесшумной походкой поднимался на кафедру, холодным взглядом бесцветных глаз медленно оглядывал аудиторию. Его горделиво посаженная голова на жилистой шее, обтянутой венчиком белоснежного воротничка, казалось, была способна повернуться на триста шестьдесят градусов.

В такие минуты Лора вспоминала зоологический сад, где не раз наблюдала кормление удавов живыми кроликами.

— Я — республиканец, — врывался в тишину голос Джона Бассара.

Этим двум словам он умел придать такой оттенок, как будто кто-то сомневался в его принадлежности, именно к партии республиканцев и собирался доказывать обратное.

После краткой обрисовки образа жизни истинного американца, Джон Бассар переходил к тому, как легко каждый американец может стать миллионером. И здесь он оживлялся. В глазах появлялись алчные огоньки.

Естественно, Лору, как и других учеников, рассказ о богатстве интересовал больше всего. Следя за ходом мыслей учителя, она всем существом пыталась постичь секрет. А в сущности никаких секретов Джон Бассар и не собирался открывать. Для девушек все зависит от случая.

Для юношей случай также имеет решающее значение, но неперенным условием для них являются качества бизнесмена.

Джон Бассар любил оперировать конкретными фактами, вставляя в них имена учащихся:

«...Где-то, в какой-то части света живет богатая одинокая старушка. О ее существовании забыли родители Гарри. Покинув землю и переселившись в царство покоя, родители не сказали Гарри ничего. В тот момент, когда юноша разменял последний доллар и задумался о дальнейшем, в дом является неизвестный человек».

С артистическим мастерством Джон Бассар изображал неизвестного и ученика Гарри:

— Простите, если не ошибаюсь, передо мной Гарри Ирман? — Любезная улыбка собирала желтоватое лицо во множество морщин и делала его похожим на вяленую грушу.

— Да, сэр, я — Гарри Ирман.

— О, вот вы какой — обладатель сказочного богатства?!

— Вы ошибаетесь, сэр. В моем кармане семьдесят два цента, а в желудке — абсолютная пустота.

...Ошеломленному Гарри неизвестный вручает дарственную. Гарри, будучи бизнесменом, множит свои капиталы путем женитьбы на дочери индийского короля, скупает ак-

ции какого-то акционерного общества и скоро становится сенатором...

В перемену Лора с завистью смотрит на рыжего Гарри, уплетающего сэндвичи, и думает:

«Почему раньше Гарри казался мне таким безобразным? В крайнем случае, веснушки можно свести, а огненные волосы покрасить в любой цвет. При таком состоянии все доступно».

За короткую перемену Лора мысленно успевает выйти замуж за Гарри и совершить роскошное свадебное путешествие. На пути из школы она спрашивает:

— Гарри, ты женишься на мне?

— Но ведь ты не любишь меня?

— Люблю.

— А почему меня грейпфрутом зовешь?

— Это сейчас. Тогда я буду тебя звать: мой дорогой Гарри.

Гарри настаивается:

— Когда?

— Тогда, когда ты будешь миллионером и сенатором.

— Нет. Не женюсь.

— Почему же, Гарри?

Выпятив грудь вперед и вскинув голову, Гарри идет молча, потом говорит:

У меня будет богатая невеста.

— Ну, хорошо, тогда я выйду замуж за принца, — Лора сердито смотрит на Гарри. — А ты — грейпфрут...

Год за годом проходят в мечтаниях. Принц не просит ее руки, у рыжего Гарри не умирает богатая родственница. Поэтому он был вынужден, недоучившись в школе, устроиться продавцом газет.

Сначала Гарри выполнял свою работу механически. Выкрикивал заголовки статей, не интересуясь их содержанием. На лету ловил монеты, небрежно брошенные обрюзгшим толстяком или кокетливой особой. Потом у него явилась потребность думать, оценивать поступки и окружающий мир. Это новое волнующее стало особенно преследовать его после того, как вместе с моне-

той он поймал однажды плевков жевательной резинки. С чувством омерзения, со слезами, подкатившими к горлу, Гарри кинулся на обидчика:

— Что это значит, сэр?

— А это значит — заткни свою глотку и не кричи глупостей!

Обидчик-американец, у него добрый энергичный взгляд. Как посмел человек с таким приятным лицом грубо пошутить над продавцом газет? Трудно поверить! Но все равно, если бы человек не был высок и плечист, если бы не играли на его руках внушительные мускулы, Гарри влепил бы ему оплеуху.

— Что это значит, сэр? — повторил Гарри.

— Я не сэр, а товарищ!

— Коммунист?

— Нет, рабочий, докер.

Позвольте, о каких же глупостях идет речь? Гарри кричал лишь о красном империализме, о железном занавесе, о коммунистической диктатуре. Он называл лишь заголовки газет. Какое ему дело до того, что пишут, ему нужно заработать деньги.

— Деньги? — переспросил человек и дружески положил руку на плечо Гарри. — Для этого ты стал продавцом лжи? стыдно, друг, стыдно! — заключил он и, словно приведение, исчез в толпе.

Не объяснил ему тогда поступка докера и веселый сосед дядюшка Том. А он бы мог это сделать. Он неплохо знает русский язык и немного научил Гарри говорить по-русски. «Учись думать» — сказал дядюшка Том, выслушав историю обиды. Он подарил Гарри книгу с простым заглавием «Правда о России».

Первый раз Гарри увидел обложку, которая не грозила черным дулом пистолета, окровавленным лезвием ножа, не пугала сумасшедшими глазами убийцы. Среди золотых колосков, над серпом и молотом лучилась пятиконечная красная звездочка...

Лора продолжала мечтать. Только

Лора мечтает теперь не о богатом женихе. Нет, она мечтает о какой-нибудь работе, чтобы помочь больной матери.

С утра до позднего вечера она ходит по шумным улицам, изучая рекламу. Ходит, как заблудившаяся в большом непроходимом лесу. Кричать о помощи — бесполезно, все равно никто не услышит.

Конфетти — от ярких веселых красок до цвета пыли — без всякой связи между собой люди плавают в воздухе, пропахшем газOLIном. Один, заломив шляпу, беззаботно развалился в открытом автомобиле, другой, подперев спиной фонарный столб, пряча глаза, протягивает руку за подающим.

Домой она возвращается усталой. Ей за день никто не сказал доброго слова, поэтому она искренне рада встретить Гарри.

— Хэллоу, Лора! — приветствует он. — Как поживает ваша мама?

— Спасибо, лучше. Доктор сказал, чтоб она продолжала принимать лекарства.

— Так пусть пьет на здоровье!

— Легко сказать, как будто лекарство — вода. У меня нет больше денег, чтобы покупать их и платить доктору. — Она нервно сцепляет пальцы рук, а Гарри, понимая положение, говорит участливо, подбирая на ладони монеты.

— Может быть, этого хватит?

— Нет. Нужны доллары...

— Доллары?! А, какой черт выдумал их? Успокойся, Лора, я тебе помогу. Мы завтра непременно найдем работу.

Чем дальше они бредут от центра, тем меньше реклам, темней улицы.

— Гарри! — неожиданно восклицает Лора. — Давай помечтаем о счастье так же, как мы мечтали в детстве!

— О богатых старушках? О женихах-принцах? — скептически замечает Гарри. Неужели ты веришь до сих пор болтовне о чуде?

— Я этим живу, Гарри. Я верю тому, о чем говорили нам в школе.

— Ну, что ж. Желая удачи!..

И чудо свершилось. Сбылись предсказания Джона Бассара на следующий день.

В этот день удача ждала Лору на перекрестке двух улиц — Норд-Вермонт и Розбри-стрит. Когда Лора смотрела на красный сигнал светофора, готовясь перейти на противоположную сторону, удача была от нее в 50 метрах.

По «стоп-сигналу, скрипнув тормозами, у панели остановилась легковая машина. В ней находился мистер Кроксфорд — владелец киностудии «Фортуна», непомерно тучный человек с отвисшей нижней губой и маленькими голубыми глазами, и его режиссер мистер Грин, удивительно напоминающий жирафа.

Для того, чтобы глазами мистера Кроксфорда счастье увидело Лору, мистеру Грину, который сидел справа, нужно было задремать и выронить изо рта сигару. Почувствовав едкий запах тлеющей материи, мистер Грин спрятал голову между сухих колен и принялся искать источник огня. Мистер Кроксфорд повернулся в его сторону и увидел Лору.

Обрамленные окном автомобиля голова и плечи девушки были слабо освещены огнями большой рекламы мехового магазина. Когда белый медведь со льдины прыгал в воду, на рекламе вспыхивало северное сияние. С угла на угол бежали метровые световые буквы: «Мех белой обезьяны вы купите здесь!»

— Она! — воскликнул мистер Кроксфорд.

— Что она? — переспросил Грин.

— Я вижу Весеннюю розу. Смотрите сюда.

— В самом деле, это действительно похоже на то, что мы ищем. Но каковы у нее ноги...

— Ноги? Совершенно верно. Ноги нам также нужны. Нужны, как и голова. Смотрите, вот она пошла. — Кроксфорд постучал в спину шофера-

негра. — Ведите машину за ней, да не спешите.

Кроксфорд, шумно дыша, тянулся к стеклу автомобиля, наваливаясь на Грина.

— Ну, что вы скажете?

— Держу пари. Это ноги богини! — воскликнул Грин. — На таких ногах наша «Фортуна» сумеет убежать от конкурентов.

Через неделю Лора снималась в кинокартине «Цветы Калифорнии». Оказалось, — стать киноактрисой не так уж трудно, пекдалось раньше. Если бы Лора знала, что у нее редкие черты лица и классическая фигура, она не тратила бы время на поиски работы. Правда, вначале она чувствовала некоторую неловкость и даже стыд, когда по ходу действия нужно было слишком декорировать бюст или вновь и вновь принимать не совсем, как ей казалось, приличные позы.

Обычно очень любезный в антракты Грин, сердился, срывающимся голосом кричал в рупор:

— Эй, вы, Весенняя роза, черт побери! Мы делаем доллары каждым суставом, каждой линией вашей божественной формы. Неужели вам кажется, что одежду носят только для того, чтобы в ней прятаться? Прошу прощения, повторяем..

Потом Лора видела себя на экране. Бесконечное множество газет и журналов печатало кинокадры, кричащие статьи. Теперь не Лора путешествовала по бесконечным улицам города, а ее портреты, развешанные на трамваях и специально оборудованных рекламных автомобилях.

Однажды она встретилась с Гарри. Конечно, одетую в дорогие наряды, он не сразу узнал ее. Иначе он не предложил бы ей купить ту газету, которая пестрела ее же фотографиями.

— О, Лора! — не то от изумления, не то от испуга воскликнул Гарри и окаменел.

«Какой жалкий, — подумала Лора, — а ведь совсем недавно они были равными, и он помогал ей искать работу. Да, это было почти вчера. За это время Гарри, кажется, не менял сорочки? А может быть, он все время носит одну?»

Сердце говорило: «Вернись, Лора, ведь он был твоим другом, поговори с ним», а ноги не слушались: они несли прочь, подальше от вчерашнего дня.

Она взяла газету, молча прошла мимо. Вместо пяти центов в руке у Гарри очутилась радужная бумажка в 25 долларов.

Все продается и покупается. Вот она цена дружбы — двадцать пять долларов! Деньги вместо подруги. Брезгливо, как на плевков жевательной резинки, смотрит Гарри на денежный знак, который встал ненавистой стеной между Гарри и Лорой. Как хорошо, что Гарри научился думать. После той с серпом и молотом на обложке, он прочел уже много хороших книг. Он знает, поэтому, что произошло с Лорой. Ее купили, как вещь, всю целиком, вместе с совестью, и, наверное, она не понимает того.

Лора спешила домой, где ее ждали богатые женихи, контракты. Не говоря уже о мистере Кроксфорде и мистере Грин, в нее успело влюбиться до полутора десятков воротил делового мира. И, прежде всего, каждый предлагал деньги. Самой выгодной партией из всех был брак с мистером Далас, владельцем киностудии «Миссури». Она дала ему слово, что, сыграв еще в одной картине у Кроксфорда, порвет с ним контракт и выйдет замуж за мистера Далас.

С мистером Далас Лора встречалась тайне от Кроксфорда. Она не хотела огорчать его преждевременно. Но мистер Кроксфорд не был бы самим собой, если бы с первого шага не окружил Лору наемными шпионами. В его голове ясно сложился план, предусматривающий

контрмеры по поводу брака с Даласом.

Пока шла подготовка к съемке новой кинокартины «Дочь прерий», мистер Кроксфорд тренировал убийцу. Для этой цели он пожертвовал чуть ли не одной из лучших лошадей своей конюшни — «Черным тюльпаном». К назначенному часу явился жокей. Осмотрев «Черного тюльпана», он, глядя исподлобья, спросил коротко:

— Что сделать, сэр, из этой лошади?

— Страх к выстрелу, — ответил Кроксфорд.

— Только?! — удивился жокей, как будто он мог сделать из нее президента.

— Да, только страх. Но вы понимаете, что такое страх. — Кроксфорд показал объемистую пачку денег. — Страх! — с расстановкой повторил он, округляя глаза.

Жокей покорно поклонился:

— Да, сэр, понимаю...

В роковой день мистер Кроксфорд даже не встретился с Лорой. Он только предупредил мистера Грина:

— Сниматься будет «Черный тюльпан».

— О'кэй! — буркнул Грин...

Лора не помнит выстрела. Кроме легкости необыкновенного полета с крутого обрыва на обезумевшем коне, она ничего не ощутила. С этим чувством она пришла в себя в госпитале, закованная в гипс. Справляясь о состоянии ее здоровья, мистер Кроксфорд насчитал столько переломов, что откровенно позавидовал ее выносливости.

Притворно огорчаясь, он звонил мистеру Даласу, но тот, в свою очередь, адресовал соболезнования мистеру Кроксфорду.

Только мать и Гарри, продавец газет, навещали Лору. Около года она пролежала в госпитале. Не искусству врачей, не изысканным медикаментам она обязана выздоровлением. Нет. Ее добросовестно лечили ровно столько, на сколько у нее хватило денег. А их не хватило у

нее лишь на пластическую операцию лица, испорченного при несчастном случае...

И вот снова Лора вместе с Гарри бродят по бесконечным улицам города в поисках работы для Лоры.

На больничной койке Лора часто со стыдом вспоминала свой поступок по отношению к другу. Она много раз решалась объяснить с Гарри, попросить прощения, но боялась. А вдруг Гарри уже обо всем позабыл, и, может быть, стоит только напомнить ему об этом, как он отвернется от Лоры. Разве можно сейчас ей остаться одной?

А совесть требует развязки. Поступок камнем лежит на сердце. Или сбросить его и вздохнуть легко и свободно, или продолжать носить этот камень? Нет, лучше развязка! Пусть горькое, заслуженное одиночество, чем постоянный страх перед ним.

— Гарри! Может быть, ты простишь меня?

Так и есть. Он не понимает ее. Он забыл, в чем виновата перед ним Лора. Он даже удивлен.

— Я не понимаю тебя, Лора!

— О, Гарри, я очень виновата. Ты помнишь, как я поступила нечестно?

— Помню, Лора, но в этом виновата не ты. Они виноваты!

Гарри не сказал, кто они. Он только посмотрел немного повыше мрачного события прищуренным сердитым взглядом. А Лора вдруг поняла, поняла все, о чем думал в эту минуту Гарри.

— Гарри, ты не забыл нашего учителя мистера Бассар? — спрашивает Лора, беря Гарри за руку.

— Помню.

— Ты знаешь, Гарри, он мне всегда напоминал удава.

— Мне тоже. В его присутствии я чувствовал себя кроликом.

— Сейчас мы тоже кролики, Гарри. — Лора крепко сжимает руку Гарри. — Нас уже проглотил удав. Я начинаю бояться города, мы задохнемся в нем.

— Ты прочла книгу, которую я тебе дал? — помолчав, спрашивает Гарри.

— Прочла.

— Это видно, а то бы тебе не пришли в голову такие мысли.

— Какие?

— О ничтожестве человека у нас.

— Гарри, а где эта страна, в которой так счастливо живет народ? Ведь я о ней раньше ничего не знала.

— Там, за океаном..

«Мех белой обезьяны вы купите здесь!» — кричит реклама. Спутники остановились как раз на перекрестке двух шумных улиц, где когда-то удача ждала Лору.

— Гарри, зайдём в магазин. Может быть там мы найдём счастье? — Зайдем.

Они входят почти в безлюдный магазин. Их встречают, как покупателей очень любезно. Но приветливая улыбка хозяина исчезает мгновенно.

— Вы ищете работу? — спрашивает он строго.

— Да, сэр, мы ищем работу. Какую-нибудь работу, сэр.

— Есть у меня работа в качестве манекенши, но вас я принять не могу.

Вначале обрадованная, Лора бледнеет:

— Почему, сэр?

Вместо ответа он подводит ее к громадному зеркалу.

— Видите, какое у вас лицо?

— Я буду гримироваться, сэр! — умоляюще восклицает Лора. — И могу составить вам хорошую рекламу.

— Хорошая реклама! — хмурится хозяин.

— Я — бывшая кинозвезда Лора Зотт. Вы можете сообщить об этом в газетах и к вам пойдут покупатели. Возьмите меня, — почти кричит Лора.

— О'кэй! — что-то сообразив, заключает владелец мехового магазина.

Какое счастье! Лора работает! К восьми часам утра она приходит в магазин, долго занимается своим красивым лицом. Затем одевает

роскошное меховое пальто и входит в застекленную витрину. Витрина представляет из себя стеклянную коробку в метр шириной и в три длиной. Лора ходит взад и вперед, улыбается прохожим, принимает позы. Время от времени Гарри украдкой машет ей рукой. Он расположился на углу с кучей газет, в которых снова рекламируется Лора Зотт.

— Бывшая кинозвезда — манекенша! — кричит Гарри, предлагая газеты. Только пять центов!..

Калифорнийское июльское солнце жаркими лучами пронизывает витрину. В стеклянной коробке по углам расплозились мухи, нечем дышать. Идя справа налево, Лора улыбается, а когда возвращается обратно, чтобы показать публике, как хорошо меховое пальто сзади, ее лицо болезненно искажается. Но этого никто не видит. «Только бы не упасть», — думает Лора. Мучительно медленно идет время.

«Надо продержаться еще несколько минут», — Лора видит, к витрине подходят два молодых человека. Они одеты безукоризненно и без той небрежности, которая отличает определенную категорию американцев. «Верно, они настоящие покупатели, если так внимательно рассматривают витрину. Сейчас они зайдут в магазин и что-нибудь купят. Хозяин будет доволен». Теперь Лора улыбается только им. «Купите, купите!» — просят ее глаза.

Через стекло не слышно, о чем разговаривают молодые люди. К ним подбежал Гарри. Он, очевидно, хотел предложить газету, но почему-то вдруг изменился в лице, и пока они разговаривали между собой, Гарри стоял изумленный.

Они пошли прочь, и Гарри пошел за ними. Лоре показалось, что она сходит с ума. Весь остаток дня она думала о случившемся.

— Кто были эти люди, почему ты так странно смотрел на них? — спросила Лора, как только Гарри встретил ее по окончании работы.

— Пойдем скорее, пойдем. Я тебе все расскажу, — у Гарри еще не прошло волнение от встречи с неизвестными. Он заговорил не сразу.

— Что же ты молчишь, Гарри?

— Лора, то были русские!

— Русские?!

— Да!

Гарри осмотрелся по сторонам.

— Мои соседи умеют говорить по-русски, — начал он. — Они научили и меня этому языку. Я понял, о чем говорили эти два джентльмена.

Гарри вздохнул и горько улыбнулся:

— Правда, мы кролики, Лора! Ты знаешь, о чем они говорили, — помолчав, продолжал Гарри. Они сначала не узнали, Лора, что ты — человек. Они приняли тебя за механический манекен и искренне удивились нашей технике. Потом возмущались. Им стало стыдно за нашу страну..

Из переуллка, заваленного разбитыми бочками, фанерными ящиками,

навстречу Гарри и Лоре вышла седая высокая женщина. Ее строгое лицо было бледно.

— Поставьте, пожалуйста, свои подписи вот здесь, — сурово сказала она, подавая Воззвание к миру. — Как мать, я обращаюсь к вам: сделайте это, если любите жизнь!

Она покачнулась и побледнела еще больше.

— Что с вами, — спросила Лора, поддерживая ее.

— В Корее убит мой сын..

Гарри и Лора незаметно вышли к пристани. Крутой волной океан бил в гранитную стену. Было ветрено. Клочковатые тучи низко ползли над берегом, зловеще темнела вода. Лишь не мерк и гордо реял флаг судна, уходящего в открытый океан. Он был золотисто-красного цвета.

— Это их флаг? — спросила Лора.

— Да, Лора. Но это и наш флаг...

В. ПОПОВ.

Д. И. Менделеев о роли Сибири и дружбе России с Китаем

Великий русский ученый-патриот Д. И. Менделеев, автор известной периодической системы элементов и ряда выдающихся трудов в области химии и физики, являлся одновременно одним из выдающихся прогрессивных мыслителей своего времени.

Неутомимый борец против косности и консерватизма, ненавидящий схоластику, он шел своими собственными путями, отражая взгляды и чаяния передовых людей своего времени.

Большой интерес представляют высказывания Менделеева во вопросу правильного размещения производительных сил нашей Родины и вытекающих отсюда его взглядов на роль Сибири и значение дружбы России и Китая.

Только теперь, когда волею партии и рабочего класса Сибирь из отсталой окраины дореволюционной России выросла в один из крупнейших индустриальных районов социалистического государства, а дружба России и Китая стала одним из первостепенных по значению факторов успешного развития демократического лагеря мира, перед советскими людьми со всей полнотой стоит образ великого русского патриота, передовые идеи которого, непризнанные и осужденные официальной царской наукой, близ-

ки и дороги каждому советскому человеку.

Вопросы правильного размещения производительных сил имеют решающее значение в экономическом развитии страны. Если одной из отличительных черт экономической политики правящей верхушки дореволюционной России являлось вообще слабое использование производительных сил страны, то в отношении использования природных возможностей окраин России, в частности Сибири, культивировалась политика общей недооценки природных богатств и искусственное торможение развития выявленных природных возможностей.

«...Окраины России, — как указывал X съезд ВКП(б), — (особенно Туркестан), находившиеся на положении колонии или полуколонии, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов».

Развитие Сибири тормозилось в первую очередь, отказом от серьезного изучения ее разнообразных природных богатств,

Хотя Донбасс и Кузбасс были открыты в один и тот же период (1721—22 гг.), запасы Кузбасса перед Октябрьской революцией определялись всего в 15 млрд. тонн против 60 млрд. тонн запасов Донбасса, тогда как в действительности Кузнецкий бассейн по запасам угля превосходит Донбасс в несколько раз.

Также не изучались ресурсы Сибири по черным и цветным металлам, хотя в те годы выявились значительные запасы золота в Восточной Сибири, полиметаллов на Алтае, железных руд в Горной Шории и Хакасии.

Развитие Сибири тормозилось также ограниченностью путей сообщения, слабостью железнодорожной сети и отсутствием подъездных путей к железным дорогам и водным путям сообщения.

В связи со строительством в Сибири железнодорожной магистрали появилась возможность значительного развития сельского хозяйства и вывоза хлеба в Европейскую Россию и за границу. Введенный царским правительством знаменитый Челябинский перелом (высокий железнодорожный тариф на сибирский хлеб, следующий на запад) практически задержал это развитие. В то же время всемерно культивировались неправильные представления о бедности Сибири полезными ископаемыми, об ограниченных возможностях развития сельского хозяйства и непригодности Сибири для жизни человека.

Отражая официальное мнение царского правительства и правящей верхушки о возможностях развития производительных сил Сибири, царский историк Сибири генерал Андреевич писал: «Это громаднейшее пространство до сего времени носит общее прозвище Сибири, с которым, вероятно, и останется навсегда потому, что ничего другого, кроме Сибири, из него выйти не может. Никакое другое название страны, как бы мала она ни была, не дает такого ясного представления об отли-

чительных свойствах и характере страны, во всяком смысле, как Сибирь. Для всех она есть страна холода, непригодная для жизни и ценная для государства лишь в смысле ссылки. Сделанная оценка верна для $\frac{99}{100}$ пространства Сибири. Справедливость этой оценки подтверждается 300-летней исторической жизнью этого громаднейшего в мире пустыря» (Андреевич. История Сибири. С. Петербург, 1833 г.).

Искусственное сдерживание развития окраин и распространяемое представление о невозможности их развития находились в резком несоответствии с действительными интересами народного хозяйства России с интересами широких трудящихся масс, поскольку такая политика превращала Россию в отсталый сырьевой придаток более развитых в экономическом отношении буржуазных стран Европы и США.

Одним из показателей отставания развития производительных сил Сибири и вытекающего отсюда крайне неравномерного размещения производительных сил царской России могут служить следующие данные о географическом размещении дореволюционной русской промышленности:

Если в европейской части России удельный вес по обрабатывающей промышленности составил 96,5 процента, в том числе по металлообрабатывающей промышленности — 99,1 процента, по химии — 99,5 процента и по текстилю — 99,1 процента, то в Западной и Восточной Сибири удельный вес по этим трем отраслям народного хозяйства не составлял и одного процента.

В условиях такого неравномерного размещения производительных сил страны высказывания передовых русских мыслителей имели огромное научное и экономическое значение. Вопреки официальному мнению, прогрессивные ученые рассматривали окраины России, в том числе и Сибирь, как будущие индустриальные центры. Они ставили вопрос о необходимости более рационального раз-

мещения промышленности за счет сдвига промышленного производства из северо-западных и Прибалтийских районов, где было сосредоточено около 40 процентов металлообработки, 30 процентов текстильного производства и свыше 62 процентов химической промышленности, вглубь России — на юг Украины, на Урал и в Сибирь.

Большой интерес в этом отношении представляют высказывания выдающегося русского мыслителя Д. И. Менделеева, блестящего знатока экономики народного хозяйства и автора прогрессивной русской теории размещения производительных сил.

На протяжении десятилетий в экономической литературе вопросы размещения производительных сил обычно связывались с работами немецкого экономиста Альфреда Вебера. В советской экономической литературе работы буржуазных экономистов в том числе и Вебера подвергнуты резкой и справедливой критике, однако вплоть до настоящего времени еще не освещены работы Д. И. Менделеева в этой области.

Между тем, мысли и исследования Д. И. Менделеева позволяют характеризовать его, как экономиста, стоящего неизмеримо выше Вебера и всей его прославленной в буржуазной литературе школы.

В отличие от Вебера, исследования которого сводились в лучшем случае к объяснению того, где и почему сосредоточены те или иные отрасли промышленности, Д. И. Менделеев на основе глубокого изучения экономики России конца XIX и начала XX века правильно наметил будущие индустриальные центры России.

Именно Д. И. Менделееву принадлежит мысль о необходимости широкого развития промышленности, в первую очередь, на юге России, на Урале и в Сибири.

«На окраинах России, — писал он, — есть немало мест, обладающих суммой благоприятных естественных условий. Те места могут со

временем сделаться для России новым источником благосостояния... Свое мы знаем вообще мало, а экономическая сторона при описании новых краев часто вообще упускается из вида... Дадим то, чего недостает: знаний тех естественных и экономических условий, которые встречаются в наших отдаленных окраинах» (Д. И. Менделеев. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон, т. 65, стр. 32).

Не ограничиваясь общим принципиальным положением о необходимости движения производительных сил от центра к периферии, Д. И. Менделеев на основе анализа известных тогда природных ресурсов и условий хозяйственного развития России определял будущие важнейшие центры промышленного производства.

Одним из таких центров, по мысли Д. И. Менделеева, должен был быть юг Украины, который тогда еще только начинал свое промышленное развитие. «Донецкий край, — писал Менделеев, — содержит такое количество угля, которого достаточно на много, много лет не только для всей области потребления (Юг, Центр и Юго-Восток России), но и для громаднейшей отпусковой торговли» (Д. И. Менделеев. Толковый тариф, стр. 415). «В Донецком крае, — пишет он далее, — не один уголь, много есть чего другого» (Д. И. Менделеев. Толковый тариф, стр. 424).

Исходя из этого, Менделеев правильно определил, что именно юг Украины — Донбасс должен стать центром развития не только угольной, но и ряда других отраслей тяжелой промышленности.

Другим таким центром, по мысли Менделеева, должен был быть Урал. Следует отметить, что при жизни Менделеева промышленность Урала пришла к упадку, и на Урал большинство экономистов того времени смотрела, как на район, уже сослуживший свою службу и не имеющий основания для дальнейшего промышленного подъема. В отличие от

этих воззрений. Менделеев писал: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом... На руде Урал явно выгадывает перед всей Европой... Это его великое и основное преимущество... Руд на Урале конца нет» (Д. И. Менделеев. Уральская железодельная промышленность, стр. 115—116).

Наконец, третьим районом, которому суждено сыграть выдающуюся роль в развитии народного хозяйства нашей Родины была Сибирь.

«Урал, область Донца и Кузнецкий каменноугольный бассейн Западной Сибири, — писал Менделеев, — представляют сумму всех благоприятных условий для успешного развития обширной железной промышленности» (Основа химии, том 2, стр. 589). В развитии же железной промышленности Д. И. Менделеев видел условие развития и других отраслей промышленности Сибири.

Не лишне вспомнить, что, отмечая большие возможности Кузнецкого каменноугольного бассейна, Д. И. Менделеев выдвигал идею вывоза кузнецких углей на Урал для развития уральской металлургии.

Основой развития Сибири и Урала в годы социалистической индустриализации явилось осуществление великой сталинской идеи соединения кузнецких коксующихся углей с уральской железной рудой путем взаимного обмена богатствами Урала и Кузбасса. Мысль Д. И. Менделеева представляет лишь первое звено этой гораздо более глубокой и прогрессивной идеи. Однако уже и она представляет значительный шаг вперед по сравнению с официальными взглядами представителей промышленности и науки начала XX века, которые еще не видели реальных возможностей развития уральской металлургии.

Огромная роль Сибири в развитии народного хозяйства России обуславливалась, по мысли Менделеева, двумя причинами: возмож-

ностью нахождения в Сибири разнообразных природных ископаемых в размерах, обеспечивающих создание крупной промышленности, и, во-вторых, особо благоприятным географическим положением Сибири, как района, размещенного между промышленно развитыми областями России на западе и огромным человеческим массивом народов Азии и, прежде всего, Китая, на востоке.

Таким образом, теория размещения производительных сил, предложенная им, была связана с другим его положением — необходимостью тесной экономической связи России и Китая и большой ролью Сибири в этой дружбе. «Россия, — писал он, — расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными той или другой части света, назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией померить, связать и слить» (Д. И. Менделеев. К познанию России, стр. 142).

Залог этого Д. И. Менделеев видит в том, что в Сибири «явно преобладает численно и во всех отношениях русское население...» и что «Азиатская Россия настолько же Россия, насколько и большинство частей Европейской России» (Д. И. Менделеев. К познанию России, стр. 143). «Сам я сибиряк родом, т. е. происхожу из Азиатской России, — пишет он далее, — думаю даже, что в будущем Азиатской России суждено играть немалую роль в мире... Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, померить и слить два разных мира» (там же, стр. 146).

Необходимость такого слияния Д. И. Менделеев обуславливал огромным значением для мировой истории дружбы России и Китая, этих двух величайших стран мира.

Следует напомнить, что во времена Менделеева Китай рассматривался империалистами всех стран,

как объект колониального грабежа, а китайцы, как народ, стоящий на более низкой ступени развития, который и впредь не сможет сравняться ни по культурному уровню, ни по уровню промышленного развития с европейскими странами.

В прямую противоположность этому Д. И. Менделеев писал: «Переходя к Китаю, как одной из величайших мировых держав, считаю необходимым прежде всего высказать мое личное мнение об этой стране, считаемой в Западной Европе, преимущественно с конца XVIII столетия достойной лишь презрения и хулы. Китайцами там просто бранятся... Хорошего о Китае я не слышал, чтобы отзывались, а между тем страна эта поражает не только громадностью, которая не может приобретаться одними дурными свойствами и качествами, не только тем, что сумела уцелеть тысячелетиями, когда рушились громады Вавилона, Греции, Рима и Турции, не только тем, что издревле слушала, почитала и следовала за своими мудрецами, но и тем, что всегда стремилась к широчайшему распространению признанной образованности, миролюбия... упорного трудолюбия... и истинного демократизма» (Д. И. Менделеев. Дополнения к познанию России, стр. 50).

В начале XX века, когда Менделеев писал свою книгу «К познанию России», буржуазные государства для оправдания своей агрессивной захватнической политики в отношении Китая, на весь мир кричали о мнимой агрессивности самого Китая, о некоей «желтой опасности», прикрывая этой сказкой подготовку новой мировой войны.

В прямую противоположность этому Менделеев писал: «...по тому, что узнал из знакомства с некоторыми писаниями китайских мудрецов, полагаю, что Китай направит свои силы, когда их почувствует, исключительно на успехи внутренние, не военно-завоевательные, а мирные: на науку, сельское хозяй-

ство, промышленность и торговлю, а потому то я особо стою за тесноту сближения с Китаем. Бояться можно китайского соперничества не нам, а тем, кто видит в Китае только рынки сбыта...» (там же, стр. 56—57).

Рассматривая мир во всем мире, как одно из основных условий развития цивилизации и прогресса, Д. И. Менделеев видит залог этого мира в союзе России с рядом других государств и, в первую очередь, с Китаем. «Думаю, — пишет он, — что общий мир в сильной мере на предстоящие времена может обеспечиться особенно при том условии, если Россия... усилит всеми способами союзную близость свою еще с Китаем... послужив с одной стороны для Китая охранительницею против внутренних и внешних новых посягательств на ее цельность» (там же, стр. 63).

Подытоживая свои мысли о необходимости теснейшего сближения России и Китая для обеспечения мира во всем мире и для обеспечения взаимного экономического сотрудничества в развитии обеих стран, Д. И. Менделеев пишет: «На основании древних дружественных отношений к Китаю Россия может с большим, чем какая иная держава, основанием вступить в союз с Китаем, которому русское посредничество может многое облегчить и обеспечить от давления других европейских первые шаги несомненных будущих успехов, обеспечиваемых талантливостью, трудолюбием и многочисленностью китайского народа» (там же, стр. 65).

Развивая идеи единства цели, экономического и культурного развития России и Китая, Менделеев предложил новую карту России, в которой Сибирь занимает как бы центральное положение и является связующим звеном между Россией и Китаем. «Я употребил немало усилий, — пишет он, — и попыток на то, чтобы найти такой способ картографического изображения всей России, в котором Европа

сливалась бы с Азией» (Д. И. Менделеев. К познанию России, стр. 146).

Эта карта была создана Менделеевым, однако широкого распространения она не получила и получить не могла, поскольку в ней выражались взгляды и чаяния, не соответствующие взглядам правящей верхушки.

Подчеркивая важность всеобщего мира (залог которого Д. И. Менделеев видел в союзе России и Китая и мирной политике этих государств), он писал: «Люди стали видеть, что в войнах того очень мало... Что время войн и всяких братоубийств, если еще не совершенно миновало, то скоро непременно должно миновать и что мировые задачи не только очень многочисленны, но и касаются всем близким интересов, которые, между прочим, и родили мечтательные решения социалистов, коммунистов... учения которых с той стороны прогрессивны, что по существу своему идут против всяких войн» (Д. И. Менделеев. Дополнения к познанию России, стр. 64).

Ограниченность мировоззрения Д. И. Менделеева, который, высказывая прогрессивные мысли и идеи, все же не смог подняться до уровня марксистского мировоззрения, не позволило ему разграничивать войны на справедливые и войны несправедливые. Однако нельзя не отметить того, что, не будучи ни социалистом, ни коммунистом, Д. И. Менделеев все же уловил глубокую прогрессивность взглядов коммунистов, как противников решения международных вопросов с помощью оружия, тогда как именно этот путь рассматривался буржуазией как важнейшее средство решения международных проблем.

Таким образом, основные мысли Менделеева по вопросу размещения производительных сил и отношению России с Китаем сводились к следующему:

Основным центром индустриального развития России должен быть

не юго-запад и Прибалтика, как это было во времена Менделеева, а юг Украины, Урал и Сибирь, как места, обладающие «суммой благоприятных естественных условий».

В хозяйственном и политическом развитии России в будущем большую роль должна сыграть Азиатская Россия, под которой Менделеев в первую очередь подразумевал Сибирь. Сибирь обладала суммой благоприятных естественных условий, и являлась связующим звеном между Европейской Россией и Китаем.

В истории человечества большое значение должна иметь дружба России и Китая, как самых могущественных государств мира. Эта дружба, способствуя экономическому развитию двух стран, будет в то же время «охранительницею против внутренних и внешних новых посятельств» на Китай.

Мирное развитие государств отвечает коренным интересам народов всех стран. Не будучи ни коммунистом, ни социалистом, Менделеев в то же время признает прогрессивность их учения уж по одному тому, что они (коммунисты и социалисты) по существу своему идут против захватнических войн. Союз России и Китая является одним из основных условий обеспечения длительного мира в Европе и Азии.

Экономические исследования Д. И. Менделеева, в том числе о размещении производительных сил, о важности дружбы России и Китая в истории человечества, об огромном значении и роли Сибири, еще ждут своих исследователей.

Волею большевистской партии и советского правительства под руководством гениального вождя народа товарища Сталина отсталые в прошлом окраины России выросли в развитые индустриальные районы нашей Родины. Юг Украины, Урал и Сибирь превратились в мощные промышленные центры. Мысль Менделеева о размещении производительных сил страны получила дальнейшее развитие и практическое

осуществление в гениальной сталинской идее Урало-Кузнецкого комбината, в создании новых высокоразвитых экономических районов страны. Дружба России и Китая, о которой писал Менделеев полвека тому назад, уже стала историческим фактом. Неразрывно связаны народы двух великих государств — СССР и Китая. Именно эта дружба, как предвидел выдающийся русский мыслитель, становится перво-степенным по значению фактором обеспечения длительного мира во всем мире.

Общественный и государственный строй в СССР открыл безграничные возможности бурному развитию производительных сил, перед которым меркнут все достижения человечества прошлых веков, ибо экономическая политика Советского государства, определяющая направление, характер и темпы развития производительных сил, вытекает из строго научных знаний экономических законов, в основе которых лежат указания Ленина и Сталина о размещении производительных сил.

А. АНДРЕЕВ.

Опыт агитационной работы

Коллектив авторов — Б. Калясов, М. Лапшина и Ф. Эсаулов — в брошюре «Опыт работы агитколлективов Кузбасса»*) рассказывает о постановке агитационной работы партийными организациями шахты № 3 треста «Кагановичуголь» (г. Киселевск), Кемеровского коксохимического завода и колхоза «Путь Ленина», Кемеровского района.

В статье «Шахтерский агитколлектив» автор Б. Калясов приводит многочисленные примеры, как партийная организация шахты № 3 через агитколлектив мобилизует горняков на успешное выполнение и перевыполнение производственных планов, на повышение производительности труда. Агитаторы — шахтеры большевистским словом и личным трудом борются за освоение новой техники, за внедрение передовых стахановских методов труда.

Агитатор 8-го участка шахты Григорий Прокопьевич Герасимов пользуется всеобщим уважением. Это — шахтер-новатор. Он первым на шахтах Киселевска начал борьбу за совмещение профессий; на отлично усвоил углепогрузочную машину и изучил взрывное дело. Как только тов. Герасимов узнал о скоростном

методе проходки подготовительных забоев прокопьевского проходчика Ивана Головина, он съездил на шахту «Тырганские уклоны» и изучил на месте передовой метод организации труда.

Вернувшись на шахту, коммунист-агитатор поставил задачей внедрить метод Ивана Головина в своей бригаде и довести проходку основного штрека до 400 метров в месяц. Шахтеры поддержали предложение бригадира и в скором времени выполнили свое обязательство.

Но это агитатора удовлетворить не могло. Он, проводя систематические беседы с шахтерами о повышении производительности труда, упорно и настойчиво распространяет методы работы Головина. За короткий срок участок, где работает агитатор тов. Герасимов, стал стахановским, здесь нет ни одного горняка, не выполняющего норму выработки.

Григорий Герасимов не одинок. На шахте — десятки агитаторов, несущих правдивое большевистское слово в массы горняцкого коллектива, показывающих пример своим личным трудом. Такими являются агитаторы коммунисты тт. Плутаев, Давыдов и многие другие.

*) Б. Калясов, М. Лапшина, Ф. Эсаулов — Опыт работы агитколлективов Кузбасса. Издательство «Кузбасс», 1951 г., тираж 11.000 экз.

Автор статьи тов. Б. Калясов рассказывает также о разнообразных формах массово-политической работы на шахте. Здесь — призывы, доски показателей, «боевые листки», «молнии» и другое. Вся устная и наглядная агитация направлена к одной цели — сделать шахту стахановской, дать Родине больше кузнецкого угля, внести свой вклад в дело борьбы за коммунизм.

Центральное место в статье М. Лапшиной «Агитколлектив Кемеровского коксохимического завода» уделено работе с агитаторами. Партийная организация серьезно и внимательно избирает агитаторов, проводит с ними большую воспитательную работу. Автор приводит также интересные данные о составе агитаторов — проводников большевистских идей в массы. На заводе — 16 агитколлективов, объединяющих 242 агитатора. В составе агитаторов — 146 коммунистов, 38 комсомольцев и 58 беспартийных. Среди агитаторов — 104 инженера и техника, 80 стахановцев предприятия.

Агитколлективы собираются каждую неделю. С докладами перед агитаторами выступают: директор завода, парторг ЦК ВКП(б), инженеры. Тематика докладов для агитаторов разнообразна. Здесь читаются лекции о международном положении, движении сторонников мира, о великих стройках коммунизма, о социалистическом соревновании, повышении производительности труда, снижении себестоимости, повышении качества продукции и другие.

— На одном из семинаров агитаторов, — рассказывает тов. Лапшина, — заместитель главного инженера тов. Штейн огласил агитаторам данные о тех огромных, еще неиспользованных резервах, какие имеет завод для повышения выпуска продукции. Это вызвало живейший интерес агитаторов. Они подробно ознакомились с материалами и вместе с инженерно-техническими работниками цехов стали поднимать кол-

лектив рабочих на полное использование внутренних резервов.

Результаты не замедлили сказаться. Только в одном новококсовом цехе было внесено 230 рационализаторских предложений, из них 180 были приняты к исполнению, а 50 внедрены в производство. Или другой пример. В новококсовом цехе кокс стал выходить с повышенной влажностью. На этом завод нес большие убытки. Агитаторы разъяснили рабочим, и боевой целеустремленной агитацией за качество продукции добились исправления этого дефекта.

Партийная организация Кемеровского коксохимического завода через агитаторов проводит большую политическую работу среди населения по месту жительства. После проведения выборов в Верховный Совет СССР агитпункты были сохранены, где по утвержденному парткомом завода плану читаются лекции и доклады. Большим уважением среди населения пользуется агитатор Николай Владимирович Сметанин. Он регулярно проводит беседы, отвечает на все волнующие вопросы международного положения нашей страны.

«Партийная организация коксохимического завода, — пишет тов. Лапшина, — воспитала немало таких агитаторов, как Николай Владимирович Сметанин, Михаил Михайлович Пригодский. Большевистские агитаторы умело несут в массы трудящихся великие идеи партии Ленина — Сталина, воспитывают у советских людей коммунистическую сознательность и безграничную преданность своей Родине, большевистской партии и великому вождю товарищу Сталину».

Сила правдивого большевистского слова — так названа статья Ф. Эсаулова об опыте агитационной работы в укрупненном колхозе «Путь Ленина», Кемеровского района.

Автор рассказывает, как колхозники полеводческой бригады тов. Калинина вызвали на социалистическое соревнование за получение 130-пудового урожая членов бригады тов. Кузовлева. Агитатор ком-

мунист тов. Калинин провел беседу о передовой мичуринской агротехнике. Он на конкретных примерах своего колхоза показал, из чего складывается высокий урожай. Правдивое слово агитатора, его конкретные целеустремленные беседы, содействовали повышению производительности труда, своевременному и высококачественному выполнению всех сельскохозяйственных работ. А это, в свою очередь, сказалось на урожае. Колхоз получил на больших площадях по 130—150 пудов зерна с гектара.

«Агитировать, — учит товарищ Сталин, — не значит только уговаривать, но и изобличать». Этому указанию товарища Сталина следуют агитаторы колхоза. Они, разъясняя колхозникам международные события, рассказывая о передовом опыте, вместе с тем критикуют отстающих, недобросовестно работающих колхозников.

В брошюре приводятся примеры, как агитаторы через беседы влияют на плохо работающих колхозников, как под общественным воздействием нарушители Устава сельскохозяйственной артели исправляются. Комбайнер Пономаренко на уборке хле-

ба допускал потери. Агитатор Яков Иванович Чудаков обнаружил это. Он провел беседу с работниками комбайнового агрегата, где раскритиковал комбайнера Пономаренко. Агитатор показал на примерах, что оставить один колосок на квадратном метре — значит потерять в колхозе до 700 пудов хлеба. Беседа агитатора серьезно подействовала на работников комбайнового агрегата, потери прекратились.

Ездовой Бекшенев бесхозяйственно относился к колхозному коню. Агитатор тов. Федотов во время беседы раскритиковал Бекшенева за это. Отношение к колхозным лошадям изменилось. Сейчас за лошадьми стали хорошо ухаживать и беречь их. Агитаторы большевистским словом помогают колхозу множить общественное богатство артели, повышать культуру и зажиточность колхозников.

Брошюра «Опыт работы агитколлективов Кузбасса» окажет большую помощь партийным организациям, руководителям агитколлективов и агитаторам в улучшении постановки политической агитации среди трудящихся Кузбасса.

Ф. ЭСАУЛОВ.

Ведущая сила

За последний год в жизни колхозов произошли важные изменения. По инициативе и при активном участии колхозников мелкие сельскохозяйственные артели объединились в крупные многоотраслевые высокотоварные хозяйства.

Укрупнение колхозов, естественно, сказалось положительно и на работе партийных организаций. Они стали многочисленнее. Многие коммунисты, ранее работавшие на административ-

но-управленческих должностях, пошли непосредственно в производственные бригады. Пополнились колхозные парторганизации за счет коммунистов — специалистов сельского хозяйства, прибывших для работы в укрупненных колхозах.

Осуществляя партийный контроль над хозяйственной деятельностью правлений артелей, колхозные парторганизации стали глубже вникать в жизнь общественного хозяйства,

боевой партийно-политической и организаторской работой бороться за решение главной задачи в области сельского хозяйства — значительное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, быстрое увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности.

Поэтому обобщение опыта работы партийной организации укрупненного колхоза является важной и ответственной задачей. Рецензируемая нами брошюра Я. Северного «Партийная организация укрупненного колхоза»*) представляет собой несомненный интерес.

Автор брошюры на отдельных примерах показывает, как партийная организация и коммунисты в колхозе имени Калинина, Беловского района, осуществляют свою ведущую роль в колхозном производстве, как они повышают свой идейно-политический уровень.

В брошюре рассказывается, каких успехов добился укрупненный колхоз. Автор приводит интересные данные увеличения производительности машинно-тракторного парка, более полного использования материальных и трудовых ресурсов колхоза.

Однако Я. Северный и редактор тов. Петров не вполне справились с поставленной перед ними задачей. Они не показали партийную организацию укрупненного колхоза во всем ее многообразии. Автор брошюры больше руководствовался статистическими данными, чем раскрытием содержания внутрипартийной жизни парторганизации. Вот почему отдельные положения брошюры написаны бездоказательно, необидительно.

Рассказывая о действенности агитационной работы партийной организации, автор не потрудился над тем, чтобы глубоко изучить ее. Он пошел по иному, более легкому пути. Я. Северный примитивно описы-

вает работу агитаторов. Вот факты. На животноводческой ферме низка продуктивность скота. Агитатор тов. Иванов, он же, кстати говоря, и заведующий фермой, проводит беседу с доярками.

Для низкой продуктивности скота на колхозной ферме, как пишет Я. Северный, причин было много. Не было распорядка дня в уходе и содержании за животными. Скот больше находился в прогонах, а не на пастбище. Поили коров редко. Причины эти, как утверждает далее тов. Северный, были известны тов. Иванову. Но агитатора радовало, что беседа заставила задуматься самих доярок и они начали называть причины, критиковать недостатки — значит, беседа дошла до слушателя.

Описывая этот факт, автор хотел показать действенность агитационной работы. Стоило-де тов. Иванову провести беседу, как недостатки на ферме были устранены и удои повысились. Но читатель таким объяснением останется недоволен. В самом деле, почему заведующий фермой агитатор тов. Иванов, зная, за ранее не устранил недостатки на ферме? Почему он радовался только тому, что беседа удалась, что она задела за живое доярок и не задумался, какой ущерб нанесла колхозу его беззаботность.

Выходит, что Иванов-агитатор не несет моральной ответственности за бесхозяйственность, допущенную Ивановым — заведующим фермой. Почему составлять распорядок дня на ферме, своевременно выгонять скот на пастбище, правильно организовать водопой можно только после беседы, которая задела за живое работников фермы? Подобный пример далек от подлинной действенности агитации.

Также неясно и то, почему коммунист, член партбюро тов. Иванов и партийная организация колхоза сначала запустили дело руководства животноводством, а уж потом

*) Я. Северный. Партийная организация укрупненного колхоза. Издательство «Кузбасс», 1951 год. 10 тыс. экз.

стали исправлять положение? Тов. Северный выдает это за положительный опыт. Мы же не советуем им пользоваться. Партийная организация должна руководить хозяйством оперативно, со знанием дела. Ее долг — не гасить уже разгоревшийся пожар, а предотвращать его.

Может быть, это описка автора? Ничуть, нет. Также объясняет действенность агитационной работы автор и в другом месте. Зимой, — как пишет тов. Северный, — удои снова снизились. В январе они составили 2,6 литра на фуражную корову. Причина была в том, что скот был поставлен в холодные помещения, плохо кормился. Иванов снова проводит беседу на тему: «Сделаем зиму временем высоких удоев». И после его беседы снова потребовалось наводить порядок на ферме — составить кормовой рацион, поить скот, установить распорядок. И когда все это сделали, удои стали увеличиваться.

Подобное примитивное описание действенности агитационной работы никого убедить не может. Не верят в это ни автор, ни редактор. Партийная организация, если она действительно руководит делом общественного животноводства, должна была поступить не так. Ее долг — повседневно следить за работой ферм, не допускать подобных провалов в работе.

Автор уклоняется от личной оценки работы колхозной партийной организации: Там же, где это нужно, он дает выписки из протоколов партийных собраний.

Особенно это относится к разделу «Партийное собрание». Принято считать, да это так и есть, что партий-

ное собрание является школой воспитания коммунистов. Однако автор брошюры не дает политического обобщения роли партийного собрания в жизни колхозной организации. В брошюре приводится единственный пример, когда собрание обсуждает доклад секретаря комсомольской организации.

Но и здесь снова знакомый нам прием. На собрании коммунисты узнают, что секретарь комсомольской организации два месяца не проводил комсомольских собраний, что его переизбрали, а новый секретарь не знает, кто и как из комсомольцев работает. Коммунисты на собрании пожурили секретаря комсомольской организации тов. Клещева, но автор так и не рассказал, как же исправлено положение дел в комсомольской организации.

Говоря о партийных собраниях, нельзя умолчать о ряде неточностей. Автор описывает как положительный факт, когда на собрание из 30 коммунистов является 17. Он не дает себе труда показать на конкретных примерах, как партийная организация проверяет принятые решения, как она воспитывает коммунистов в духе непримиримой критики недостатков.

Обобщение опыта партийной работы в укрупненных колхозах — ответственное дело. Однако ни автор Я. Северный, ни редактор К. Петров не взяли на себя труда вдумчиво и кропотливо изучить богатую, насыщенную ярким содержанием, внутрипартийную жизнь колхозной парторганизации. В книге нечетко показаны люди колхозной деревни, их идейный рост. Эта важная благородная тема ждет пера вдумчивого автора.

Новые книги, выпущенные издательством „Кузбасс“

- Б. Калясов, М. Лапшина, Ф. Эсаулов. Опыт работы агитколлективов.
Я. Северный. Партийная организация укрупненного колхоза.
П. Савицкий, В. Соколова. В помощь изучающим марксистско-ленинскую теорию (указатель литературы).
А. Косарь. В краю сокровищ. Сборник стихов.
М. Небогатов. Солнечные дни. Сборник стихов.
П. Лукьянов. Горизонтальные слои с пневматической закладкой.
П. Лукьянов. Подготовка выемочных участков на шахтах.
А. Валиков. Опыт проходки основного штрека с присечкой породы бригадой Г. П. Герасимова.
Н. Дубинин, И. Балибалов. Опыт мастеров комбайновой добычи угля.
А. Валиков. За улучшение скорости проходческих выработок.
Инж. Аверьянов. Опыт разработки пласта III Внутреннего системой лав.
Сборник. Устройство глино-соломенной кровли.
Группа авторов. Разработка мощных пластов.
П. Лукьянов. Использование породы от проходки горных выработок.
П. Лукьянов. Разработка мощных крутопадающих пластов наклонными слоями и длинными столбами по простиранию с закладкой и выемкой подэтажей снизу вверх.
Р. Маслеников. Сборник внедренных предложений рационализаторов шахт и цехов треста «Кемеровоуголь».
Г. Вайнгауз. Строительство из местных материалов.
А. Ваншток. 230 лет со дня открытия Кузнецкого каменноугольного бассейна.
В. Бушинский, А. Новиков. Почвы и их плодородие.
И. Скачков. Травопольная система земледелия.
Н. Соколов. Сорняки и борьба с ними.
Н. Соколов. Обработка почвы.
И. Якушкин, А. Бугаков. Травопольные севообороты.
Н. Климов. Основы анатомии сельскохозяйственных животных.
В. Кондырев. Кормление сельскохозяйственных животных.
Н. Максимов. Как живет растение.
П. Малинина. Опыт и получение высоких урожаев молока.
В. Сухова. Опыт выращивания высоких урожаев овощей.
Г. Бадирян. Производство кормов в колхозах.
С. Смелов. Улучшение природных кормовых угодий.
Н. Серов. Записная книжка пчеловода.
А. Бабин. Бруцеллез сельскохозяйственных животных и меры борьбы с ним.
И. Шелухин. Озимая пшеница на полях Кузбасса.
Н. Золотухин. Сорняки и борьба с ними в условиях Кемеровской области.
З. Копылова. Уборка и хранение урожая.
Х. Есиев. Электрификация колхозов.
Ф. Гаськов. Мастер высокого урожая картофеля.
А. Величко. Махорка — высокодоходная культура.
С. Данилов. Культура многолетних трав в Кузбассе.
В. Метельский, Д. Бошков. Обработка почвы в условиях Кемеровской области.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. ВОЛОШИН. Дальние горы. Роман .	Стр.
(Окончание 1-й части)	3

С т и х и

М. НЕБОГАТОВ. Знаменосец мира	183
А. КОЗЛОВ. Сталинский закон	183
А. ПОЛОЗОВА. Мир	184
А. КОСАРЬ. Кузнецкая земля	184
В. ЗУЛИН. Песня шахтеров	185
В. БОРИСОВ. Голуби	185
В. АФАНАСЬЕВ. Перед сменой	185
С. СОКОЛОВСКАЯ. Раймонда Дьен	186
В. ЛЮБУШКИН. Карылгаш	187

П р о з а

Г. МОЛОСТНОВ. В американском городе. Рассказ	188
--	-----

П у б л и ц и с т и к а

В. ПОПОВ. Д. И. Менделеев о Сибири и дружбе России с Китаем	195
--	-----

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я

А. АНДРЕЕВ. Опыт агитационной работы	202
Ф. ЭСАУЛОВ. Ведущая сила	204
Новые книги, выпущенные издательством „Кузбасс“	207

Редактор А. БАБАЯНЦ.

Редколлегия: А. ВОЛОШИН, Ф. ДЕМИН, А. КОСАРЬ (литературный секретарь), В. ПОПОВ, В. СОКОЛОВ, Н. ТРОИЦКИЙ.

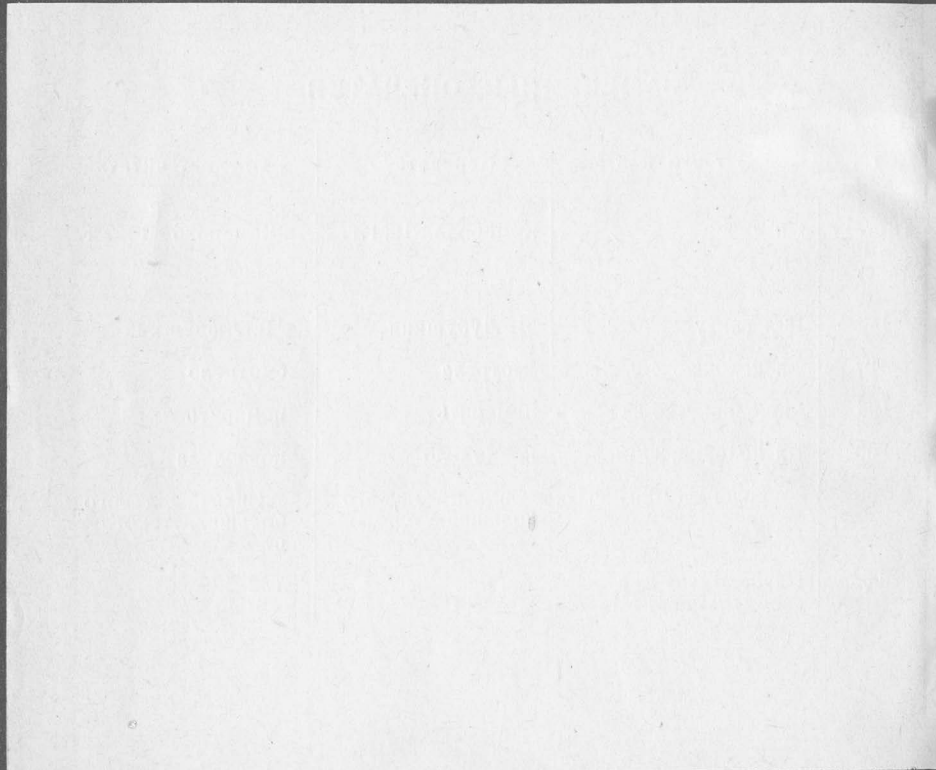
Подписано к печати 29/I-1952 г.

Печатн. л. 13.	Заказ № 5403.	Тираж 15.000.	ОП00047.
----------------	---------------	---------------	----------

Типография „Кузбасс“ г. Кемерово

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	С т р о к а	Напечатано	Следует читать
Титуль- ный лист	1-я снизу	Кемерово—1951 г.	Кемерово—1952 г.
187	18-я снизу	В. Лубушкин	В. Любушкин
197	2-я колонка, 4-я снизу	смотрела	смотрело
198	2-я колонка, 26-я сверху	померить	помирить
200	1-я колонка, 20-я снизу	позволило	позволила
203	2-я колонка, 10-я и 11-я снизу	Сила правдивого большевистского слова	„Сила правдивого большевистского слова“
206	1-я колонка, 11-я сверху	Также	Так же

50к

ЦЕНА 6 руб. 50 коп.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ
ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Приобретайте облигации
государственного 3% внутреннего выигрышного займа

По облигациям займа можно выиграть
от **400** рублей до **100000** рублей

По займу ежегодно производится
шесть основных тиражей и один
дополнительный тираж выигрышей

УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС
И ГОСКРЕДИТА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ